

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

ШЕСТЬЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В трех томах
Том 2

Материалы

УДК 009(063)

ББК 94л0

Ш52

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

А. И. Смирнов (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.),

И. П. Белоус, Н. С. Коноплев, Н. С. Малова,

Р. Ф. Проходовская, Л. Н. Харченко

Ш52

Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Т. 2 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 281 с.

ISBN 978-5-9624-0633-6

ISBN 978-5-9624-0635-0 (т. 2)

Данное издание включает в себя материалы Шестых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в г. Иркутске в 2012 г. Статьи дают представление об основных направлениях исследований отечественных и зарубежных ученых, исследующих проблемы истории и современного состояния общества и перспективы его развития. В издании представлены работы по истории, географии, философии, лингвистике, политологии, культурологии, библиотечному делу и другим научным дисциплинам.

Настоящее издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)

ББК 94л0

ISBN 978-5-9624-0633-6

ISBN 978-5-9624-0635-0 (т. 2)

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2012

АРХИВОВЕДЕНИЕ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Сопредседатели: Подгайченко Р. В., директор Научной библиотеки ИГУ (Иркутский государственный университет); Белоус И. П., заместитель директора по научной работе НБ ИГУ (Иркутский государственный университет)

БУКИНА О. Н.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ССЫЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905–1917 ГГ.)

Известно, что основными формами связей ссыльных большевиков Сибири с местными партийными организациями РСДРП были: переписка, получение нелегальной литературы, сотрудничество в партийных изданиях местных организаций, участие в деятельности организаций РСДРП, организация побегов и материальная поддержка, поездки членов партийных организаций в районы ссылки. При этом связь ссыльных большевиков и местных организаций РСДРП была обоюдной.

Наиболее распространенный вид – переписка. Большинство документов, раскрывающих переписку, относится к периоду нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Это вполне объяснимо. Переписка, как и все другие виды революционных связей, находилась в прямой зависимости от размаха и характера революционной борьбы. В годы спада первой российской революции и столыпинской реакции она налаживалась, разностороннее и содержательнее стала в годы нового революционного подъема и сократилась в годы Первой мировой войны.

Расширение переписки ссыльных большевиков Сибири с организациями РСДРП в 1910–1914 гг. вызвано установлением связей с промышленными районами Урала. Исследователями изучены документы, раскрывающие переписку ссыльных большевиков Сибири с организациями РСДРП Москвы и Петербурга.

Ссылные большевики переписывались также с организациями РСДРП Харькова, Киева, Иркутска, Красноярска, Омска.

Всего за период 1907–1914 гг., по подсчетам Э. Ш. Хазиахметова, ссылные социал-демократы поддерживали письменные сношения как минимум с 70 пунктами страны, были связаны с 20 партийными организациями в 1907–1910 гг. и 24 в 1910–1914 гг. Несмотря на то, что материалы переписки 1907–1917 гг. ограничены, они показывают, насколько она была разнообразна и богата по содержанию. Ссылные большевики интересовались важнейшими событиями российского и международного революционного движения, сообщали о своей партийной работе, ее планах и трудностях, просили о посылке нелегальной и легальной литературы, о помощи в организации побегов, материальной поддержке. В то же время партийные организации сообщали ссылным большевикам о развитии революционного движения, о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, посылке партийной литературы, просили о содействии большевикам, направляемым в ссылку.

Так, во время обысков и арестов членов организации РСДРП Тюмени полицией была обнаружена резолюция Российской организационной комиссии по созыву общепартийной конференции. Особый интерес представляет письмо от 19 июня 1913 г., направленное из Кургана в Омск на имя видного партийного работника К. А. Попова. В нем изложена просьба организовать сбор денег для членов местной организации РСДРП Н. В. Шумилова и П. Е. Широкова и их семей, которых должны были сослать в Енисейскую губернию.

Переписка обычно велась через определенных «благонадежных» лиц с целью сокрытия ее от царских цензоров. Письма лишний раз подтверждают широкие связи ссылных большевиков Сибири с местными партийными организациями страны, в особенности в 1910–1914 гг.

Большое распространение получила такая форма связи ссылных Сибири с революционным подпольем страны, как посылка и получение нелегальной литературы. Так, в период 1908–1910 гг. факты связей единичны и устанавливались они в основном с Тюменским комитетом РСДРП (с 1908 г.). В период нового революционного подъема связи ссылных большевиков окрепли. Партийная литература высылалась им партийными организациями Петербурга, Москвы, Харькова, Самары, Иркутска, Тюмени, Барнаула. Партийные организации использовали любую возможность, чтобы отправить ссылным нелегальные издания,

так как цензура задерживала даже легальные большевистские издания. Литературу нередко переправляли через родных и близких, направлявшихся в Сибирь [2].

Сотни жандармских донесений о конфискации поступавшей в Сибирь из-за границы нелегальной литературы, письма эмигрантам, в которых содержатся сведения о сибирских адресах для ее посылки, дают возможность судить, чья литература и по каким адресам направлялась.

По данным Э. Ш. Хазиахметова, в период с июля 1910 по июль 1912 г. нелегальная литература в Тобольскую губернию доставлялась по 12 адресам, принадлежащим ссыльным большевикам. Так, в Таре имелся один такой адрес, по два – в Туринске и Ялutorовске, семь – в Тюмени [5]. В качестве примеров можно привести следующие: в Ялutorовск корреспонденция шла на имя Ф. Г. Паргалова, в с. Романовском Тобольской губернии ее получал Рубен Георгадзе, в с. Новое село – Ф. Устинов и т. д. Интересен адресат в Кургане по имени «Афанасьев». Ключом к связи с ним являлась басня Ф. А. Крылова «Обоз» [3].

Говоря о названиях изданий, получаемых тобольскими ссыльными, можно отметить, что большевики получали «Социал-демократ», «Пролетарий», «Рабочую газету» и другие издания заграничного большевистского центра [5].

О том, какая литература доходила до ссыльных, показывают документы с результатами обыска на квартирах ссыльных большевиков – активистов Тюменской организации РСДРП. Одним из видных деятелей организации был М. Б. Глузман. В своей квартире он давал приют ссыльным, там же проводили свои собрания члены Тюменской организации социал-демократов. При обыске у него были найдены брошюры «Песни борьбы», «Вестник свободы» и другие запрещенные издания. Другой активист – И. И. Гоникберг также подвергся обыску. У него найдены 50 различных брошюр революционного содержания, в том числе издания «Молот», «Новая волна» [1].

ЦК уделял большое внимание постановке печати на местах. Присланные местными организациями газеты и листовки тщательно изучались. О них давалась информация в центральных газетах. Так, перечень полученных ЦК партийных изданий, в которых были упомянуты прокламации Тюменского комитета, давали «Социал-демократ» и «Пролетарий». Печатались тексты листовок, отчеты организаций, их корреспонденции. Часто материалы из России направлялись большевиками лично В. И. Лени-

ну. В июле 1908 г. письмо с вложенной листовкой «Катастрофа на Рыковской шахте» посылают члены Тюменского комитета РСДРП. Желая поделиться с В. И. Лениным своими планами партийной работы, большевики специально прилагают к письму листовку, зная, что «для Ильича будет небезынтересно ее увидеть» [4].

Одна из важнейших форм связей ссыльных большевиков Сибири – сотрудничество в партийных изданиях местных организаций РСДРП. С притоком участников революции 1905–1907 гг. печать сибирских организаций РСДРП получила новые кадры корреспондентов. Лицо ссылки определяли рабочие-массовики и активные партийные работники. Они помогали в создании подпольных типографий, распространении листовок, воззваний, прокламаций, направляли свои заметки, статьи в редакции газет, организовывали сборы в большевистскую печать. Например, И. И. Силин предоставлял место для склада нелегальной литературы. Также через казака П. И. Шабалина в магазине Левитовой он доставал бумагу для партийной типографии. Сам Шабалин был известным пропагандистом и казначеем Тюменской организации РСДРП. Бывший студент П. Е. Калугин также был активистом социал-демократической партии. Он иногда писал для газеты «Тюменский рабочий», которая печаталась в тайной типографии административно-ссыльных. Еще один ярый сторонник большевистской партии – С. Григорьев (партийная кличка «Михей»). Он прибыл из Екатеринбурга, где был организатором и членом комитета. Желая в Тюмени создать новую типографию, он искал заказы и собирал деньги. При обыске полиция обнаружила у него «две типографские верстатки» [1].

Исследователи выделяют такие два направления участия ссыльных большевиков в деятельности организаций РСДРП, как создание новых социал-демократических групп и кружков и укрепление существующих, что расширяло партийную работу в Сибири, непосредственное участие в агитации и пропаганде идей марксизма-ленинизма.

Существует несколько причин, объясняющих привлечение местными организациями РСДРП ссыльных большевиков к своей работе. Это: 1) рост численности членов РСДРП, что приводило к нехватке революционеров-профессионалов; 2) репрессии по отношению к вожакам сибирских рабочих; 3) острая борьба, развернувшаяся в организациях РСДРП Сибири по вопросам тактики; 4) стремление ссыльных продолжать свою революционную работу и в условиях ссылки.

Историки подчеркивают большую роль ссыльных большевиков в установлении связей местных партийных организаций РСДРП с партийными центрами. Н. Н. Щербаков пишет, что установление революционных связей между партийными организациями и ЦК РСДРП со второй половины 1911 г. целиком переходит в руки политических ссыльных. Роль ссыльных большевиков в установлении связей между самими организациями РСДРП изучена слабо.

Важнейшей частью работы РСДРП являлась организация побегов ссыльных большевиков. Наибольшую активность в этом проявили организации РСДРП Сибири. Эта форма связей ссыльных и партийных организаций наиболее изучена Э. Ш. Хазиахметовым. Он указывает, что организация побегов находилась в прямой зависимости от развития революционного движения в стране, от установления необходимых революционных связей и что побеги «особенно участились... со второй половины 1909 г., когда были установлены необходимые связи». Выявлена большая заслуга отдельных партийных руководителей в организации побегов ссыльных, таких, например, как А. А. Солыц, которые знали положение дел во многих партийных организациях, имели адреса, явки, были лично знакомы со многими партийными работниками. Успех побегов обеспечивался только совместными усилиями революционного подполья, политической эмиграции, самих ссыльных и местного населения; для благополучного побега необходимо иметь материальные средства, нелегальные документы, знать адреса, явки, пароли, маршрут побега, владеть необходимыми навыками конспирации. Исследователи подчеркивают существенную роль в организации побегов в 1907–1908 гг. организации РСДРП Тюмени.

Организация побегов носила централизованный характер. М. Ф. Богданова отмечает, что при аресте членов Тюменской организации РСДРП в феврале 1909 г. была обнаружена печать с надписью «помощь политическим ссыльным и заключенным», отчет по сбору пожертвований в пользу политических ссыльных. Все это говорит о широкой координации этой работы местными организациями РСДРП.

Менее всего изучен такой аспект многоплановой темы, как поездки членов организаций РСДРП в районы ссылки. Члены партийных организаций, выезжавшие в районы ссылки, не всегда находились под надзором полиции, поэтому в материалах делопроизводства царских центральных и местных органов власти

сведений об их деятельности очень мало. Но то, что такие поездки имели место, доказывают агентурные сведения жандармского управления [2].

Политические ссыльные внесли огромный вклад в активизацию связей подпольщиков с руководящими центрами большевиков, что повлекло более широкое распространение, и в Тобольской губернии в частности, эмигрантской литературы, марксистско-ленинских, революционно-демократических идей. Факты показывают, что сибирским большевикам – и местным, и ссыльным удалось в рассматриваемый период оживить и укрепить нелегальные организации РСДРП, усилить их ведущую роль как политического авангарда рабочего и революционного движения в целом. Это явилось одной из важных предпосылок для дальнейшего развития и усиления идейно-политического размежевания в революционном движении в Тобольской губернии в последующие годы [5].

Литература

1. ГУ ТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 152.
2. Буряк Е. И. Отражение связей ссыльных большевиков Сибири с организациями РСДРП в 1907-1917 гг. в материалах Государственного архива Омской области // Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма капитализма. – Омск, 1987.
3. Сосновская Л. П. Роль газеты «Пролетарий» в распространении ленинских идей в Сибири в годы реакции (1907-1910 гг.) // Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма капитализма. – Омск, 1987.
4. Усова Н. В. Пропаганда стратегии и тактики партии в нелегальной печати большевиков Сибири в 1906-1910 гг. // Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма капитализма. – Омск, 1987.
5. Хазиахметов Э. Ш. Участие политических ссыльных в революционном подполье Сибири (1910-1912) // Ссыльные революционеры в Сибири. – Иркутск, 1982. – Вып. 7. – С. 78-94.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

В последние годы специалистами самых различных направлений не раз обсуждалась проблема о месте музея в современном мире, о том, какие функции он должен выполнять, какие новые формы деятельности осваивать, чтобы соответствовать меняющимся культурным ситуациям. Многие современные музеи постепенно отходят от модели целенаправленного формирования знаний и ценностных предпочтений посетителя, уделяя больше внимания досуговой и развлекательной составляющей. Однако трудности, которые переживает отечественная система образования, показывают, что образовательная функция музея не только не утратила своего значения, но и стала более востребованной.

Анализируя особенности музея как образовательной среды, важно помнить, что решение о том, в какой музей пойти, принимается учителем, при этом, как показывают опросы, основными критериями выбора музея для посещения и темы экскурсии являются следующие:

- тема экскурсии непосредственно связана с материалом школьной программы;
- посещение музея предоставит образовательные возможности, недоступные в школьном классе;
- освоение экскурсии не потребует большой подготовительной работы с учащимися;
- экскурсия будет увлекательной как для учащихся, так и для учителей;
- посещение музея не требует сложной организации передвижений (когда с группой школьников не нужно проходить большие расстояния от/до остановки общественного транспорта, когда их легко удерживать вместе и контролировать).

Основная цель школьных экскурсий – углубленное изучение учебной программы. Политехнический музей¹ дает возможность получения дополнительных знаний по таким школьным предметам, как природоведение (естествознание, окружающий мир), физика, химия, история, москвоведение. Однако музей – это особая образовательная среда. Обучение в музее предполагает получение дополнительных либо альтернативных знаний, которые

¹ Имеется в виду Политехнический музей в г. Москве.

невозможно или не в полной мере можно получить в других образовательных учреждениях. Это связано с тем, что музейно-педагогические программы основаны на знакомстве и изучении предметов-подлинников. В работе со школьниками музеи делают ставку на развитие представления детей об окружающем мире через знакомство с музейными предметами, умение наблюдать, систематизировать информацию, генерировать гипотезы.

Еще одной отличительной чертой обучения в музее являются неформальность и добровольность. Это способствует максимальной реализации способностей и удовлетворению интересов учащихся.

Таким образом, наиболее значительными образовательными возможностями, которые предоставляет музей, являются:

1. Развитие способности извлекать информацию из первоисточника – на основе изучения предметов материальной культуры или естественно-научных образцов.
2. Формирование понятийного аппарата о предметах материальной среды или явлениях природы.
3. Привитие навыков самостоятельного обучения.
4. Эмоциональная насыщенность процесса обучения, создание «опыта радости» от процесса обучения.

Еще одной важной особенностью музея как образовательной среды является возможность использования различных форм образовательных мероприятий (см. табл.).

Ведущую роль в раскрытии и эффективном использовании научно-технического музея как образовательного пространства играет установление тесного взаимодействия с образовательными учреждениями, и, конечно, непосредственно с учителями. Основным результатом эффективного взаимодействия музея и школы должен стать переход от единичных и эпизодических посещений к созданию многоступенчатой системы музейного образования, более тесному приобщению к музею и его культуре и учащимся, и учителей. И здесь можно выделить два направления:

- 1) создание условий для того, чтобы учитель мог самостоятельно работать с детьми в музее;
- 2) оказание учителю помощи в приобретении знаний и навыков, которые он мог бы использовать на уроках в школе, в том числе подготовка специальных музейных материалов по различным темам и предметам.

Основные формы музейных образовательных мероприятий

Форма мероприятия	Краткая характеристика, примеры	Категория посетителей
Занятие-экскурсия (урок-экскурсия)	Образовательное мероприятие, сочетающее занятие в учебной аудитории с экскурсией по одному или нескольким залам музея, связанным по содержанию с темой занятия. Тема раскрывается через музейные предметы, специально изготовленные демонстрационные материалы, с применением интерактивных методик	Определенные возрастные группы учащихся школ, лицеев, колледжей, дошкольники
Музейная лекция	Последовательное изложение какого-либо вопроса, темы, раздела, предмета с обязательной демонстрацией музейных материалов, использованием аудиовизуальных средств	Все категории посетителей
Лекция-экскурсия	Лекция, теоретическая часть которой дополняется знакомством с одним или несколькими разделами экспозиции в рамках определенной темы. Теоретический материал раскрывается с помощью специально разработанных демонстрационных установок, динамических стендов, музейных предметов, мультимедийных средств	Определенные возрастные группы учащихся школ, лицеев, колледжей, студенты вузов
Лекция-демонстрация	Рассматривает конкретные вопросы естествознания. Сопровождается демонстрацией процессов и явлений с помощью специального оборудования, опытов, экспериментов. Может иметь различное содержание: от академической до научного шоу	Определенные возрастные группы учащихся школ, лицеев, колледжей, студентов вузов
Практическое занятие	Лабораторная работа, самостоятельное выполнение учебных экспериментов, осуществляемое посетителями под руководством и контролем музейных сотрудников	Определенные возрастные группы учащихся школ, лицеев, колледжей
Интегрированное занятие	Сочетание практического (лабораторного занятия) с одной или несколькими образовательными музейными формами – лекцией, экскурсией, лекцией-демонстрацией	Группы учащихся старших классов школ, лицеев, колледжей
Кружковое занятие	Систематические занятия в рамках циклов различной длительности по какому-либо виду научного или технического творчества под руководством и контролем музейных сотрудников, по разработанным в музее методикам и программам	Различные возрастные группы учащихся
Мастер-класс	Лекция методического плана, раскрывающая возможности использования музейного пространства в образовательных целях	Студенты педагогических вузов, колледжей, учителя

Примером реализации первого направления может послужить подготовка и проведение Политехническим музеем совместно с ГОУ «Интеллект» программы «Музейный спектр». В рамках этой программы специалистами обеих организаций были разработаны два маршрута, проходя которые, школьники совместно с учителем самостоятельно изучают музейные предметы в экспозиции, отвечая на вопросы и выполняя задания из маршрутных карт. Длительность пребывания группы в музее составляет 1,5 часа, из которых 1 час отводится на прохождение маршрута, а 0,5 часа на обсуждение результатов и подведение итогов.

Примером успешного развития второго направления взаимодействия музея и школы может послужить работа Научного образовательного центра в музее At-Bristol (г. Бристоль, Великобритания), организованная совместно с университетами г. Бристоля и Плимута. Необходимость создания такого центра вызвана особенностями образовательной системы Великобритании, согласно которой в школьные программы включен предмет «science», который предусматривает комплексное преподавание основ естественных наук (физики, химии, биологии, наук о Земле), а также основ медицины и осуществляется одним педагогом.

Программа обучения в этом центре включает более 50 курсов, проводимых в дневное и вечернее время, длительностью от 4 до 16 академических часов. Занятия рассчитаны на учителей, методистов и лаборантов-демонстраторов и включают изучение таких тем, как: «Практическая физика для всех», «Преподавание науки через демонстрации», «Почувствуйте себя здоровыми», «Наука: гипотезы, аргументы, доказательства» и др. Привлекательность таких программ для учителей подкрепляется тем, что по окончании курса они получают комплект методических и демонстрационных материалов для использования при проведении школьных занятий, также для учителей сохраняется возможность получения индивидуальных консультаций для решения вопросов, возникших при работе с детьми по прослушанным темам.

Политехнический музей делает в этом направлении только первые шаги. В химической лаборатории музея регулярно проводятся мастер-классы для студентов педагогических вузов, колледжей, учителей. Цель этих мероприятий – не только познакомить слушателей с образовательными возможностями музея, но и продемонстрировать интерактивные методики, которые могут быть использованы при обучении химии.

Еще одной возможностью взаимодействия музея и школы может стать разработка серии виртуальных познавательных экскурсий. В связи с подготовкой к реконструкции, актуальной задачей в области музейной педагогики для Политехнического музея является сохранение возможно более широкого его присутствия в культурной и особенно образовательной среде. По нашему мнению, одним из вариантов решения этой задачи и является разработка учебных виртуальных экскурсий. У Политехнического музея уже есть опыт создания виртуальных образовательных ресурсов. В 2008–2009 гг. музей принимал участие в работе по программе «Цифровой образовательный ресурс», проводимой Министерством образования и науки РФ. В рамках программы было подготовлено и размещено в сети Интернет несколько десятков видеосюжетов, рассказывающих о музейных предметах, знакомство с которыми может помочь школьникам в изучении природоведения, химии, физики, экономической географии и других предметов.

Для придания виртуальной экскурсии образовательного характера экскурсия может быть дополнена дидактическими материалами – вопросами викторины, кроссвордом, которые учитель может использовать для закрепления пройденного материала. Для этого больше подойдут темы, непосредственно связанные со школьной программой. Реализация первых проектов виртуальных экскурсий намечена на начало 2012 г.

Решение всех вышеперечисленных задач невозможно без решения проблемы подготовки кадров. Для научно-технических музеев это особенно актуально, так как специалистов по музейной педагогике готовят гуманитарные вузы, которые не дают своим выпускникам глубоких научно-технических знаний. Опыт Политехнического музея показывает, что таким специалистам очень трудно осваивать образовательную тематику и разрабатывать новые программы. Как правило, в научно-технических музеях образовательной деятельностью занимаются сотрудники с базовым техническим или естественнонаучным образованием, которые приобретают педагогические навыки в процессе практической деятельности. Повышению квалификации сотрудников научно-технических музеев способствует проведение ежегодных семинаров, посвященных работе с посетителями. Тема «Музей и посетитель» также всегда присутствует на проходящих в музее конференциях. Это дает возможность обмениваться опытом и совместными усилиями расширять образовательные возможности научно-технических музеев.

Литература

1. ОПИ ПМ Ф. 100. Оп. 1. № 16548/20.
2. Бубнов А. С. Музей на нынешнем этапе // О музеях. – М. ; Л., 1931.

ТАРХОВА О. И.

МОДЕЛИ ПАРОВОЙ ТЕХНИКИ В ЭКСПОЗИЦИИ «ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ» ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Политехническому музею в этом году исполняется 140 лет. Инициаторами создания музея техники были ученые Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕА и Э). Общество ставило своей целью содействовать развитию науки и распространению естественно-научных знаний. Эти идеи на все последующие годы определили характер деятельности музея.

Время создания Музея прикладных знаний (ныне Политехнический музей) и расцвет паровой техники исторически совпали, поэтому паровые машины и паровые котлы были представлены уже на Политехнической выставке 1872 г., на базе которой был создан Политехнический музей. К сожалению, недостаток архивных документов не позволяет проследить дальнейшую судьбу каждого предмета данной тематики, представленного на выставке.

На сегодня выявлено три музейных предмета: клапан парового котла, предохранительный (разрез); модель действующей паровой горизонтальной машины; модель вертикальной паровой машины с качающимся цилиндром, на которых имеется фирменное клеймо «А. CLAIR», подтверждающее экспонирование этих предметов в педагогическом отделе Музея прикладных знаний и поступление экспонатов от г-на Клера в 1872 г. Из вышеизложенного следует, что фондовое собрание по паровой технике стало формироваться в первые годы существования музея. «...После внимательного ознакомления с существующими коллекциями, члены комиссии пришли к заключению, что настоящий состав их весьма недостаточен и что на них можно смотреть только как на некоторый материал, которым возможно воспользоваться при организации в будущем систематических коллекций механического отдела музея. Главную часть коллекций представляют модели по механике, приобретенные в 1872 г. от Клера из Парижа и понемногу пополнявшиеся за истекшее двадцатипя-

титетие приобретениями частью из-за границы..., частью заказами в России..., частью пожертвованиями с выставок и от частных лиц» – из протокола совещания Технической комиссии музея от 8 марта 1898 г.

С момента появления первых экспонатов по паровой технике постоянно осуществлялось целенаправленное и обоснованное пополнение фонда по данной теме. Коллекции «Модели паровых машин» и «Макеты паровых котлов» Политехнического музея формируются таким образом, чтобы в научно-популярной форме максимально полно отразить эволюцию теплосилового установки: паровой котел – паровая машина. Модели паровых машин и макеты паровых котлов стали изготавливать практически одновременно с производством паровой техники.

На начальном этапе развития паровой техники предназначением моделей было раскрытие устройства и принципа действия оригинала в процессе обучения будущих специалистов, т. е. модели данного этапа относятся к категории учебных. В коллекции Политехнического музея имеются подобные модели:

- макеты двухжаротрубного котла и котлов Шухова являются учебными, так как для обеспечения возможности визуального обзора внутреннего устройства котла по всей длине макетов сделан продольный разрез;

- модели действующих паровых машин, являясь учебными, раскрывают принцип действия парового двигателя, выпускавшихся реально в период их расцвета, приходящихся на конец XIX – начало XX в.

С течением времени с бурным развитием принципиально новых энергетических установок эта роль приобрела иное значение, и в настоящее время макеты и модели паровой техники в Политехническом музее используются в качестве иллюстрации этапов эволюции теплового двигателя.

На этапе перехода от водяного колеса к теплоэнергетике русский механик Иван Иванович Ползунов в 1763–1766 гг. впервые в мире разрешил эту проблему, создав двухцилиндровый поршневой двигатель, работающий по паро-атмосферному циклу непрерывного действия для непосредственного привода заводских агрегатов – воздуходувных мехов. До изобретения Иван Ивановичем Ползуновым теплосилового установкой область применения тепловых двигателей была крайне ограничена и сводилась к решению только одной задачи – подъема воды [5; 7]. В экспозиции Политехнического музея представлены модели паро-

атмосферных машин Ползунова образцов 1763 и 1766 г., еще одна модель находится в фондохранилище музея.

Постепенное совершенствование отдельных конструктивных элементов, технологических приемов и расширение знаний о взаимосвязях факторов, определяющих работу «огненных машин», привели к первому качественному скачку в развитии теплового двигателя.

Новая эра в истории развития паровых машин наступила в 1769 г., когда Уатт, усовершенствовав паро-атмосферную машину Ньюкомена, получил патент на паровую машину низкого давления с отдельным конденсатором, выполненную как балансирующая. Универсальный тепловой двигатель в музее длительное время был представлен действующей моделью паровой машины Уатта балансирующего образца 1784 г. [10].

Следуя традициям великого русского изобретателя И. И. Ползунова, который еще в 60-х гг. XVIII в. выдвинул задачу заставить паровой двигатель «что будет потребно, исправлять», Ефим Черепанов спустя 50 лет начал свою деятельность по внедрению универсальных паровых машин на ниже-тагильских заводах. В общей сложности братья Черепановы построили около двадцати стационарных паровых машин мощностью от 4 до 60 лошадиных сил. «Все они, – говорилось в представлении Е. А. Черепанова к награде медалью в 1833 г., – имеют самую удобнейшую конструкцию, немногосложны, превосходной наружной отделки и действуют легко, с полным успехом» [3; 6]. Реализуя идею внедрения в заводское производство паровых машин, Черепановы с самого начала рассматривали их как универсальный двигатель, пригодный для различных целей. Такая принципиальная концепция позволила им впоследствии распространить применение паровых машин на механизацию транспорта. В 1834 г. первый русский паровоз был построен. Анонимный автор заметки в «Горном журнале» (исследователи предполагают, что это был выдающийся тагильский инженер Ф. И. Швецов) об изобретении Черепановых писал: «Сухопутный пароход, ими устроенный, ходит в обе стороны по нарочно приготовленным на длине 400 сажен колесопроводам и возит более 200 пудов тяжести со скоростью от 12 до 15 верст в час» [2]. Модель «сухопутного парохода» Черепановых украшает экспозицию Политехнического музея в Москве.

Широкое применение паровых машин в качестве двигателей для различных отраслей промышленности невозможно без кот-

лостроения. Прототипами для котлов паровых машин атмосферного типа, применявшихся до XIX в., служил обычный варочный котел, отсюда и пошло их название. Развитие паровой машины требовало повышения давления пара и увеличения паропроизводительности котла, а значит, совершенствования его конструкции.

Конструкции современных паровых котлов сложились в процессе изменения конструктивных форм выпускавшегося до второй половины XIX в. простейшего цилиндрического котла. Развитие парового котла шло по двум направлениям: увеличения числа потоков газов – газотрубные котлы и увеличения числа потоков воды и пара – водотрубные котлы.

Газотрубные паровые котлы отличались от цилиндрических относительно малыми размерами и высоким КПД (60 %), однако паропроизводительность их, ограничиваемая габаритами, не превышала нескольких т/ч, а конструкционные особенности ограничивали давление пара в котле 1,5–1,8 МН/м². В экспозиции Политехнического музея имеются действующие макеты заводской теплосиловой установки и локомотива, отражающие конструкцию паровой машины с горизонтально расположенным цилиндром и котла с дымогарными трубами. Газотрубные паровые котлы применялись в основном на транспорте (паровозы, пароходы), в промышленности и сельском хозяйстве до начала XX в.

В дальнейшем газотрубные паровые котлы были полностью вытеснены водотрубными котлами. Систем водотрубных котлов существует очень много, но не во всех из них одинаково просто и надежно осуществляется основная идея устройства. Преимущественным распространением в России в конце XIX в. пользовалась система инженера-механика В. Г. Шухова.

Русский инженер В. Г. Шухов создал оригинальные конструкции водотрубного парового котла [1; 4]. Заявка на привилегию на трубчатые паровые котлы была подана В. Г. Шуховым 29 октября 1890 г., а сама привилегия № 15434 получена 27 июня 1896 г. «Предмет изобретения, – говорилось в ней, – составляют трубчатые паровые котлы, отличающиеся от известных уже и привилегированных в России котлов своеобразной комбинацией трубчатых батарей с цилиндрическими барабанами». Макет двойного горизонтального водотрубного котла системы инженера В. Г. Шухова, представленный в нашем музее, выполнен с такой степенью приближения к оригиналу, которая позволяет с уверенностью утверждать, что первоначально его основное назначение заключалось в иллюстрации объяснения принципа

действия котла и отражает исторический этап использования котлов в России. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. котлы Шухова были удостоены высшей награды. Наряду с горизонтально-водотрубными котлами широкое применение нашел и «вертикальный трубчатый котел Шухова» (патент № 15435, 1896 г.) малой мощности. «В конце XIX в. и в начале XX в. на фабриках и заводах по всей стране тысячи котельных были оборудованы оригинальными и экономичными вертикальными и горизонтальными котлами Шухова, вытеснившими заграничные котлы иностранных фирм» [11]. В Политехническом музее выставлен и макет «оригинального» вертикального котла системы Шухова.

К концу XIX в. паровая машина достигает высокого технического совершенства, однако она не может удовлетворять потребности быстроразвивающихся электростанций. По мере увеличения электрических мощностей на электростанциях все острее ощущалась потребность в таком двигателе, который бы сочетал в себе большую мощность с быстроходностью. Первичным двигателем, удовлетворяющим возникшим требованиям, является паровая турбина, пар для работы которой получают с помощью вертикально-водотрубных паровых котлов. В экспозиции Политехнического музея можно рассмотреть конструкцию паровой турбины Лаваля, увидеть две действующие модели паровых турбин мощностью 150 МВт и 500 МВт и макеты трехбарабанного, двухбарабанного и однобарабанного вертикально-водотрубных котлов. Однако в силу значительных технологических трудностей изготовления обычных барабанных котлов, а также в связи с необходимостью производства пара сверхвысокого давления логичным шагом в развитии котлостроения стала разработка котла прямооточной конструкции.

Сама идея прямооточного котла была впервые запатентована еще в 1785 г. за рубежом. Зарождение и развитие отечественного прямооточного котлостроения стало возможным благодаря большой исследовательской и конструкторской работе, проведенной под руководством профессора Л. К. Рамзина [8; 10]. Вот что сам Леонид Константинович писал об этом: «Что такое прямооточный котел?... Это система параллельно расположенных и закрепленных на каркасе обогреваемых змеевиков. Они должны быть выполнены из труб небольшого диаметра – 30–40 мм. В змеевики с одного конца будет поступать нагнетаемая насосами вода под нужным давлением. Трубы, обогреваясь горячими газами, как в

обычном котле, передают тепло воде, и она превратится в пар, выходящий при расчетной температуре с другого конца трубок. Следовательно, будет прямой поток воды с принудительной циркуляцией. Не надо никаких дорогостоящих барабанов!... Идея не только моя, в Германии уже несколько небольших прямоточных котлов Бернсона. Но они маломощны и конструктивно решены иначе. Моя конструкция позволит делать простые и высокопроизводительные агрегаты» (Интеллигентнейшей воды // Бауманец. 1987. 17 нояб. (№ 63)). Идея профессора Л. К. Рамзина оказалась весьма плодотворной и до сих пор успешно используется в конструкциях отечественных и зарубежных прямоточных котлов. Первый прямоточный котел был установлен в 1933 г. на ТЭЦ № 9, именованной тогда ТЭЦ-ВТИ. С созданием прямоточных котлов начался новый этап в котлостроении. Значимость этого события послужила причиной появления макета этого котла на выставке к XX-летию Октября в Политехническом музее и последующей передачи его в фонд музея, где он экспонируется по настоящее время.

В настоящее время фондовое собрание по теплотехнике насчитывает 53 единицы, из них выставлено в экспозиции 22 музейных предмета, выполненные с высоким качеством и обладающие способностью воспроизведения действия прототипа.

Литература

1. Берлов М. Н. Исследование водотрубного котла системы Шухова / М. Н. Берлов. – СПб., 1897.
2. Виргинский В. С. Механики Черепановы – поборники введения паровых машин в производстве и на транспорте // Творцы новой техники и крепостной России. – Изд. 2. – М., 1962.
3. Виргинский В. С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых / В. С. Виргинский. – М., 1956.
4. В. Г. Шухов – выдающийся инженер и ученый : тр. объедин. науч. сес. АН СССР, посвящ. науч. и инж. творчеству почет. акад. В. Г. Шухова. – М. : Наука, 1984. – 94 с.: ил.
5. Данилевский В. В. Труды и жизнь первого русского теплотехника / В. В. Данилевский, И. И. Ползунов. – М. ; Л., 1940.
6. Известие о сухопутном пароходе, устроенном в Уральских заводах в 1833 г. // Горн. журн. – 1835. – № 5.
7. Ползуновский альманах. – 2004. – № 2.
8. Прямоточные котлы Рамзина : сб. ст. / под ред. Л. Рамзина. – М. ; Л., 1948.
9. Промышленность и техника : энциклопедия промышлен. знаний. – СПб. : Тип. тов-ва «Просвещение», 1904.
10. Тархова О. И. Жизнь и творчество Л. К. Рамзина (Анализ источниковой базы) // Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности : сб. ст. – М., 2003. – Вып. 4. – С. 201–216.
11. [Электронный ресурс]. – URL: mega-watt.ru/info/history_boiler/shuhov.htm

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИАНГАРЬЕ

Сопредседатели: Харченко Л. Н., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет путей сообщения); Коновалова С. В., начальник отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям

БАГАЕВА К. А.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БУДДИЙСКОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сегодня религия в современном российском обществе занимает все более важное место. Деятельность религиозных объединений охватывает широкий спектр общественных отношений: духовных, культурных, правовых, экономических и политических.

Религиозный фактор оказывает влияние на развитие многих общественных процессов в области межнациональных и межконфессиональных отношений, способствует формированию нравственных ценностей в сознании общества.

Сегодня проблема взаимоотношений церкви и государства остра как никогда. Повсеместное строительство и возрождение храмов, роста авторитета и влияния буддийской церкви становится очевидным.

Можно с уверенностью утверждать, что буддийская церковь в России является одной из хранительниц традиционных духовных ценностей. В этом заключается социально-историческая роль буддийской традиции.

Кроме того, государство урегулировало свои отношения с религией на законодательном уровне – в нормах Конституции РФ, федеральных законах и т. п., причем достаточно своеобразно.

Поэтому состояние отношений между государством и церковью, церковью и обществом, обществом и государством – актуальная проблема современности.

Духовная жизнь современного российского общества существенно отличается от советских времен идеологическим многообразием, отсутствием государственной или обязательной идеологии, свободой совести и вероисповедания, свободой мысли и слова, правом каждого на образование, обязательностью основного общего образования, свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, правовой защитой собственности, правом каждого на пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям.

И значительную роль в этом процессе сыграло принятие в 1993 г. Конституции РФ, согласно ст. 14 которой Российская Федерация является светским государством. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Через четыре года конституционная норма о светском государстве практически дословно была воспроизведена в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с дополнением, касающимся того, что не должно и вправе делать государство в лице своих органов:

- не вмешиваться в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;

- не возлагать на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

- не вмешиваться в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

- обеспечивать светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Государство также регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством об образовании.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируются (государством посредством законодательного установления определенных гарантий) свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Свобода совести в этическом плане – это право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле поступков и мыслей. В то же время исторически свобода совести приобрела более узкое понимание – свобода в области религии. Она стала рассматриваться в плане взаимоотношений церкви и государства, а не только свободы мысли. В соответствии со ст. 28 Конституции РФ свобода совести означает право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы и обряды и осуществлять атеистическую пропаганду. За незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов предусмотрена уголовная ответственность (ст. 148 УК РФ). Гарантии свободы совести и религии включают:

- равноправие граждан независимо от их отношения к религии, не допускающее ограничения прав граждан по мотивам конфессиональной принадлежности, разжигания вражды и ненависти на религиозной почве;

- отделение религиозных, атеистических объединений от государства;

- светский характер системы государственного образования;

- равенство религий, религиозных объединений перед законом.

В России гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Иностранцы граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории России, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами России и несут ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. Граждане России равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и куль-

турной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Гражданин России в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией РФ или вытекающих из международных договоров Российской Федерации.

Следует особо отметить, что в преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры; указывается, что в равной степени уважаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

Россия – государство многонациональное, что предопределило наличие в нем нескольких конфессий, в духовной жизни его общества представлены практически все мировые религии и ряд менее известных религиозных учений [1].

В отличие от православия, буддизм в России не централизован, поэтому можно выделить условно три центра буддийской традиции: в Калмыкии, Тыве и Бурятии. Вследствие этого буддийские общины тяготеют к тибето-индийским центрам. В указанных регионах наблюдается религиозный синкретизм, выражающийся в слиянии с шаманизмом, что объясняется способностью буддизма инкорпорировать архаичные культы. Также наблюдается гармоничное сосуществование буддизма и православия, возможно, вызванное тем, что между ними есть как культовые, так и философские сходства: институт церкви, монашество, аскеза, практики.

Сейчас происходит возрождение буддийской традиции в России. Данный процесс носит конструктивный характер и актуализируется в условиях формирования единой общероссийской идентичности. Буддизм представляет собой активную созидательную социокультурную силу, которая имеет значительный морально-этический, интеллектуальный и социальный потенциал, свою историю. Поэтому играет важную роль в создании общероссийской общности, укреплении межконфессиональных и межнациональных отношений в обществе.

Литература

1. URL: <http://www.historicus.ru/463/>

СТАРООБРЯДЦЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала колоссальным испытанием для всего советского народа, временем, когда ценой сверх усилий удалось сохранить государственность, национальное и духовное своеобразие, свободу и независимость. В истории старообрядчества период 1941–1945 гг. особенно интересен не только эволюцией мировоззрения и веры, но и отношением семейских к самому факту войны. В данном случае представляется важным, какие качества характера проявились наиболее ярко, что было потеряно, а что вновь обрело силу.

В довоенные годы советская религиозная политика строилась на основе постановления ВЦИК, СНК СССР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которое давало законодательное основание для резкого ограничения прав верующих. В связи с этим правительство осуществило ряд масштабных мероприятий по закрытию учреждений культа и гонений на духовенство всех исповеданий (1937–1941 гг.). В этот период староверы, как и большинство религиозного населения Советской страны, понесло большие потери как в человеческом, так и в духовном, и в материальном плане. Известно, например, что выстроенные в Забайкалье более ста старообрядческих церквей к 1941 г. были разрушены все. Старообрядческие священники и уставщики в большинстве своем подверглись репрессиям и были расстреляны.

Огромные потери понесло и старообрядческое крестьянство. Исторически сложилось так, что семейские Забайкалья благодаря упорному труду жили гораздо зажиточнее, чем местное население. Поэтому во время репрессий 1937–1939 гг. почти две трети их попали под определение «кулак» или «подкулачник», были подведены под «твердый налог» и сосланы либо расстреляны.

Если говорить о духовном состоянии старообрядческих общин, то к началу Великой Отечественной войны, вследствие репрессивной политики государства, отношение их к вере претерпело существенные изменения, что хорошо прослеживалось на обрядовой стороне. Они перестали, например, справлять религиозные праздники и соборно молиться, были прекращены богослужения. Молодежь перешла на светскую одежду, дети учились в советской школе, а не как раньше – по богослужебным книгам у уставщиков. Новое поколение старообрядцев, отошедшее от ре-

лигиозных традиций отцов и прадедов, вполне подходило под определение «советский народ», «советское крестьянство».

Тем не менее, внутренняя религиозность среди людей зрелого и особенно старшего поколений оставалась довольно сильной. Она оказывала существенное влияние на все стороны их жизнедеятельности. Так, по-прежнему строго действовал запрет на табакокурение и пьянство. И хотя молодое поколение, побывавшее в армии, пробовало курить и брить бороды, сорокалетние их отцы придерживались старых обычаев. В семейских селах не было поголовного пьянства, которое было так распространено в сибирских селах.

С началом Великой Отечественной войны политика советского правительства в отношении религиозных объединений значительно смягчилась, заметно снизилась интенсивность репрессивной политики. Это не замедлило сказаться в целом на старообрядческой среде, в которой произошел резкий поворот к старой вере, к возвращению религиозных обрядов и молитвы.

Мужчины-старообрядцы призывного возраста ушли на фронт. Следует отметить, что староверы Забайкалья никогда не придерживались сектантских воззрений молокан или баптистов. И во время Первой мировой войны семейские воевали на фронтах и героически проявляли себя. Во многих селах можно было встретить полных Георгиевских кавалеров. Великая Отечественная война не стала исключением: семейские были мобилизованы на фронт и с готовностью ушли защищать Родину.

Села Тарбагатай, Шаралдай, Харитоново, Надеино, Красный Чикой, Куйтун, Верхний и Нижний Жирим, Большой Куналей, Бичура, Никольское и другие дали огромное количество новобранцев. Семьи у семейских были большими, восемь–двенадцать детей в каждой семье не было редкостью. «Много солдат из семейских сел, – пишет Фирс Федосович Болонев, – отдали свою жизнь, защищая Родину. Так, в село Никольское не вернулись с войны 174 человека, полегли на полях сражений 225 воинов тарбагатайцев, 234 воина из Большого Куналея.

Из села Куйтун громили врага 150 человек. Семейские, рожденные быть хлеборобами, становились в трудную для Родины годину бойцами и проявляли воинскую доблесть, мужество и бесстрашие. Каждый третий из них награжден орденами и медалями. Много доблестных воинов из Бичуры, Тарбагатай, Мухоршибири, Нового Загана, Десятниково, Калиновки, Урлука, Архангельского и других сел отличились на полях войны. Это – раз-

ведчики Федот Антонович Андреев, уроженец села Большой Куналей, Варфоломей Кириллович Ефимов и Георгий Васильевич Минаев из села Ягодное Селенгинского района; командир отделения разведки гвардии ефрейтор коммунист Логантий Илларионович Патрахин из села Калиновка Мухоршибирского района; младший сержант Гавриил Григорьевич Тюрюханов из Бичуры» [1, с. 102].

Георгий Иванович Гусляков, житель села Большой Куналей, заслужил 7 боевых орденов. Это ордена Славы I и III степеней, три ордена Отечественной войны III степени, ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Геройски сражался за Родину и комбат Григорий Илларионович Афанасьев из Новой Бряни, кавалер двух орденов Красного Знамени и ордена Красной Звезды. В одном из боев его батальон уничтожил 18 фашистских танков. Известны в Бурятии боевые и трудовые заслуги Семена Лазаревича Козлова из Еравны, награжденного несколькими орденами и медалями.

Сержант Павел Илларионович Баннов в 1943 г. был удостоен звания Героя Советского Союза за отвагу, мужество и героизм, проявленные в боях за Родину.

Огромную роль в невероятной стойкости старообрядцев в годы войны, безусловно, сыграло их особое духовное состояние. У нас сохранились записи семейских Забайкалья 1980–1990-х гг., свидетельствующие об этом. По ним можно видеть, какая мощная духовная перестройка происходила в людях. Семейские вернулись к идее протопопа Аввакума, которую он недвусмысленно высказывает в своем «Житии»: «Иван Богданович Камынин, друг мой, дивится же мне: “Как ты, протопоп, проехал?” А я говорю: “Христос меня пронес, Пречистая Богородица провела; я не боюсь никою; одново боюсь Христа”.... Жив Господь, и жива душа моя... А предь – что изволит Бог» [3, с. 47].

О том, что человек жив, куда он с Богом, говорят большинство записанных нами старообрядцев. И большинство из них вспоминают войну как время, заставившее человека вернуться к молитве. Женщины рассказывали, как, собирая мужей на войну, зашивали в пояс молитву – Псалом 90. «Живые помощи» – как говорят семейские крестьяне, и в этом народном названии Давида псалма уже видится вера: этот псалом, по их представлению, – живая помощь Бога.

В каждой избе вновь появились иконы, и в каждом красном углу на гвоздике, вбитом в стену, висела «лестовка» – старообрядческие четки, по которым молились. Ненила Якимовна Чебунина, рассказывала: «Лестовка, в ей сорок восемь королек (королек – одно звено молитвенных четок – О. Г.). Вот читаешь молитву “Отче наш” – один королек, “Богородице, Дево, радуйся” – другой королек отсчитывашь». Лестовка, или лествица, – это старинное название русских четок. В этом названии явно прослеживается параллель с лестницей, которая ведет на небеса. Будешь молиться, вымостишь себе дорогу на небо, – вот какая идея заключена в этом старообрядческом понятии.

С молитвы начинался день в крестьянской избе, ею и заканчивался. Куприян Евгеньевич Петров, житель села Большой Куналей, говорил: «Я так молось: “Ангелы, сохраните меня и спасите меня ото всякой горькой смерти!”» Горькая смерть бывает, ежели не молиться. Святому Николаю молиться надо, Никола поможет в любое время. Поучиться надо молиться».

Федосья Лаврентьевна Черных, село Тарбагатай: «В войну не стали в моленной молиться, коммунисты уставщика стали прижимать, он в город уехал. В войну праздники не праздновали. Сами по себе знали, что Паска, что Троица пришла, помолимся. Война была, некогда вместе в моленном доме молиться было! Таки-то больша молитвы мы не знали. Уставщик молится, и ты за им молишься. Тольки “начал” знали».

Итак, мы видим, что во время войны староверы молились не в моленной и не с уставщиками, которых и не было. Праздники праздновали «по домашности»: молились по домам. «Начал» – это начальные молитвы до «Верую», большинство семейских крестьян знали их наизусть.

Еще одним правилом, которое было возрождено в военные годы и выполнялось неукоснительно, было творение милостыни. Из дома в дом переходили «старцы» – нищие старики, у которых не осталось родни и некому было за ними присмотреть. Та же Ненила Якимовна Чебунина с горечью свидетельствует: «Сейчас старикам есть место, куда определить. С детьми есть которы, дак и дети сдают в Дом старцев. А бывало, в старинны года-то осиротеет старик, его водють по домам... У тебе пять ден проживет, у другого пять. Много нищих было. Одного, помню, Кач звали, другого Капарака. Капарака все буквы не выговаривал, я помню, он так про себя говорил: “Я не вой, не язбойник, не катойзный”».

Дескать, не вор, не разбойник и не каторжный. Он хороший старик был, с детьми водился, пока бабы на работе».

В семейских селах времен войны бытовал обычай не садиться за стол, если нищий не кормлен. Сначала давали пищу обездоленному, потом с молитвой ели сами.

Пост в среде семейских – одно из нерушимых религиозных правил, которое соблюдалось также и во время войны. Пост был строгим, сопровождал староверов на всем протяжении их жизни. Посты были те же, что и сейчас в православии: Великий пост, Рождественский, Петровский (назывался в народе «Петровки-голодовки»), Успенский и однодневные посты. «Придет пост – прижмет хвост», – говорят в семейских селах. Во время постов существовал запрет на скоромную пищу животного происхождения, а также на жевание серы и пение народных песен. Петь можно было только духовные стихи. Вот как вспоминает о посте Ненила Якимовна Чебунина: «От ране в пост корова доится, а пить молоко нельзя! И голод же! И есть охота. А мы-то че же – маленькие, пойдём в лес, свечек наедемся. У сосны на верхушках, на веточках весной таки зелененьки свечки знаете? От их наедемся, потом ишо траву каку-то ели, коренья сладкие копали, чеснок дикий ели. Вот весь лес пооборвем, а дома молосно не тронем, боимся: никому не охота в ад попадать».

Вспоминает Федосья Лаврентьевна Черных: «Раньше жили-то – все свое. Хлебушек спекут. Квашню поставишь, замесишь, воду скипятишь. Поварешки были деревянные, делали сами: ну, и льешь, мешашь. Бурдук получался. Семечками посыпашь да ешь. В пост – крупы да семечко (подсолнух). В пост корова доится, сами не едим, в город возим. Накопим, бывало, в Селенгинск ездили».

Об идее искупления

Известный русский философ Николай Бердяев в годы войны пишет большое философское исследование «Основы парадоксальной этики», где почти провидчески описывает процессы, которые во время тяжелейших испытаний происходят в душе русского народа. Особенно ярко мы видим это возрождение в духовной среде семейских – старообрядцев, воспринимающих войну, голод, тяжелые испытания, выпавшие на долю народа, как искупление за богоотступничество.

Бердяев, рассуждая о законе Ветхого Завета, пишет: «Искупление соединяет добро и бытие, преодолевает разрыв, установленный законом как последствие греха, оно есть вхождение сущего добра в самые недра бытия. Искупление вырывает корни зла и

греха, но этим оно освобождает человека от безраздельной власти закона» [2, с. 162]. Думается, можно провести параллель с другим законом – законом, навязанным староверам коммунистической властью. Этот светский закон становится бессильным, когда народ под давлением испытаний во время Великой Отечественной войны возвращается к Богу. Вот что говорится об идее искупления у Николая Бердяева: «Искупление означает революционный переворот в нравственных оценках, переоценку всех ценностей. Оно устраняет неисчислимое количество табу, побеждает внешний страх нечистоты, все переносит в глубину человеческого сердца, переворачивает все иерархии, установленные в мире. Этика искупления, этика евангельская есть уже этика богочеловеческая. в нравственном акте действует не только человек, но и бог, не только бог, но и человек, нет разрыва и противоположения, установленного законом. и то, что невозможно было для человека, становится возможным для Бога».

Об идее искупления много говорится в документальных записях семейских староверов. Как бы вымаливая прощение за свои грехи, семейские женщины возвращаются к традиционной форме крестьянской одежды: русский сарафан, рубаха-станушка, запон (фартук), традиционный женский головной убор допетровской эпохи – кичка. Эта одежда была под строгим запретом: советская власть запрещала семейским не только молиться, но и носить русскую национальную одежду. К этим традициям возвращаются женщины во время войны. Вот как говорит о своем обете Богу **Федосья Лаврентьевна Черных**: «Когда война была, я обет дала: кичку не скидать и Богу молиться. Я молилась, только бы мужик мой пришел. У меня трое детей было, двое стариков, а я сама шестая была. Война-то мне досталась! Не знаю как... Сам ушел, килограмма хлеба не было. Их пять, сама шестая – надо чем-то питаться? Все работала. У меня меньша-то девка восьмого марта родилась. А че ж? На страду поехала, от груди отняла. Месяца три-четыре пососала и все. Корвьим молоком выкармливала свякруха. Свекор доил корову, она не доила.

Я одна в семейской одежде ходила, а все в такой. А я, бедя, не гляжу на их! Хожу да и все. И в Тарбагатай приехала, хожу. После войны мужик пришел обратно: “Ты почто носишь семейскую одежду? Платье бы надела, бравенька ходила!” А я ему: че, пришел? Теперь я семейску одежду скину? Нет уж. Раз в войну не бросила, так не брошу. Так и не бросила.

Семейска-то одежда: запон, сарахван, юбка, рубаха-станушка, перед пришит у ей (к рубахе станушка пришита). Сарахван подтыкала, когда работала. А на праздник ходили, чтоб ленды было видно, запон подтыкали».

Федосья Лаврентьевна работала во время войны конюхом: «День и ночь работала, о-ей! Я конюхом в войну в колхозе была. Надо днем коней покормить, а потом на ночлег надо ишо покормить. Надо рано встать, овса надавать им в ясли, а потом попоить их. Первый-то год меня конюхом поставили, я первый раз косу в руки взяла. Раньше до войны я сено не косила. До этого все пахла да на складе работала, а потом послали сено косить. Ребятешку маленькую бросила, да косить пошла. Сенокос откосили, полтора гектара выкашивали, на косе спали. Со мной сестреница была, темно-темно приедем. Мне надо ишо коней накормить. Я коней ишо кормила. Скорей овса им накладаю да коней кормлю, это уж после машины стали овса в ясли засыпать.

Зимой на конях зерно на мельницу возили. До мельницы шестьдесят километров. Два коня водили, с молодой девчонкой на мельницу ходили, четыре коня меняли».

Непосильная работа не могла сломить могучий дух русских крестьян. Душа русского человека во время Великой Отечественной войны совершила резкий поворот от идеи атеистической к идее религиозной. И как мы видим это на примере крестьян-старообрядцев, послевоенные годы уже не смогли вернуть семейских к атеизму. Недаром во время войны об идее искупления рассказывают и просвещенный русский философ, и семейские крестьянки, многие из которых были неграмотными, а сохраняли христианство в устной традиции. Николай Бердяев писал: «Все христианство есть не что иное, как приобретение силы во Христе и через Христа, силы перед лицом жизни и смерти, приобретение силы жизни, для которой не страшны страдания и тьма, силы, реально преображающей».

Литература

1. Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ, 1992. – 224 с.
2. Бердяев Н. А. Основы парадоксальной этики / Н. А. Бердяев ; сост. и вступ. ст. В. Н. Калужного. – М. ; Харьков, 2003. – 703 с.
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979. – 366 с.
4. Лотман Ю. М. Воспитание души. Воспоминания. Интервью. Беседы о русской куль-туре / Ю. М. Лотман. – СПб., 2003. – 624 с.
5. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. – М., 2000. – 743 с.
6. Скрынников Р. Г. Крест и корона / Р. Г. Скрынников. – СПб., 2000. – 464 с.
7. Ключеский В. О. О Русской истории / В. О. Ключеский. – М., 1993. – 575 с.

**ВСЕМИРНАЯ НЕДЕЛЯ ГАРМОНИЧНЫХ
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ
ПЕРСПЕКТИВНОЙ ФОРМЫ УСИЛЕНИЯ РОЛИ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВОСПИТАНИИ
ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений как один из методов формирования культуры мира, укрепления взаимопонимания, согласия и сотрудничества между людьми

Организация Объединенных Наций (ООН) придает большое значение преодолению насилия, искоренению дискриминации и нарушения прав человека. В качестве концептуальных документов, призванных наметить глобальную перспективу деятельности в новом тысячелетии, Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация и программа действий в области культуры мира (резолюции 53/243 А и В от 13 сентября 1999 г.).

Как признается в Декларации, более полное становление культуры мира неразрывно связано, в частности, с продвижением идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности между всеми цивилизациями, народами и культурами, в том числе по отношению к этническим, религиозным и языковым меньшинствам (ст. 3).

В рамках формирования культуры мира и ненасилия ООН уделяет значительное внимание проблемам поощрения межрелигиозного диалога и взаимопонимания. Так, в последние годы Генеральной Ассамблеей ООН были приняты резолюции 58/128 от 19 декабря 2003 г. о поощрении религиозного и культурного взаимопонимания, гармонии и сотрудничества; 60/4 от 20 октября 2005 г. о Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями; 64/14 от 10 ноября 2009 г. об альянсе цивилизаций; 64/81 от 7 декабря 2009 г. о поощрении межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира; 64/164 от 18 декабря 2009 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.

Признавая настоятельную необходимость диалога между разными конфессиями и религиями в деле укрепления взаимопонимания, согласия и сотрудничества между людьми, Генеральная Ассамблея ООН по инициативе короля Иордании Абдаллы Второго приняла резолюцию 65/5 от 20 октября 2010 г. о Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений.

Следует отметить, что король Абдалла Второй уделяет большое внимание межрелигиозному диалогу, принимает в нем личное участие. По его мнению, высказанному 24 августа 2011 г. на встрече с руководителями православных церквей на Ближнем Востоке, «Иордания является моделью гармонии и мирного сосуществования между мусульманами и христианами... Представители этих двух религий составляют одну семью, работающую на благо населения».

В тексте резолюции 65/5 от 20 октября 2010 г. о Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений Генеральная Ассамблея ООН:

1) вновь подтверждает, что взаимопонимание и межрелигиозный диалог являются важными составляющими культуры мира;

2) провозглашает первую неделю февраля каждого года Всемирной неделей гармоничных межконфессиональных отношений между всеми религиями, вероисповеданиями и конфессиями;

3) призывает все государства на добровольной основе поддерживать в течение этой недели распространение идей межконфессиональной гармонии и доброй воли в церквях, мечетях, синагогах, храмах и других молитвенных домах во всем мире на основе любви к Всевышнему и любви к ближнему или почитания добра и любви к ближнему, в зависимости от собственных религиозных традиций или убеждений;

4) просит Генерального секретаря продолжать информировать Генеральную Ассамблею об осуществлении настоящей резолюции.

Первая Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений (2011 г.): международный уровень и практика проведения в различных странах мира

По оценке Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, первая Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений, которое мировое сообщество отмечало с 1 по 7 февраля 2011 г., «дает возможность привлечь внимание всего мира к усилиям, которые предпринимают религиозные лидеры, межконфессиональные движения и отдельные люди во всем мире с целью содействовать взаимоуважению и взаимопониманию между последователями различных вероисповеданий и конфессий».

Как отмечалось в Послании Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна по случаю Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений 1 февраля 2011 г., «в контексте Недели во всем мире будут проводиться самые разнообразные мероприятия. В Нью-Йорке в их число будут входить, в частно-

сти, завтраки с участием представителей различных конфессий, демонстрация фильмов и переговоры, активное участие в которых будут принимать представители гражданского общества, подразделения Организации Объединенных Наций и другие межправительственные организации. Я рассчитываю на продолжение совместной работы с представителями всех вероисповеданий, с тем, чтобы стать выше трений и заблуждений, которые столь часто разделяют нас, и найти путь гармонии и достоинства для всех».

В рамках первой Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений прошли значимые мероприятия, организованные в различных странах мира. Перечислим некоторые из них.

3 февраля 2011 г. Управлением Постоянного наблюдателя от Организации «Исламская конференция» (ОИК) по случаю Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в ООН было организовано специальное мероприятие «Роль религиозных организаций и межконфессиональных инициатив в области развития, примирения и миростроительства».

ООН предложила в качестве одной из форм межконфессионального взаимодействия проводить «Завтраки Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений» («The World Interfaith Harmony Breakfasts»). Эти мероприятия предполагали публичные встречи представителей разных религий во время завтрака (а также обеда или ужина), на которых участники встречи могли вместе молиться, медитировать, петь песни различных религиозных традиций, обсуждать насущные проблемы межрелигиозного и межконфессионального взаимодействия.

На сайте «World Interfaith Harmony Week» была размещена информация о многочисленных межрелигиозных мероприятиях в разных странах мира в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений 2011 г. (в общей сложности приводятся данные о более ста различных мероприятиях), а также о мероприятиях, запланированных в 2012 г.

Как показывает анализ информации, размещенной на сайте «World Interfaith Harmony Week», многие инициативы, начатые в первую неделю февраля 2011 г., получили продолжение в течение всего года.

Среди организаторов межконфессиональных мероприятий были представлены самые разные религиозные организации: христианские, исламские, буддистские, индуистские, а также новые религиозные движения.

В ряде случаев межконфессиональные мероприятия прошли в районах с напряженными межрелигиозными отношениями, где нередки даже вооруженные столкновения между последователями разных религий. Так, на острове Минданао (Филиппины), где с 1970-х гг. действуют сепаратистские группировки «Фронт национального освобождения моро» и «Исламский фронт освобождения моро» (исламистская повстанческая организация, выступающая за отделение южной части Филиппин и образование на ней исламского государства), в рамках Всемирной недели межконфессиональной гармонии 6 марта 2011 г. в районе с преимущественно мусульманским населением состоялся ужин, в котором приняли участие улемы (мусульманские богословы и законоведы) и христианский священник. Собравшиеся пришли к заключению, что «ничто не может оправдать террор и зверства во имя Бога» и поддержали идею межрелигиозной гармонии.

В Китае в рамках подготовки к проведению первой Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в январе 2011 г. в Пекине прошел совместный симпозиум руководителей основных религиозных объединений, признаваемых государством – буддийской, католической, исламской, протестантской и даосской ассоциаций. Была одобрена «Совместная декларация о содействии развитию религиозной гармонии». Декларация призывает к патриотизму, религиозной гармонии, отмечает позитивную роль религии в развитии гармоничного общества и осуждает манипуляции религией в политических целях.

Всемирная неделя межконфессиональной гармонии отмечалась в Китае в период с 27 февраля по 5 марта 2011 г. Одним из основных организаторов выступила Китайская патриотическая католическая ассоциация (признаваемая государством, однако не поддерживающая отношений с Ватиканом). Так, епископ Джозеф Ли Шан в ходе воскресной мессы в Соборе Непорочного Зачатия в Пекине 27 февраля 2011 г. призвал всех верующих жить в соответствии с принципами «Совместной декларации о содействии развитию религиозной гармонии», непрерывно молиться во имя процветания страны, социальной гармонии и национального единства.

Анализ информации о мероприятиях, проведенных в 2011 г. и посвященных первой Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений, позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 65/5 от 20 октября 2010 г. о Всемирной неделе гармоничных межконфессиональ-

ных отношений получила широкий международный резонанс и поддержку.

2. На уровне ООН, а также во многих странах мира, включая регионы с напряженными межрелигиозными отношениями, прошли мероприятия, посвященные гармонизации межконфессиональных отношений.

3. Формы и тематика мероприятий, проведенных в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений, выбирались организаторами с учетом национальных традиций и местных условий.

4. Наибольшую активность в качестве организаторов мероприятий, посвященных Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений, как правило, проявляли религиозные организации, представляющие религиозные меньшинства и новые религиозные движения.

Вторая Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений

(2012 г.): какие мероприятия уже запланированы

В 2012 г. в рамках второй Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений уже запланирован ряд мероприятий, информация о которых размещена на сайте «World Interfaith Harmony Week»: в Польше (в Варшаве, в Лодзи и Вроцлаве) в январе и феврале должны состояться «суфийские медитации для всех» (организатор – Школа суфийского обучения в Польше); 29 января в штате Колорадо (США) намечено межрелигиозное мероприятие, посвященное учению о Божественном свете в различных религиях (организатор – Институт всеобщих жизненных ценностей).

В Чикаго (США) в 2012 г. запланировано продолжение начавшихся в октябре 2011 г. в буддистском храме серии межрелигиозных встреч и мероприятий, в которых участвуют христиане, мусульмане, иудеи и буддисты. Предполагается, что в июне 2012 г. будет подписана совместная декларация, в которой представители общин обязуются поддерживать друг друга перед лицом угрозы насилия, клеветы или враждебности. Организатор – одна из старейших межрелигиозных организаций, созданная в 1893 г. и носящая название «Совет парламента мировых религий» («The Council for a Parliament of the World's Religions»).

3 февраля 2012 г. праздник, посвященный Всемирной неделе межконфессиональной гармонии, пройдет в Исламской академии в штате Керала (Республика Индия).

4 февраля 2012 г. в г. Темпе (штат Аризона, США) межрелигиозное мероприятие планирует провести «Рамакришна Веданта Ашрам в городе Фениксе» (Феникс – наиболее крупный город штата Аризона).

С 6 по 12 февраля 2012 г. в Уганде (провинция Кайунга) намечен ряд межрелигиозных мероприятий, а также межконфессиональный марафон, в котором примут участие католики, протестанты, мусульмане и представители других религий.

10 февраля 2012 г. в Пакистане (Саргодха, штат Пенджаб) Международная ассоциация за свободу вероисповедания Пакистана организует межконфессиональную молитву, посвященную Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений.

24 февраля 2012 г. в Индии (Алигархе, штат Утар-Прадеш) должно состояться межрелигиозное мероприятие «Веды и Коран: на пути к Свету единства».

Не вызывает сомнений, что список мероприятий, запланированных в 2012 г. в рамках второй Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений, будет значительно расширен.

Как и в 2011 г., среди организаторов мероприятий, посвященных второй Всемирной неделе гармоничных межконфессиональных отношений, наибольшую активность проявляют религиозные организации, представляющие религиозные меньшинства, а также новые религиозные движения.

Первая Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений в Российской Федерации не получила значительного резонанса

В России в конце 2010 г. была предпринята попытка придать проведению в 2011 г. первой Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений широкий размах.

3 ноября 2010 г. председатель Совета муфтиев России (СМИ) Равиль Гайнутдин направил в адрес руководителей ведущих религиозных организаций России обращение [1], в котором предложил провести в феврале 2011 г. Всемирную неделю гармоничных межконфессиональных отношений с участием всех религий, конфессий и верований.

Как отмечал глава СМР Равиль Гайнутдин, актуальность проведения Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений особенно очевидна применительно к России. «Вот почему мы восприняли призыв ООН к гармонизации межконфессиональных отношений как в высшей степени актуальный документ и готовы самым активным образом подклю-

читаться к его реализации. Но мы хорошо понимаем, что она может быть успешной только при условии объединения наших усилий», – отмечал муфтий Равиль Гайнутдин и предлагал в самое ближайшее время провести встречу с представителями всех других конфессий, чтобы обсудить резолюцию ООН и выработать соответствующий план скоординированных действий и мероприятий по его реализации.

Это предложение не получило широкого отклика.

В рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений был проведен ряд мероприятий, однако они не были скоординированы и осуществлялись религиозными организациями по собственной инициативе.

Так, 12 февраля 2011 г. в Москве (на Поклонной горе, в выездной лаборатории, установленной на территории Мемориальной мечети), по инициативе Совета муфтиев России прошла совместная, при участии последователей разных религий и конфессий, акция по сдаче донорской крови.

От имени Совета муфтиев России были разосланы приглашения всем традиционным конфессиям России для проведения совместной акции по сдаче донорской крови. Организаторами стали Совет муфтиев России совместно с организацией «Доноры детям». Мероприятие, по свидетельству официального сайта Совета муфтиев России, прошло успешно и собрало большое число добровольных доноров [2].

Ряд мероприятий провели новые религиозные движения. Так, Саентологическая церковь Москвы в рамках Всемирной недели межконфессиональных гармоничных отношений провела 1 февраля 2011 г. просветительскую акцию под девизом «Уважайте религиозные верования других людей» [3].

Кроме того, в Москве в январе–феврале 2011 г. состоялся турнир по мини-футболу «Играй в футбол ради мира», который проводился в рамках первой Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений и был организован региональной общественной организацией «Федерация за Всеобщий Мир». Участие в турнире приняли команды представителей мусульман, христиан, представителей Церкви Объединения и команда Саентологической церкви Москвы. Основной целью матча, помимо пропаганды здорового образа жизни, стало распространение идей дружбы между представителями разных религий [4].

В Новосибирске 6 февраля 2011 г. «Федерацией за Всеобщий Мир» была проведена встреча на тему «Любовь к Богу и ближне-

му – основа для всеобщего мира». Мероприятие состоялось в образовательном центре Новосибирского представительства Всемирного духовного университета «Брахма Кумарис» (БКВДУ). В числе участников межрелигиозной встречи были последователи Церкви Объединения, Общества сознания Кришны, Саентологической церкви и некоторых других религиозных и общественных организаций [5].

В целом проведение первой Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в России не получило значительного отклика.

Роль религиозных деятелей в укреплении межнационального и межконфессионального мира в Российской Федерации

Высшие руководители страны неоднократно отмечали тот непреложный факт, что Россия исторически сложилась в качестве многонациональной и многоконфессиональной державы и проблема обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия имеет для Российской Федерации стратегический характер.

В последние годы особое беспокойство государственной власти и гражданского общества вызывает рост агрессивного национализма.

Ярким проявлением крепнущих националистических настроений стал массовой несанкционированный митинг на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г. под лозунгами «Русские, вперед!», «Россия для русских» и «Москва для москвичей», сопровождавшийся избиениями случайных прохожих «неславянской» внешности и столкновениями с полицией.

14 декабря 2010 г., в связи с беспорядками, произошедшими на Манежной площади, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выступил со специальным заявлением для СМИ.

По мнению главы Русской православной церкви, «борьба с радикализмом – вот путь, по которому нужно идти, для того чтобы сегодня вывести межнациональные отношения из того опасного состояния, в котором они находятся. Нужно отсечь радикалов от добропорядочных людей. Нужно создать невыносимые условия для деятельности любых радикальных групп как среди этнических меньшинств, находящихся в диаспоре, так и среди коренного большинства. Для этого требуются усилия власти, общественных организаций, Церкви, других представителей религий. Мы должны работать все вместе для того, чтобы понизить градус радикализма и не допустить разрушения межрелигиозного и межнационального мира, благодаря которому Россия и су-

ществоует как великое государство. Всякое провоцирование межэтнической розни является вызовом для самого существования нашего многонационального и великого Отечества» [6].

Главы и представители основных религиозных организаций страны также осудили агрессивный национализм и высказались за укрепление межнационального согласия.

17 января 2011 г. состоялось заседание рабочей группы Межрелигиозного совета России по кризисному реагированию, на котором было принято решение о создании Миротворческой миссии при Межрелигиозном совете России, а также о формировании в ее рамках трех групп – информационно-мониторинговой, юридической и оперативного реагирования на конфликты. В рамках миссии планируется взаимодействовать с органами государственной власти и различными общественными силами для предупреждения и разрешения конфликтов [7].

При этом в руководстве государства крепнет осознание значительной роли, которую могут играть религиозные организации и их руководители в обеспечении межнационального согласия.

Так, выступая 11 февраля 2011 г. на заседании президиума Государственного совета, посвященного вопросам межнационального и межконфессионального согласия, развития национальных культур, Президент России Д. А. Медведев отметил, что «важнейшую роль в укреплении межнационального согласия имеют религиозные конфессии... Я знаю, как много усилий прилагают религиозные организации для поддержания межнационального мира, потому что они понимают, что без такового – духовное общение становится невозможным, это путь в никуда, достаточно посмотреть на опыт целого ряда государств, где из-за межрелигиозной розни непрерывно льется кровь. Непрерывно льется кровь! Чтобы эта деятельность была поднята на новый уровень, я полагал бы правильным создать в регионах рабочие группы из представителей разных конфессий по урегулированию конфликтов на национальной почве. Подчеркиваю, это должны быть рабочие группы из разных конфессий, даже если те или иные представители конфессий не чувствуют проблем со стороны собственной паствы. Я прошу руководителей субъектов Федерации этому начинанию оказать максимальную поддержку. Можно сформировать, кстати, такую группу и в президентском Совете по взаимодействию с религиозными объединениями, потому что это вполне практическая работа – и исключительно важная и сложная» [8].

1 марта 2011 г. была образована Комиссия Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России по вопросам гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, которую возглавил председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин. В ее состав вошли председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев, глава Буддийской традиционной сангхи России Дамба Аюшеев, главный раввин России Берл Лазар, глава Ново-Нахичеванской и Российской епархий Армянской апостольской церкви епископ Езрас (Нерсисян), референт управления Президента Российской Федерации по внутренней политике Сергей Мельников, генеральный секретарь Конференции католических епископов России священник Игорь Ковалевский, Председатель Российского объединенного союза христиан Веры Евангельской (пятидесятников), сопредседатель Консультативного Совета глав протестантских церквей России епископ Сергей Ряховский.

Проблемы поддержания межконфессионального мира и перспективы более широкого использования потенциала Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в Российской Федерации

«Пожар легче предупредить, чем потушить». В полной мере эта житейская мудрость применима к сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Предложенная ООН Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений прошла в течение 2011 г. в различных странах мира, в том числе и в России, внося определенный вклад в преодоление экстремизма и нетерпимости, воспитание веротерпимости, улучшение межрелигиозных отношений.

Специфическая особенность Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений – активное участие в ее проведении новых религиозных движений. Является ли эта особенность достоинством или недостатком?

Этот вопрос можно считать дискуссионным, требующим дальнейшего изучения и обсуждения. Выскажем свою точку зрения.

Новые религиозные движения – один из постоянных факторов религиозной жизни любой эпохи и почти каждой страны мира. Одни их новых религий гибнут почти сразу после рождения, другим суждена более или менее долгая жизнь со своими периодами роста, стагнации и упадка, третьи с течением времени становятся традиционными религиями и даже религиями большинства населения в определенных регионах.

В условиях глобализации невозможно «отгородиться» от новых религиозных движений, создать некий «санитарный кордон», который остановит проповедников и последователей новых религий.

Однако уровень веротерпимости зачастую недостаточен, чтобы совместное сосуществование в одной стране последователей новых и традиционных религий было мирным. В результате появляются «антикультуристские» организации, попытки «демонизировать» и дискриминировать последователей новых религиозных движений.

Не обошла стороной эта проблема и Россию. Полагаем, что абсолютное большинство последователей новых религиозных движений – такие же российские граждане, как и остальные, с теми же правами и интересами. Им надо дать шанс жить, работать, учиться, воспитывать детей и внуков в атмосфере нормальных межрелигиозных отношений.

Участие новых религиозных движений в организации и проведении мероприятий в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений – перспективная возможность улучшить взаимопонимание между последователями разных религиозных традиций.

Но только за счет усилий новых религиозных движений эту проблему решить невозможно.

Потенциал Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в 2012 г. и в последующие годы может быть реализован в нашей стране в значительно большей мере, при том неременном условии, что в организации соответствующих межконфессиональных мероприятий активное участие примут Межрелигиозный совет России, Консультативный совет глав протестантских церквей России, наиболее авторитетные и влиятельные религиозные организации.

Некоторые выводы и предложения

С учетом уже накопленного международного опыта, представляется целесообразным:

1. Создать на межрелигиозной основе общероссийский координирующий орган по проведению в стране Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений. В этот орган стекалась бы информация из регионов, разные организации присылали бы свои планы по проведению мероприятий.

2. Учредить в сети Интернет-сайт Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в Российской Федерации, где были бы размещены документы ООН, историческая

справка об опыте проведения Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений в мире и в нашей стране, обнародовалась бы поступающая информация – какие мероприятия уже состоялись, что и где будет происходить. Такая информация будет полезной и для потенциальных участников мероприятий, и для СМИ. На сайте могли бы публиковаться репортажи с разных мероприятий.

Литература

1. URL: <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/14094/>
2. URL: <http://www.muslim.ru/1/news/1/1286.htm>.
3. URL: <http://pr-release.ru/21341>.
4. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/probs/post150058145>.
5. URL: [http://eurasia.upf.org/index.php?option=com_content &view= article&id=439:2011-02-12-17-35-21&catid=89:2011-05-03-12-02-04&Itemid=156](http://eurasia.upf.org/index.php?option=com_content&view=article&id=439:2011-02-12-17-35-21&catid=89:2011-05-03-12-02-04&Itemid=156).
6. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1341558.html>.
7. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1386521.html>.
8. URL: <http://kremlin.ru/news/10312>.

ПОПОВ П. С.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЛИТОВСКИХ КРЕСТЬЯН В ИРКУТСКУЮ ОБЛАСТЬ: К ВОПРОСУ О ПОСЛЕВОЕННЫХ ДЕПОРТАЦИЯХ (1940–1950 ГГ.)

В изучении принудительного выселения представителей различных народов в СССР совершены значительные достижения в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее, некоторые вопросы в обозначенной тематике представлены в виде отрывочных и несистематизированных сведений. Прежде всего, подобная ситуация связана с пребыванием на спецпоселении в Иркутской области представителей литовского этноса в период послевоенного десятилетия. В научной литературе рассмотрены разные аспекты репрессий в отношении населения Литвы, однако процесс принудительного переселения жителей данной балтийской республики и дальнейшее их пребывание в регионе Восточной Сибири не попали в поле зрения исследователей.

Необходимость рассмотрения обозначенной тематики обусловлена тем, что по состоянию на 1 января 1953 г. в Иркутской области был сосредоточен самый крупный в СССР контингент литовских спецпоселенцев, высланных в период 1945–1949 гг. Обращение к поставленному вопросу в подобном ракурсе позволит не только пролить свет на ранее не известную страницу в истории спецпоселений, но и выявить некоторые особенности по-

литики принудительного переселения, которые в недостаточной степени отражены в историографии [1].

Надо заметить, что практика насильственных выселений, широко применявшаяся в репрессивной политике руководства советского государства в 1930–1940-е гг., в послевоенный период приобрела новый импульс. Дело в том, что население вновь присоединенных территорий Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии (которые незадолго до начала ВОВ вошли в состав СССР) неоднозначно встретило здесь восстановление советской власти. В условиях жесткой военной и идеологической конфронтации, а также под воздействием социалистических преобразований, направленных на отчуждение частной собственности, возникло массовое повстанческое движение, которое вскоре приняло характер партизанской войны.

Национальное сопротивление в балтийских республиках, получившее название «Лесные братья», берет свое начало с июля 1944 г. [2], а главной его социальной опорой являлось крестьянство. Население хутора для партизан было не только источником продовольствия, но и объектом воздействия. Так, под угрозой физической расправы со стороны лесных братьев крестьяне отказывались вступать в колхозы, что существенно затрудняло проведение коллективизации в регионе. Кроме того, главными методами партизанской борьбы стали террор против советских активистов, крестьян-новоселов, организация пропагандистских акций, бойкотирование важных государственных кампаний – выборов, подписки на заем, хлебозаготовок и т. д. [3]. Причем противостояние между властью и населением только нарастало.

Как отмечает Е. Ю. Зубкова, для Кремля «после окончания войны наличие вооруженной оппозиции в Прибалтике стало восприниматься... как политический вызов, а не просто как последствия немецкой оккупации. ...Повстанческое движение стало оцениваться как фактор, ставящий под вопрос само существование советской власти, особенно в глубинке». В качестве убедительного доказательства исследователь приводит отрывок из отчетного документа: «Можно с полной уверенностью сказать, что в доброй половине сел Литвы нет советской власти» [4]. Руководство республик все чаще докладывало в Москву о необходимости проведения радикальных мер.

В арсенале советского государства, в особенности со времен установления сталинского всевластия, было выработано множество методов воздействия на население преимущественно насиль-

ственного характера, одним из которых, как отмечалось выше, являлось массовое переселение. Именно данный метод, с учетом многолетнего опыта, был в полной мере применен в Прибалтике в 1948–1953 гг. Семьи литовских, латышских и эстонских крестьян, повально обвиненные в «пособничестве и сотрудничестве с бандитами и националистами», были подвержены принудительному выселению и направлены на спецпоселение в Сибирь. В проведении подобных акций были задействованы различные силовые структуры и органы исполнительной власти. Однако важная роль отводилась регионам, принимавшим выселенцев, поскольку областные, краевые и республиканские исполкомы и управления МВД–МГБ несли ответственность за их дальнейшую судьбу. Задачи, которые приходилось решать на местах, являлись традиционным набором переселенческих мероприятий, а именно: жилищно-бытовое обустройство и трудоустройство вновь прибывших. Данный комплекс действий советской власти можно охарактеризовать как спецпереселение, поскольку нередко в официальных документах упоминается именно это понятие. Однако в научной литературе общепринятым является другой термин – «депортация», который, по нашему мнению, не отражает всей сути долголетней практики массовых принудительных выселений в СССР. Но здесь необходимо сделать одно небольшое отступление.

В научный оборот понятие «депортация» было введено известным отечественным исследователем Н. Ф. Бугаев, чьи статьи стали своеобразным путеводителем для многих историков, поскольку в них были впервые опубликованы материалы центральных архивов, посвященные принудительному выселению народов в Советском Союзе в 1940-е гг. Однако позднее некоторые ученые обратили внимание на «неполноту» данного термина. Так, Л. П. Белковец, основываясь на том, что с юридической точки зрения депортация трактуется как «принудительное выселение иностранного гражданина... в случае утраты и/или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания в Российской Федерации», заметила, что «называть депортациями внутренние перемещения граждан не совсем корректно даже применительно к истории тоталитарных режимов» [5].

Ближе к истине является замечание и Л. В. Зандановой – крупного специалиста в области планового переселения в СССР: «Термин “депортация” в понятии “насильственная миграция” или “принудительная эвакуация” стал использоваться историками в наше время, практически заменив собой термины “ссылка”,

“спецпереселение” или “принудительное переселение”, в то время как депортация, по сути, является составной частью спецпоселения, ее начальным этапом» [6].

Проведенные нами исследования выселения литовских крестьян в Иркутскую область в 1949 г., основанные на материалах некоторых фондов местных архивов (ГАНИИО), позволяют утверждать, что данная акция протекала в контексте политики спецпереселения, практикуемой руководством СССР в период 1930–1940-х гг.

Дело в том, что 25–28 марта 1949 г. одновременно в трех прибалтийских республиках была осуществлена одна из масштабных операций по массовому выселению части населения в послевоенный период. Данная акция, проходившая под кодовым названием «Прибой», является важным предметом рассмотрения в контексте поставленного вопроса, поскольку ее реализация протекала с учетом всего двадцатилетнего опыта принудительных переселений в СССР. Всего за три дня сотрудниками МВД–МГБ «на вечное поселение» из Литвы, Латвии и Эстонии одновременно в 76 эшелонах было направлено 90 844 человека, или 30 629 семей [7].

Выселение из мест постоянного проживания такого большого количества людей не могло проходить без тщательной предварительной подготовки, соответствующих указаний и нормативных постановлений. В этой связи была выработана определенная схема.

Юридическим основанием для проведения операции «Прибой» стало постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. «О выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов» [8]. В соответствии с данным постановлением в регионы было дано указание составить план количества возможного вселения семей спецпоселенцев, а также провести подготовительные мероприятия по жилищно-бытовому обустройству. Так, уже 3 марта 1949 г. Иркутским облисполкомом было принято решение «обязать председателей исполкомов районных Советов депутатов трудящихся не позднее 10 марта 1949 г. составить вместе с начальниками райотделов МВД поколхозные планы расселения семей выселенцев с учетом дальнейшего экономического развития каждого колхоза и совхоза, рекомендуя при этом правлениям колхозов и директорам совхозов создать из семей выселенцев специальные бригады и звенья» [9].

Также, кроме обеспечения спецпоселенцев продукцией первой необходимости предполагалось «отпустить через сельскохо-

зайственный банк СССР долгосрочный кредит в сумме 19 500 тыс. руб., в том числе: на приобретение скота 8 миллионов руб., на ремонт и строительство домов и надворных построек 8 миллионов, на хозяйственное обзаведение из расчета 400 руб. на семью и т. д.» [10]. Необходимо отметить и то, что данное решение распространяло на выселенцев пункт 8 Постановления ВЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. № 115/2043 «О льготах по сельскохозяйственному переселению», на основании которого семьи выселенцев были освобождены «от корневой платы на древесину для нужд строительства и ремонта домов и надворных построек» [11].

Всего на основании данного решения предполагалось расселить в районах Иркутской области 8 тыс. семей «спец. выселенцев» [12]. Однако этот план был «перевыполнен», поскольку в регион поступило в результате проведенной операции в мае 1949 г. 8 475 семей [13]. Из них литовцы составили 7 587 семей [14], остальные 888, согласно данным В. Н. Земского, являлись эстонскими [15].

Однако для людей, перенесших длительный путь в «телячьих» вагонах из Прибалтики в Сибирь, а также лишенных своего крова, мучения только начинались, поскольку осуществление политики спецпереселения таило массу неприятных сюрпризов. Во-первых, новый статус спецпоселенца в значительной степени ограничивал свободу передвижения, что на новом месте затрудняло жизнь выселенцам. Согласно Постановлению СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. спецпоселенцам было запрещено покидать пределы «района расселения» [16]. Во-вторых, мероприятия, предусматривавшие обустройство спецпоселенцев на местах, фактически не выполнялись. Так, проведенная в ноябре 1949 г. проверка показала, что за полгода проживания литовцев в Иркутской области их положение практически не изменилось с момента вселения. «Выселенные семьи не имели никакой мебели, кроватей, посуды, жили в непригодных для проживания зимой домах, болели, не выходили на работу. Вместо оказания помощи местные власти ограничивались угрозами в адрес представителей колхозов, что если те не наведут порядок, семьи литовцев будут переданы в другие колхозы». Положение не изменилось и в дальнейшем. Отношение к выселенным литовским семьям было не простым. Их ущемляли в наделении земельными участками, сенокосными угодьями, оплате трудовой. Государственные денежные ссуды, выделенные на строительство и ремонт домов для выселенцев, тратились на внутриколхозные нужды. Выселенцам же предлагали купить полусгнившие дома без крыш за 2,5–3 тыс.

руб. Скот и поросят они могли также приобрести только по рыночным ценам, тогда как для своих колхозников они обходились в среднем в два раза дешевле. Спустя почти два года после поселения в Осинском районе из 200 семей литовцев приобрели дома только 22 семьи, имели крупный скот 13 семей. Из-за сложных жилищно-бытовых условий более 40 семей перевели в другие районы [17].

Подобное положение было характерно и для других народов, направленных на спецпоселение. Как отмечает Н. М. Игнатова, спецпереселение как государственная политика советского правительства преследовало различные цели. Тут прослеживались и политические, и идеологические, и экономические мотивы. С конца 1920-х гг. началось проведение форсированной индустриализации, затем необходимо было мобилизовать силы на ведение Великой Отечественной войны, далее – послевоенное восстановление экономики [18]. Однако в отношении выселения прибалтийских крестьян в Сибирь, в частности в Иркутскую область, преобладало стремление высшего руководства СССР изолировать их и лишить тем самым возможности активного сопротивления советизации региона. Неслучайно именно литовцы, наряду с оуновцами (украинские националисты), были освобождены значительно позднее других контингентов спецпоселенцев.

Примечания

1. По данным В. Н. Земскова, в Иркутской области было расселено 38 761 человек литовских спецпоселенцев, что составило 48 % от общего числа выселенных из ЛССР в послевоенный период.

2. Зубкова Е. Ю. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечеств. история. 2007. № 2. С. 14

3. Там же. С. 19.

4. Там же.

5. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М. : РОССЭПН, 2008. С. 29–30.

6. Занданова Л. В. Сибирская ссылка сталинской эпохи: спецпереселение 1930–1950-х гг. // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск, 2006. Вып. 3(15). С. 132.

7. Кашаускене В. Миграционные процессы в Литве в послевоенные годы (1945–1952) // Война 1941–1945 годов: современные подходы / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука. 2005. С. 444.

8. Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечеств. Архивы. 1993. № 1. С. 5.

9. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 692. Л. 20.

10. Там же. Л. 21.

11. Там же. Л. 22.

12. Там же. Л. 23.

13. И. Сталин – Л. Берия: «Их надо депортировать ...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992. С. 202.
14. Шалак А. В. Социальные проблемы Восточной Сибири (1941–1945 гг.). Иркутск, 2000. С. 185.
15. Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечеств. архивы. 1993. № 1.
16. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / РАН Ин-т российской истории. М. : Наука, 2003. С. 121.
17. Шалак А. В. Социальные проблемы Восточной Сибири (1941–1945 гг.). Иркутск, 2000. С. 186.
18. Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX в. (На материалах Коми АССР) : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001. С. 175.

СМОЛИНА И. В.

ОТВЕТ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ НА ТОТАЛИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Христианство в условиях тоталитарных режимов подверглось попыткам деформации и ликвидации со стороны государственной власти. Стремясь к обеспечению полного господства над обществом, тоталитарные режимы сталкиваются с христианскими церквями как идеологическими противниками. Христианство признает совершенство только за Богом, утверждает приоритет личности над обществом и государством, отрицает возможность построения идеального общества на земле. Напротив, в тоталитарных режимах есть свой земной бог – вождь, личность рассматривается как слуга государства и материал для построения нового идеального общества на земле. Вместо христианского учения личного спасения марксизм выдвинул идею коллективного «спасения» через построение коммунизма – рая на земле. Национал-социализм провозглашал коллективное спасение арийской расы через уничтожение («жертвоприношение») «низших» рас.

Россия и Германия, подвергшиеся масштабным тоталитарным экспериментам в XX в., были странами с преимущественно христианским населением. В России в 1897 г. 69,9 % населения являлись православными и старообрядцами, в Германии в 1933 г. около 63 % населения принадлежали к евангелической церкви, а 32,5 % – к католической [1].

Радикальное решение религиозного вопроса в большевистской России оказало влияние и на религиозную политику других тоталитарных режимов в Европе, в частности, в Германии. Так, нацистская пропаганда выставляла Гитлера защитником христианских интересов, в противовес Сталину, и подкупала церкви

своей антикоммунистической направленностью. В свою очередь, развязанная Германией Вторая мировая война привела к кардинальным переменам в государственно-церковных отношениях в СССР. И не последнюю роль здесь сыграла необходимость нейтрализации воздействия нацистской пропаганды, выставяющей Третий рейх защитником интересов верующего населения в СССР.

Большевицкая власть сразу же начала преследование православной церкви, рассматривая ее в качестве основного идеологического противника и центра контрреволюционных сил. Антицерковные мероприятия первых десятилетий советской власти лишили церковь прежнего статуса государственной и уничтожили ее материальную базу. Декрет правительства от 20 января 1918 г. отделял церковь от государства и лишал ее прав юридического лица, т. е. прав владения собственностью, заключения сделок, представительства в суде. Число жертв среди духовенства и мирян с октября по 1921 г. превысило 10 тыс. (помимо духовенства, погибшего в рядах белого движения). Постановление правительства от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», ограничивало деятельность церкви лишь богослужением. Религиозные общественные организации ликвидировались. К 1939 г. на свободе осталось всего 4 правящих архиерея. К 1941 г. в СССР остался всего 3 021 действующий храм [2].

Отношение православной церкви к новой власти прошло путь от обличительных посланий патриарха Тихона (Беллавина), осудивших кровавую смуту и гонения на церковь, до официального заявления о признании советской власти и позиции невмешательства в дела государства. На протяжении веков действуя в русле политики Российского государства, православная церковь не имела опыта политического отстаивания своих интересов, как, например, католическая церковь в Германии. Ответом православной церкви на революцию была подчеркнутая аполитичность, которая не исключала патриотизма и нравственного обличения кровавой смуты. В послании от 19 февраля 1918 г. патриарх Тихон призвал верующих встать на защиту церкви, но не с оружием в руках, а покаянием и верностью христианству. В послании от 18 марта 1918 г. патриарх осудил унижительный для России Брестский мир. Под давлением власти патриарх Тихон признал советскую власть и в послании от 25 сентября 1919 г. призвал подчиняться ее велениям, «поскольку они не противоречат вере и благочестию» [3]. Его преемник митрополит Сергей (Страгородский) продолжил начатую линию лояльности к власти («Дек-

ларация» митрополита Сергия 1927 г.). Это было платой за признание советской властью Священного Синода и приходских общин законными и их регистрацию. В условиях, когда речь шла о выживании церкви, другое, бескомпромиссное отношение иерархов к власти граничило бы с ее самоуничтожением.

В отличие от Ленина, Гитлер с приходом к власти не имел четкой программы решения религиозного вопроса. Но Гитлер первоначально сделал ставку не на уничтожение, а на ее подчинение и даже замену церковного учения «позитивным христианством». Церкви заняли принципиально разные позиции по отношению к национал-социализму. Сильные традиции политического католицизма в Германии позволили видеть Гитлеру в католической церкви не только идеологического, но и политического противника. В избирательной кампании в феврале 1933 г. большую активность проявили Партия центра и Баварская народная партия. Заявление епископов конференции в г. Фульда (февраль 1933 г.) осудило национал-социализм. Нацистская пропаганда сломала это первоначальное сопротивление, и после знаменитой речи Гитлера в рейхстаге 23 марта 1933 г. Партия центра, в числе других партий, высказалась за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий (Ermächtigungsgesetz). В этой речи прозвучали подкупающие слова о стремлении государства к сотрудничеству с церковью на благо Германии, о приоритете церкви в церковных вопросах. Гитлер гарантировал сохранение существующих конкордатов, обещал обеспечить обеим религиям их свободное развитие в стране и, наконец, обещал заключить имперское соглашение с католической церковью. Заключением рейхskonкордата с католической церковью 20 июля 1933 г. Гитлер добился деполитизации католической церкви, обещав ей самостоятельное решение внутрицерковных проблем, участие в системе образования и воспитания, содержание собственных образовательных учреждений [4]. Последующее нарушение условий конкордата со стороны власти, устранение церковных печатных органов и школ говорит об общем с большевиками стремлении нацистов к ограничению церковной деятельности только рамками богослужения.

Гитлеровская политика дискредитации церкви, уничтожения ее изнутри была более тонкой, чем лобовая атака советской власти. Гитлер понимал, что ореол мученичества вокруг духовенства только укрепляет авторитет церкви. Поэтому в 1935–1937 гг. были проведены показательные процессы над католическим духовен-

ством, ложно обвинявшемся в коррупции, государственной измене, моральной несостоятельности (позже в СССР этот метод успешно использовал Н. Хрущев). В это же время нацисты показали истинное отношение к христианству: в 1935 г. была провозглашена «деконфессионализация общественной жизни», а в 1937 г. Гитлер объявил о выходе всех членов НСДАП из рядов католической церкви, которую объявил «врагом немецкого народа» и «антигосударственным учреждением», поскольку она руководится из Ватикана. Государственный антисемитизм, программы эвтаназии и стерилизации вызвали движение религиозного сопротивления католической церкви, нашедшее выражение в энциклике папы Пия XI «Mit brennende Sorge» (14 марта 1937 г.). Энциклика явилась документом протеста против методов нацистского правления. Написанная на немецком языке, она была зачитана со всех католических кафедр в Германии 21 марта 1937 г. В ней напоминалось о произвольном и систематическом нарушении нацистскими властями рейхskonкордата и содержался призыв к нацистскому правительству отказаться от антицерковной политики и основных антихристианских постулатов [5].

От подчинения евангелической церкви контролю партии (так называемой «Gleichschaltung») Гитлер ожидал больших результатов. Евангелическая церковь в большей степени была готова к нацификации. Это подтверждают и факт широкого распространения внутри нее движения «немецких христиан», получивших на церковных выборах 23 июля 1933 г. более 60 % голосов, и закон о церковных служащих (5 сентября 1933 г.), согласно которому все они обязаны были предоставить доказательства своего арийского происхождения. Для лиц неарийской расы должны были создаваться отдельные церковные общины. Гитлер добился еще большего контроля над руководством евангелической церкви, когда его ставленник Людвиг Мюллер 27 сентября 1933 г. был выбран имперским рейхс-епископом. С нацификацией церкви не согласились лучшие представители евангелической церкви, основавшие Bekennende Kirche (пастор Мартин Нимеллер) и создавшие Временное руководство немецкой евангелической церкви. Таким образом евангелическая церковь разделилась на 2 группы – пронацистскую и оппозиционную. Последняя призвала приходское духовенство не подчиняться церковному руководству рейхс-церкви (октябрь 1934 г.), обнародовало памятное письмо (30 августа 1937 г.), осуждавшее аресты духовенства, террор гестапо, государственный антисемитизм. В ответ на это прокатилась

волна арестов. Только в 1937 г. было арестовано 807 пасторов и мирян Bekennende Kirche [6]. В их числе был и пастор Нимеллер.

Оба вождя (Ленин и Гитлер) инспирировали церковный раскол для ослабления противника. Гитлер для раскола евангелической церкви использовал группировку «немецких христиан», Ленин – обновленческое движение. Обе группировки должны были поддержать режим и обеспечить лояльность церковного большинства властям. Так, например, обновленческому Высшему церковному управлению было предписано провести работу по признанию советской власти епархиальными и приходскими советами. Но в отличие от Германии, обновленчество в СССР не увлекло за собой широкие массы, во-первых, из-за высокого авторитета патриарха Тихона, и, во-вторых, вследствие незаконного с точки зрения канонов создания церковного управления.

Вторая мировая война послужила отправной точкой к изменению курса церковной политики в обеих странах. И если в Германии происходит усиление религиозного сопротивления и ужесточение государственных антицерковных мероприятий, то в СССР, напротив, происходит свертывание антирелигиозных репрессий. У христиан Германии в военные годы не осталось сомнений в антихристианской направленности нацистского режима, поэтому они стояли перед тяжелым выбором: желать ли победы своей стране или ждать поражения Германии для спасения христианской цивилизации. Веря в свою победу, Гитлер откладывал решение церковного вопроса на послевоенное время и видел его в разложении церкви изнутри путем подмены христианского учения «позитивным христианством» и идеологией национал-социализма: «Что же должны делать мы? То же самое, что делала католическая церковь, когда отбирала у язычников их веру: брать все, что можно взять и истолковывать в нашем духе. Мы возвратимся по тому же пути; в Пасху будем праздновать не воскресение Христово, а вечное обновление нашего народа; Рождество станет рождеством нашего мессии – героического и вольнолюбивого духа нашего народа... Они (т. е. священники. – И. С.) сменят свой крест на нашу свастику. Вместо крови своего прежнего Спасителя они будут посвящать празднество чистой крови нашего народа» [7].

В России, напротив, православная церковь, оказавшись на грани институционального уничтожения в результате репрессий 1930-х гг., в период Великой Отечественной войны приняла условия сотрудничества с государством («конкордат» И. Сталина с православными митрополитами 4 сентября 1943 г.). И в очеред-

ной раз заплатила вынужденным молчанием и лояльностью режиму за право восстановления богослужebной жизни в стране.

Не имея возможности организации радикального сопротивления тоталитарным режимам в СССР и Германии, христианские церкви могли противостоять им самим своим существованием, верностью евангельским идеалам и проповедью.

Примечания

1. Гараджа В. И. Социология религии : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2005. С. 320; Бонвеч Б., Галактионов Ю. История Германии. Т. 2. М., 2008. С. 246.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 гг. Документы и фотоматериалы / отв. сост. Васильева О. Ю. М. : Изд-во Библейско-богословского Ин-та Св. Апостола Андрея, 1996. С. 12
3. Там же. С. 46.
4. Hurten H. Kurze Geschichte des deutschen Katholizismus. 1800–1960. Munchen, 1986. S. 51.
5. URL: http://www.stjosef.at/dokumente/mit_brennender_sorge.htm
6. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. Т. 2. М. : Воениздат, 1991. С. 277.
7. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М. : МИФ, 1993. С. 52.

ЧЕЧЕТ Б. Ф.

В ПОИСКАХ ВЕРЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ РАЗУМА

В современном глобализирующемся мире проблема сохранения национально-культурной идентичности и государственности остро стоит для многих стран, в том числе и для России. Этому посвящена статья тогда еще кандидата в президенты России В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» [1], в которой отмечаются «рост межэтнической и межконфессиональной напряженности», «национализм, религиозная нетерпимость», «колоссальные миграционные потоки», способные «изменить привычный уклад и облик целых континентов».

Эти острейшие проблемы современного мира порождены глобализацией во всех ее аспектах, кризисом и трансформацией традиционных форм культуры, экономическими и социальными проблемами, которые провоцируют рост национального, религиозного и молодежного экстремизма, часто направленного против «чужих», воспринимаемых как причина проблем.

В Прибайкалье ситуация пока не так остра. Но процессы оттока населения из региона и притока мигрантов из Китая, Средней Азии и Кавказа (преимущественно мусульман), постепенно меняют структуру населения Прибайкалья. А ведь к нам приезжают не прошедшие «курсов по толерантности». При столкнове-

нии культур и народов существует угроза потери своей национально-культурной идентичности населением, меньшим по численности, менее активным, менее агрессивным, и, что парадоксально, более гибким и толерантным.

В статье В. В. Путина констатирован тупик модели мононационального государства и утверждается необходимость единого культурного кода в условиях поликультурного общества. Стержнем российской цивилизационной идентичности, по Путину, должна выступать «русская культурная доминанта», «носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Идея, что «русская культурная доминанта», «вся насквозь православная», становится чуть ли не частью государственной идеологии. Без знания основ православной культуры, якобы, невозможно ни полноценное образование, ни усвоение русской культуры. В своей статье В. В. Путин утверждает, что «государство, общество должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере, в Вооруженных силах» при «сохранении светского характера государства».

Частью реализации этих идей является учебный предмет «Основы православной культуры» (ОПК), включенный Министерством образования и науки РФ в школьную программу (4 и 5-й классы) в качестве федерального компонента в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» во всех регионах России с 2012 г. [2]. Предмет заявлен как светский, с преподаванием светскими педагогами. Цель – ознакомить школьников с историей, культурой и основными ценностями православного христианства.

Курс поддерживают РПЦ, многие общественные деятели и организации, большинство православного населения России. В августа 2009 г. аналитическим центром Ю. Левады был проведен опрос по поводу преподавания «Основ православной культуры». Ответы распределились так: целиком положительно – 25 %, скорее положительно – 44 %, скорее отрицательно – 13 %; резко отрицательно – 6 %; затрудняюсь ответить – 11 % [3].

И все-таки реальная ситуация с идеей православия как стержня «русской культурной доминанты» и в целом религии как основы цивилизационной идентичности России не так безупречна. Минобрнауки РФ, Общественная палата, президенты России В. В. Путин и Д. А. Медведев декларировали, что изуче-

ние в государственных школах предметов религиозной тематики нельзя делать обязательным, ибо это противоречит Конституции РФ, что светская суть предмета не должна подменяться религиозным воспитанием, преподавать эти предметы должны светские педагоги, и что регионы не должны навязывать школьникам какую-то одну дисциплину (религию).

Реальность оказалась сложнее. Ход эксперимента показал, что в одних регионах преподавание курса ОПК соответствовало нормам светского государства (предмет ОПК был введен в старших классах, был добровольным (факультативным), носил информативно-познавательный характер; преподавание не сопровождалось совершением религиозных обрядов), в других вводился как обязательный предмет, фактически являясь христианизацией школьников.

Экспертами Российской академии наук были проанализированы шесть подготовленных в 2010 г. учебников по курсу «Основы религиозных культур и светской этики», в том числе учебник «Основы православной культуры» профессора Московской духовной академии протодиакона Андрея Кураева [4], рекомендованный редколлекцией РПЦ, и по всем были даны негативные отзывы.

Не отрицая необходимости курса, все эксперты подчеркнули, что все учебники подменяют «ознакомление с религиозными культурами откровенной религиозной пропагандой» и содержат многочисленные признаки нарушения статьи 14 Конституции РФ, объявляющей РФ светским государством, и статьи 13, запрещающей навязывание какой-либо идеологии. По утверждению члена-корреспондента РАН, доктора философских наук А. В. Смирнова, из шести модулей, образующих курс, четыре модуля – основы православной и других религиозных культур – были отданы конфессиям, ученые не принимали участия в их написании, научная экспертиза не была встроена в процесс подготовки авторских текстов. Учебники агрессивно, «в миссионерском ключе» «навязывает ученикам определенную религиозную идеологию, открыто враждебную светскому государству». Учебник Кураева, как и другие, «несостоятелен в научном плане», «еще больше других нацелен на то, чтобы человека христианизировать... Понятие “культура” там подменено понятием “религия”» [5].

Игнорирование конституционного положения о светском характере российского государства идет еще дальше. В 2006 г. на пресс-конференции, проведенной в рамках «XIV Международных Рождественских образовательных чтений», выступавшими критиковался «отрыв человека от Бога», декларировался «пере-

ходный» характер ОПК и рассматривалась возможность введения в школах «Закона Божьего». Депутат Госдумы А. В. Чуев указывал на то, что вследствие изменений в законодательстве юридически станет возможным введение предмета «Закон Божий» в школьные программы [6].

Преподаватели курса «Основы православной культуры» получают специальное религиозное образование в основном на курсах, организованных совместно институтами повышения квалификации учителей и Церковью, в образовательных центрах РПЦ и в некоторых педвузах. Соответственно, занимаются они вопросами духовного воспитания исходя из того видения предмета, которое им дает православная вера, противопоставляя ее достижениям науки.

Неудивительно, что возражения против курса есть даже со стороны религиозных объединений. Против введения в школу ОПК неоднократно выступали представители различных конфессий: католики, протестанты, иудеи, мусульмане. В марте 2009 г. президент Башкирии М. Рахимов обвинил федеральную власть в насаждении православия в школах, которое «даст отрицательный эффект у людей, придерживающихся иных верований, вызовет обратную реакцию и толкнет их к радикализму» [7]. И это обоснованные опасения. Сложно обвинить курда или турка в плохом знании национальных традиций, шиита или суннита в игнорировании своей религиозной принадлежности, но мира и толерантности между ними нет. Для верующих в России есть законодательная возможность изучать религию факультативно, есть воскресные школы.

В СССР, в котором активно проводилась политика формирования «новой исторической общности – советского народа», многие представители среднеазиатских республик и Кавказа знали русский язык плохо. Они были гражданами единой страны вовсе не под влиянием «русского культурного ядра». И дореволюционная Россия, и Советский Союз были империями, в которых не только «иностранцы», но и русская провинция жили по другому культурному коду, нежели столицы и элиты. Но они были гражданами одной страны, жили в ее социальных, экономических, правовых нормах, и именно это делало их гражданами страны. Было силовое подчинение, но и чувство причастности к великой стране и великим событиям. И только потом – язык, и совсем потом – религия. Сам же Путин отмечает, что «русский народ является государствообразующим – по факту существования России».

Таковым он являлся и по факту существования СССР, но «русское культурное ядро» не спасло его от распада.

Собственно, В. В. Путин называет главное условие достижения единства России – преодоление деградации «государственных, социальных и экономических институтов», громадного «разрыва в развитии на постсоветском пространстве». Миллионы людей мигрируют в «поисках лучшей жизни». И их не останавливают ни страх остаться за пределами традиционных конфессий, ни отрыв от родного национально-культурного кода. Важно создание условий для достойной жизни. И тогда человек сам решит: считать ли себя русским армянином или просто армянином, гражданином России.

Еще одно условие – утверждение главенства закона как основы гражданской нации. Гражданской – не этнической, не религиозной. «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме.... Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства». Можно не быть этнически русским и не быть православным, но быть патриотом России по факту гражданства. Собственно, это не только специфика России и русских. Единого культурного кода в современном глобализирующемся мире быть не может. Поликультурность должна быть скреплена законом – об этом Путин тоже пишет. Именно правовые нормы должны задавать жесточайший императив поведения, выступая в роли единой системы координат, включая и требование к мигрантам с уважением относиться к местным культурным, историческим традициями.

Путин отводит существенную роль образованию, которое должно «опираться на незыблемые ценности, базовые знания и представления о мире». Но для него это – основа сохранения «русской культурной доминанты». А образование, особенно в сфере социально-гуманитарной, и контролируемая государственными и общественными институтами массовая культура должны формировать не только национальную доминату, но и думающую, ответственную, с развитым критическим мышлением, способную к диалогу, толерантную и патриотичную личность. Единая ценностная шкала и моральные критерии должны быть результатом работы критического мышления, в том числе и над базовыми ценностями мировых религий, анализа опыта прошлого и выработанных на этой основе правовых норм, подкрепленных образованием и воспитанием. Мораль и другие ба-

зовые ценности должны строиться на осмыслении не принципов потусторонней реальности, а социального и жизненного опыта.

Утверждение «общего культурного кода», по сути, есть тот же «плавильный котел», ассимилирующий малые культуры более сильной. Общая идентичность может быть только гражданской. Как у Маяковского – «Я – гражданин Советского Союза». Национальность, вера – вторичны. Общей основой может быть только социально-экономическая, политическая и правовая система, создающая возможность достойной жизни для всех. А культурная идентичность всегда разная у буряты или русского, у крестьянина, священника или профессора, каждый из которых может быть достойным гражданином своей страны.

Если мы пытаемся остановить время и сохранить традиционный тип общества, тогда важна культурно-национальная идентичность, самоидентификация личности как представителя определенной нации и (или) религии. Но возникает опасность национализма. Постиндустриальное общество как неизбежное следствие заявленного технологического прорыва требует других форм идентичности – поликультурных, в которых культурная и ценностная идентичность не тождественна национальной и религиозной идентичности.

Литература

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независ. газ. 2012. 23 янв.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 1578-р // Рос. газ. 2009. 11 нояб.
3. URL: <http://www.levada.ru/press/2009090301.html>
4. Кураев А. В. Основы православной культуры. 4–5 классы : учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. М. : Просвещение, 2010. 96 с.
5. URL: http://iph.ras.ru/s_0.html.
6. URL: http://scepsis.ru/library/id_525.html.
7. URL: <http://www.portal-credo.ru/site>.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сопредседатели: Зуляр Ю. А., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет); Дятлов В. И., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет)

АБРАМОВА М. А.

ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ И ИНКУЛЬТУРАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

В рамках социологического подхода процессы социализации и инкультурации индивида обусловлены спецификой освоения и творческого обогащения социального опыта, созданного предыдущими поколениями (М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис, Г. А. Андреева, И. С. Кон, Л. С. Яковлев). При культурологическом подходе социализация и инкультурация рассматриваются как процесс трансляции культуры от поколения к поколению, как общий механизм социального наследования, охватывающий и стихийные воздействия среды, и организованные – воспитание, образование (А. Бандура, У. Бронфенбреннер, У. М. Уэнтворт, М. Мид, И. С. Кон, А. И. Ковалева). Факторно-институциональный подход [1] определяет социализацию и инкультурацию как совокупность действия факторов, институтов и агентов социализации и инкультурации (О. Брим, Р. Линтон, Р. Мертон, Т. Парсонс, Б. Д. Парыгин, А. В. Петровский). Интеракционистский подход рассматривает социализацию и инкультурацию в качестве важнейшей детерминанты, определяющей межличностное взаимодействие, общение, без которого невозможно становление личности и восприятие ею картины мира (Дж. Мид, Ч. Х. Кули, Л. Колберг, Р. Хофштеттер, А. Халлер, Т. Шибутани).

Основными механизмами социализации и инкультурации молодежи являются: традиционный (через семью и микросоциальное окружение), институциональный (через образование и другие институты общества), стилизованный (через субкультуры), межличностный (через значимых лиц), рефлексивный (индивидуальное переживание и осознание).

Детерминация личности происходит через усвоение в процессе социализации системы общественных ценностей, но в динамической конкуренции с ее организатором – архетипической системой ценностей [2], представленной в культуре общества. Таким образом, личность, попадая с рождения в определенное семантическое пространство, находится постоянно под воздействием различных знаков, символов, как отражающих различные системы ценностей конкретных социальных групп, всего общества в целом, так и требующих постоянного познания, усвоения и интерпретации для коррекции и выбора наиболее рациональной модели поведения в конкретной ситуации.

В работах К. Гирца, который использовал понятие культуры в разных значениях: как «исторически устойчивый образ значений, воплощенный в символах», как «набор контрольных механизмов» – своеобразную программу для контроля за человеческим поведением, являющимся предельно пластичным, – обосновывается семиотический подход к изучению культуры. «Концепция культуры, которой я придерживаюсь, – писал К. Гирц, – является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений» [3].

В современных условиях данная паутина создается с участием многих заинтересованных лиц, сообществ, и, конечно, регулирование данного процесса – это весьма сложная задача. Мы остановимся на рассмотрении влияния телевидения, как мезофакторе формирования адаптивного поведения молодежи. Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф основывается на постструктуралистской идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. Критический дискурс-анализ Н. Фэркло демонстрирует, что дискурс является лишь одним из множества аспектов любой социальной практики [4]. В рамках данного подхода мы можем сделать вывод, что на формирование психосемантической среды влияет не только язык, но и закрепляемые в сознании и подсознании модели поведения, стереотипы восприятия, которые транслирует телевидение. Так, один из механизмов, используемый рекламой для решения задачи, – удивить, остановить реципиента, заставить его на время забыть о других делах, сосредоточить его внимание на рекламируемой продукции –

шок от видения неожиданных развязок знакомых сюжетов и ситуаций, прослушивание ответов на банальные вопросы. Эффективность этого механизма обуславливается разрушением стереотипов, устойчиво закрепленных моделей поведения, общественных норм. Реклама с успехом использует такие специфические социально-психологические механизмы, как внушение и подражание. Притягательность для индивида выхода за пределы личного дискурса, выявленная психологами, содержит как потенциал для развития личности, так и опасность формирования дезадаптивной модели поведения, различных форм патологий. Однако решение данной проблемы возможно только после выявления приоритетности тех или иных каналов телевидения для различных возрастных, этнических, гендерных групп и рассмотрения содержания предоставляемой информации.

Развитие психики человека происходит на границах между «чувственной тканью сознания» и «общественным значением слова» и заключается в балансировке, напряжении, в преодолении границы. Как указывает А. Г. Шмелев [5], большая часть личностных прилагательных во всех языках характеризует уровень адаптивности личности, обуславливая, таким образом, стратегии поведения индивида в их идеализированной модели. Поскольку механизмами инкультурации, а, как следствие, и адаптации являются имитация, идентификация, чувства стыда и вины, то анализ каналов поступающей информации, формирующей картину мира адаптанта, следует выстраивать с учетом предлагаемых ему моделей поведения. Имитация (подражание) и идентификация в данном процессе являются позитивными механизмами, способствующими формированию определенной модели поведения. В то время как стыд и вина будут являться механизмами запрета и подавления «анормальных» действий ребенка. Определяя содержание предоставляемой телевидением визуальной вербальной и невербальной информации, мы в дальнейшем могли бы описать и проанализировать особенности формирования семантического пространства молодежи и, как следствие, выявить как адаптивные, так и дезадаптивные модели поведения, предлагаемые для усвоения различными информационными каналами.

Ответы респондентов, которые были опрошены в рамках исследования социокультурной адаптации молодежи в Республике Саха (Якутия) в 2006–2010 гг., продемонстрировали явное доминирование телевидения как главного поглотителя времени (сравнивались телевидение, компьютер и чтение) и соответственно –

ведущего информационного канала формирования семантического пространства молодежи. Более того, опрос показал, что с увеличением возраста респондентов доля предпочитающих телевизор не сокращается.

В связи с изучением влияния источников информации на степень адаптированности молодежи мы заметили, что у школьников показатели адаптированности увеличиваются с уменьшением количества времени, затраченного на просмотр телевизора. Так, среди вообще не смотрящих телевизор хорошо адаптированных оказалось 52 %. К 24 годам эта тенденция сохраняется. Так, например, среди не смотрящих телевизор хорошо адаптированных оказалось 48 %, а смотрящих по 4 часа в день и более – 38 %.

Следует отметить, что форма отражения информации, предоставляемая телевидением, а также его возможности влияния на зрительные и слуховые рецепторы респондентов во многом обуславливают доминирование данного информационного источника в создании семантического пространства молодежи. Проанализируем, какие же из телевизионных каналов имеют большую популярность у зрителей.

Предпочтения в выборе каналов телевидения респондентами значительно зависят от возраста. Так, подростки предпочитают в первую очередь «Первый канал», затем развлекательные каналы ТНТ и СТС. Студенты демонстрируют как заинтересованность каналом «СТС», так и внимание к «Первому каналу». В возрасте от 25 и старше респонденты проявляют явную симпатию к новостным каналам «ОРТ» и «НТВ», также повышается значение для просмотра передач «РТР». Гендерный анализ выявил, что у женщин все-таки большей популярностью пользуются каналы «СТС» и «ОРТ», предлагающие развлекательные передачи и сериалы. У мужчин первую позицию занимает канал «ОРТ». Территориальный анализ показал, что городские жители более склонны просматривать передачи «ОРТ», а сельские предпочитают «СТС». С точки зрения пристрастия этнических групп, наиболее интересную позицию заняли КМНС, которые отдают явное предпочтение каналу «СТС».

Анализ влияния программ различных каналов телевидения на степень адаптированности молодежи показал, что в возрасте от 13 до 18 лет у отметивших доминирование по времени при просмотре программ «НТВ» и «Культура» степень адаптированности несколько снижена. Необходимо отметить, что школьников, смотрящих передачи по каналу «Культура», не очень много.

И более низкая адаптированность их, как показал более детальный анализ по городам, связан с результатами опроса молодежи из Нерюнгри, где в группе, предпочитающей канал «Культура», оказалось 48 % плохо адаптированной и только 28 % хорошо адаптированной молодежи. Необходимо отметить также, что и группа таковых в г. Нерюнгри была небольшой. У молодежи, предпочитающей канал «Культура», в г. Якутске ситуация совершенно иная – 46 % хорошо адаптированных и 24 % плохо адаптированных, и совокупность в целом их достаточно большая. Таким образом, мы еще раз убедились, что ценности, транслируемые социальной средой, в том числе влияют и на выбор молодежью телевизионных каналов, косвенно обуславливая адаптированность индивидов.

На результаты адаптированности предпочитающих канал «НТВ» специфика социальной среды влияние не оказала, поскольку предпочтение его передачам высказало достаточно большое количество респондентов (8 % от ответов). В более зрелой возрастной группе адаптированность снижается у приверженцев «MTV», «СТС» и «ДТВ».

Если подводить итоги анализа по территориальному признаку, то в г. Якутске на первом месте по частоте обращения у молодежи оказался канал «СТС», на втором – «ОРТ» и на третьем – «ТНТ». Отличия по степени адаптированности при этом рейтинге незначительные, за исключением предпочитающих канал «Культура», у которых доля хорошо адаптированных чуть выше, чем у остальных. Поэтому в отношении столицы Республики Саха (Якутия) мы можем констатировать, что социальная среда не является тем фактором, который будет иметь серьезное влияние на определение предпочтений молодежи в отношении телевизионных каналов.

В Нерюнгри на первом месте оказался «ТНТ», на втором – одновременно два канала: «Первый канал» («ОРТ») и «СТС». В г. Мирном на первом месте оказался «Первый канал» («ОРТ»), на втором – «MTV» и на третьем – «ТНТ».

И в г. Мирном, и в г. Нерюнгри специфика социальной среды предопределяет доминирование каналов телевидения в выборе респондентов, что в результате косвенно влияет и на степень адаптированности молодежи. И как следствие, и обуславливает особенности психосемантической среды, в которой формируется молодежь.

В результате можно предположить, что, учитывая рейтинг интересов респондентов, наибольшей популярностью у них бу-

дет пользоваться тот канал, который жестко ориентирован не на разнообразие предоставляемой жанровой, смысловой, разноуровневой телепродукции, а на простоту вкуса и недостаточно высокий уровень абстрактной подачи символических средств. Все это формирует простое семантическое пространство и развивает у целевой аудитории чувство общности, фактически создавая базу идентификационных критериев для определенной группы. И даже повзрослев и обращаясь уже к более сложным и разнообразным по стилю, жанрам и содержанию передачам, молодой человек, усвоивший этот простой аудиовизуальный код, выстраивает новые смысловые цепочки на основе аудиовизуальных средств, предоставленных ему в юности.

Следует обратить также внимание на мозаичность как характерное свойство предоставления современному человеку различными информационными каналами материала для ознакомления, а также размытость норм и представлений о морали как основы нравственного поведения личности, что, безусловно, влияет на механизмы процесса адаптации, такие как имитация, идентификация, чувство вины и стыда.

Литература

1. Тесленко А. Н. Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2009.
2. Языков К. Г. Психосемантические пространства ценностей личности при нарушении психического здоровья // Вестн. ТГПУ. Сер.: Психология. 2006. Вып. 2 (53). С. 115–118.
3. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 11.
4. Белякова Е. А. Конструирование этнической идентичности в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. С. 16–17.
5. Шмелев А. Г. Психосемантика и психодиагностика личности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994. С. 16.

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ: КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Вопрос о влиянии средств массовой коммуникации на личность и ее коммуникативные способности в настоящее время актуален не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Становление личности происходит под прессом массовой коммуникации, который носит неоднозначный характер и не всегда положительно сказывается на формировании мировоззрения человека. Массовая коммуникация, как отмечают исследователи, – это массовый процесс производства информации, ее передачи средствами прессы, радио, телевидения и общение людей как членов «массы», осуществляемые с помощью технических средств. На первое место современной действительности величественно выходит масса или, по Ясперсу, «массовое бытие» (das Massendasein). Стоит отметить, что такая масса является субстратом большого количества людей, которые не связаны друг с другом напрямую, но составляют некое бесформенное единство. К. Ясперс дает следующее определение массе – «...это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества» [1].

Массовая коммуникация является неотъемлемой частью современного общества, его экономики, политики, культуры и охватывает международные, межгрупповые и межличностные отношения. Своеобразная революция средств массовой коммуникации оказывает возрастающее воздействие как на материально-производственную, так и на социально-политическую, культурно-идеологическую области жизни всего человечества и каждого отдельного человека. Массовая коммуникация имеет прямое отношение ко всем этим проблемам и сама может рассматриваться как одна из важнейших глобальных проблем. Все вышесказанное, по словам Б. В. Маркова, оказывается «единой и взаимосвязанной стратегией современности, направленной на овладение человеческой индивидуальностью» [2]. Появление средств массовой информации, все более усиливающаяся механизация всей жизни, исчезновение из нее рефлектирующей основы, укорененности в традиции – эти и другие насущные проблемы с явной очевидностью встают перед лицом человека XX и XXI в.

Классическими чертами общества новой формации являются стандартизация мышления и структур поведения, конформизм,

унификация схем поведения людей, что приводит человека к обезличиванию. Ситуация усугубляется усиливающейся разобщенностью индивидов, переходящей во враждебность, явное или скрытое противостояние. В. М. Розин подчеркивает, что современный человек находится в таком состоянии, для которого характерно «мерцание реальностей, калейдоскоп реалий, принципиальная неуверенность в существовании и твердости мира» [3]. Происходят процессы разрушения социальных и духовных структур, присущих «традиционным» типам общества, для которых характерны устойчивые нравственные и эстетические ценности, более гармоничное мироощущение. Отношения между людьми носят характер фрагментарной и сжатой во времени поверхностной связи. Человеческая личность в качестве составного элемента включена в систему, для которой характерна «фрагментарность и противоречивость картин мира и их знаниево-языковых срезов» [4]. Среди глобальных проблем исследователи все чаще называют возможности информации в части воздействия ее на массовое сознание. Развитие массово-коммуникативных процессов способствует по большому счету развитию всей цивилизации. Без общения человечество развиваться не сможет, причем мир и общение составляют единое целое, одно непременно подразумевает другое.

Несмотря на тот факт, что средства массовой информации создают ситуацию «столкновения всех со всеми» (Карл Ясперс), в обществе наблюдается незримое, но пугающее явление отчуждения и развития крайнего индивидуализма. Более того, начинает распространяться остро переживаемое чувство одиночества человека, его разобщенности с миром, ощущение ненужности и бессмысленности существования, что приобретает метафизический смысл. Человек, по сути, остается одиноким, неотраженным в Другом. Более того, наличие множества псевдоконтактов грозит самому субъекту, как ядру отношений, распадением, разложением на мелкие разрозненные составляющие, что является возможностью, по мнению мыслителей, «полностью нивелировать реальное самосознание отдельного человека» [5]. В настоящее время чуждость и несамосущность довлеют над человеческой личностью, диктуя неправильные законы жизни, где личность полностью нивелируется, истребляется, где самость единичного бытия подвергается уничтожению. Исследователи неоднократно подчеркивают, что довлеет «...повседневность, где все рассчитывается и планируется с точки зрения эффективности, результативно-

сти и рациональности, где господствует экономика обмена, где нет места жертвенности и великодушию, где человек довольствуется товарами, сведениями и справками и забывает о творении и общении» [6].

Конфликт между человеком-личностью и человеком массы имеет, по мнению Л. А. Ситниченко, «характер определенной теоретической и реально-практической константы...» [7]. Присутствие массы иначе раскрашивает человеческую экзистенцию. Появляется понятие универсального способа существования. В свою очередь, существование человека как особого феномена, как творчески мыслящего субъекта исчезает. О. Ф. Больнов пишет по этому поводу: «Я и масса противостоят друг другу как подлинность и неподлинность личного бытия. Та черта, которая отличает подлинность от неподлинности, является чертой, отделяющей единичного человека от массы» [8].

Создаются предпосылки для глубочайшего осмысления происходящих в общественном сознании перемен. Формируются философские учения экзистенциализма, персонализма, философской и социальной антропологии, где фундаментальное значение приобретает постановка проблемы отношения между Я и Ты, Я и Другими. Тенденции развития так называемого информационного общества определили содержание нового неклассического варианта философии (Ю. Хабермас, Н. Луман, К. Апель и др.) – коммуникативной. Изменения в социокультурной реальности человека, способов восприятия им окружающей действительности, что происходит под влиянием коренного изменения современной информационно-коммуникативной ситуации, усиления влияния техники на индивидуальную жизнь человека, процесс «наложения новой культуры на старую» [9] – все это дезориентирует личность в условиях современной действительности, выявляет качественно новые способы адаптации к характеристикам постиндустриального общества.

Н. Луман выделяет общество как коммуникативную систему. С его точки зрения, общество как система коммуникаций возникает в тот момент, когда личности вступают в отношения, имеющие взаимообусловленный характер. Философ оговаривается, что количество людей, вступающих в акт общения, должно быть ограничено, так как из-за перенасыщения существует вероятность блокировки всей системы коммуникации, для которой «характерна собственная динамика» [10]. Н. Луман не разделяет мнение М. Вебера и Т. Парсонса, что социальность возникает

лишь в том случае, когда возникает ориентация на Другого. У мыслителя появляется оригинальная концепция субъекта. Субъекта социальной системы (в качестве индивидуального или коллективного сознания) в парадигме Лумана не существует. У философа каждая система или подсистема является субъектом для себя самой. Но, как отмечает Н. Луман, системы не могут существовать в пустоте, поэтому наличие окружающей среды необходимо.

Во французской философской мысли разрабатывается теория общения одним из представителей экзистенциализма Г. Марселем. Отправной точкой его взглядов служит теория интерсубъективности, согласно которой приоритетное значение имеет не отношение субъекта к объекту, а обращение субъекта только в сторону полноценного субъекта, иными словами, к «я». Сфера «не-я», по мнению Марселя, может иметь отрицательное влияние на искомо субъективный характер человеческой личности. Ж. П. Сартр в своих философских воззрениях исходит из противоположения Я и Другого, утверждая, что любой акт интеракции носит разрушительный характер, так как в процессе выхода к Другому Я испытывает напряжение и неизбежно наталкивается на препятствия, исходящие от Другого. В известном умозаключении философа «ад – это другие» кроется противоречие. Над ним Сартр размышляет в труде «Бытие и ничто»: «Другой является незаменимым посредником, соединяющим меня со мной самим» [11].

Возникновение философской теории коммуникации стало одним из значимых событий в философской жизни XX столетия. На протяжении первой, и, в особенности, второй половины прошлого века происходило интенсивное прояснение смысла тех процессов, функций и задач, которые связаны со становлением информационного общества и развитием коммуникационных технологий. Механизмы коммуникации, ее предмет, субъекты, ее сущность толкуются различным образом в разных философских доктринах. Философская интерпретация коммуникации почти никогда не сводится только лишь к проблеме обмена информационными сообщениями между индивидами и к речевому общению. Коммуникацию могут составлять: курсирование ресурсов внутри подсистем общества (Т. Парсонс), экономические обмены (Ж. Бодрийяр), трансляция мифов (К. Леви-Стросс, Р. Барт), обмен взглядами в уличной сцене (Э. Гидденс), диалог между двоими (М. Бубер), памятники и тексты культуры (Ю. Лотман). В зависимости от трактовки самого смысла общественной жизни, философы по-разному понимают содержание коммуникации и

деятельность общества как коммуникативной системы. Но в подходах к коммуникации есть и постоянные элементы. К ним относятся не только коммуникативная формула, связывающая цепочку адресант – сообщение – адресат, но и медиареальность, образующаяся в процессе коммуникации, т. е. коммуникативная реальность как особое измерение реальности социума. Исследователи утверждают, что «в настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры» [12]. Изучение коммуникации немислимо без обращения к проблемам СМИ, к проблемам языка, к информационным технологиям, которые меняют облик общества.

Примечания

1. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. С. 313.
2. Марков Б. В. Коммуникация, феноменология и экзистенция: К. Ясперс и М. Хайдеггер // История современной зарубежной философии: компаративистский подход / А. С. Колесников [и др.]. – СПб. : ЛАНь, 1997. С. 184.
3. Розин В. М. Образ человека в контексте современности. От психологической личности к эзотерической? // Филос. науки. 2000. № 1. С. 97.
4. Калмыков А. А. О виртуалистической природе коммуникации // Филос. науки. 2007. № 8. С. 76.
5. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1999. С. 70.
6. Марков Б. В. Указ. соч. С. 184.
7. Ситниченко Л. А. Человеческое общение в интерпретациях современной западной философии (критический анализ) / АН УССР. Ин-т филос.; отв. ред. А. Н. Ермоленко. Киев : Наук. думка, 1990. С. 39.
8. Больнов О. Ф. Указ. соч. С. 73.
9. Тоффлер, А. Футурошок / Оформление обложки С. Шикина. СПб. : Лань, 1997. С. 264.
10. Луман Н., Глухов А., Никифоров О. Медиа коммуникации : пер. с нем. М. : Логос, 2005. С. 135.
11. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2004. С. 246.
12. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопр. философии. 2006. № 2. С. 27.

КАК УЧИТЬСЯ ИНТЕРПРЕТИРОВАТЬ ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕДИА?

Дискурсивный анализ актуальных политических явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается. Каковы языковые и риторические феномены, заставляющие нас занимать ту или иную точку зрения? Насколько в критических исследованиях дискурса исследователь абстрагируется от этической позиции?

Исследование актуального дискурса есть ни что иное, как известная еще издревле практическая политическая риторика, восходящая к античной полемике. Она вбирает в себя традицию критического анализа дискурса, представленную в работах Дж. Оруэлла, Т. ван Дейка и Р. Водак, традиции французской школы новой исторической науки и школы исследования дискурса (М. Пеше, П. Серию, М. Фуко, деконструктивизм, школа медиологии), исследований метафоризации (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Рассмотрение глобальных вопросов информационных технологий характерно для трудов М. Кастельса, Э. Тоффлера, Р. Дебре, М. Маклюэна, Г. Д. Лассуэла, Э. Гидденса, Д. Белла, П. Друкера, Ч. Хэнди, Г. Г. Почепцова, О. В. Гаман-Голутвиной, исследователей социологии массовой коммуникации и других исследователей.

Монополизация социальных представлений глобальными СМИ – проблема общественного мнения в понимании П. Бурдьё. Значима для данных исследований традиция социоконструктивизма. Показательна конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Много и часто справедливо говорят и о манипулируемости социумом при помощи массмедиа, выстроенности такого социального института медиа, который в своих гениальных антиутопиях предсказали О. Хаксли и Дж. Оруэлл. В XXI в. в «обществе спектакля» коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Прессу давно, еще со времен классических исследований Торонтской школы, обвиняют в том, что она нагло, цинично, исподтишка управляет новостями, телевидение рассматривают как возможность поддерживать визуальный контроль над собственной жизнью. В столь широком ключе опыт медиа пытаются обсуждать Н. Хомский, Д. Боллинджер, Г. Лассуэл, У. Вайнрайх,

П. Бурдые. Критическая направленность исследований дискурса массмедиа характерна в целом и для Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас).

В социологической теории глобальные проблемы распространения информации обсуждаются с позиций теории культурного империализма как варианта теории зависимого развития. Разработка мифологии СМИ проводится в традиции критического анализа дискурса. Р. Блакар пишет о языке как инструменте социальной власти, Г. Деборг говорит об обществе спектакля, им вторит П. Вирилио. Любое исследование этой проблематики неизбежно отталкивается от взглядов Г. Лебона, Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Лассуэла, П. Лазарсфельда, Г. Тарда, Г. Инниса, М. Маклюэна, К. Ховланда, Г. Гадамера. Влияние современной коммуникации на опыт человека изучается в мире (Горонтская школа, Анненбергская школа, Бирмингемская школа, Бодрийяр, Лиотар, другие представители постмодерна). Социологи активно обсуждают функции массовой коммуникации, концепции общественного вещания, четвертой власти, свободы печати, влияние СМИ на формирование массового сознания и социальных представлений. В мировой социологии массовой коммуникации сформировались четыре теории прессы – авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности, тоталитарная теория. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Непонятно, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекли освещение бомбардировок Косово 1999 г., в том числе в сети Интернет. Определенной оптикой снабдили исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г. Г. Почепцова, связанные с дискурсом Оранжевой революции на Украине [1]. После событий 11 сентября 2001 г. нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми массмедиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 г. – нами проводилось исследование этих беспорядков. 2011 г. представил материал по

беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и массмедиа избирательные кампании по выборам президентов США и Франции, которые уже вышлестнулись и на пространство блогосферы. Что, безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец, операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований [2].

В наших работах показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использования клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности применяемых технологий: манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Так, большинство массмедиа на разные лады распевало недавно несколько банальных метафор: смерть Каддафи *открывает дорогу демократии (road to democracy)*; страна *выбирает демократическое будущее (embark on the process of democratic future)*; перевернута страница истории (*chapter has been closed*).

Диктатор – кровавый, избавлению от которого рада вся страна, который издевался над своим народом (*killed. Imprisoned, raped people*). Постоянны рассказы, сопровождавшиеся оценочной лексикой с эмоциональными и экспрессивными коннотациями, повторами: *Brutal dictator, 42 years of tyrannical leadership, ruled Libya with an iron fist merciless dictator, tyranny...*

Показательна насмешка над оппонентом, которая выражается даже в выборе цитат из речей Каддафи: «I am a glory that will not be abandoned by Libya, the Arabs, the United States, and Latin America... revolution, revolution, let the attack begin», Col Gaddafi said on Tuesday. Это позволяет корреспонденту заключить: The rhetoric was typical of the *self-declared King of African Kings, Dean of Arab leaders and Imam of all Muslims, who has ruled Libya for 42 years*. Еще раз выражается стратегия высмеивания противника, которая наряду со стратегией гиперболизации является одной из основных в портретировании образа врага в массмедийном дискурсе.

После официального подтверждения и сообщения о гибели одного из его сыновей радуется вся страна. *The proud movement, an explosion of relief. Lybia has never seen a party like that, sheer exhilaration, extraordinary event for Lybia rebels rejoice.*

Страна было уже начала распадаться, превращаться в государство-неудачник (оценим семантический потенциал такого стигмата – *failed state*).

Постоянны антиномии. Оппозицией *security and prosperity*, принесенным на крыльях бомбардировщиков Франции и Британии, является *insecurity, factionalism, economic chaos*. Однако смерть поверженного лидера открывает новую эру – занимается заря демократии: *next stage of transition rule of law*.

Храбры те ливийцы, которые обеспечили свержение Каддафи.

Строительство государства нуждается в новых людях, которых нужно переманить (*buy people off*). Планы государственного строительства традиционно консультирует корпорация RAND и ее советники – *nation-building, NATO-intervention*.

Столица пала, лидер бежал *fugitive leader*, сам лидер, подобно крысе, прятался в канализационной трубе. Он беспомощен. Найденный, он спрашивает «*Что я Вам сделал?!*» Такова же была история с С. Хуссейном.

Поймавшие его – герои: *People parade with his golden gun. People became instant heroes.*

Не обсуждается, каковы социологические характеристики ливийского общества, каковы экономические параметры жизни, каков уровень гражданских и политических свобод, почему кровавого диктатора еще вчера принимали в самых прогрессивных столицах мира.

Не упоминается, что произошло вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Дискурс в поддержку Ливии, представленный, например, леворадикальным российским изданием «Завтра» (и этот дискурс уже имеет своих исследователей!) лишь зеркально противоположен исследуемому дискурсу мировых масс-медиа.

Использование социальных сетей – примета сегодняшнего этапа медиа-мира. Сети прямо предлагают блогерам поделиться своей точкой зрения. Однако представляют ли блоги всю палитру взглядов? Каковы особенности политической коммуникации в блогах – необходимо выяснять в каждом конкретном случае.

По мнению автора, бездоказательные комменты – прекрасный полевой материал для исследований, насколько усваивается язык глобальных медиа.

Примечания

1. Почепцов. Г. Г. Революция.com. основы протестной инженерии. М. : Европа, 2005.
2. Бушев А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика : монография. М. : Lambert Academic Press, 2011. 276 с.

ГАЛАНОВА С. Л.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

Социальный институт – неотъемлемая часть российской действительности. Недостаточное качество современной институциональной среды закономерно порождает идеи социального насилия, ограниченности выбора и вынужденного характера новых социальных практик и институтов. Институционализация как процесс «опривычивания» и «узаконения» в обществе социальных норм и стандартов – явление не всегда явное, в чем-то загадочное, происходящее как в формальной, так и неформальной сферах. Изучение механизма превращения социальной практики, востребованной новыми условиями жизнедеятельности субъектов, в институт – задача не простая, но актуальная. Если же данная практика системообразующая, направлена на воспроизводство базовых институтов общества, задача ее изучения актуальна вдвойне. В числе таких социальных процессов, недооцененных, на взгляд автора, наукой – связи с общественностью (PR, паблик рилейшнз, ПР), активно распространившиеся на территории постсоветского пространства как особый вид прагматической социальной коммуникации. Выявление взаимосвязей, характеризующих состояние общества как институциональной среды, в контексте рациональных коммуникативных отношений, могло бы сформировать новый взгляд на развитие этого сектора и эффективность социального управления в целом. Целью статьи является анализ функциональных особенностей социокоммуникативной практики в сфере PR в процессе ее институционализации в российских условиях.

Чтобы глубже понять динамику значений, функций и роли связей с общественностью в современных условиях, обратимся к основным этапам становления и развития института связей с общественностью. Ретроспективный анализ этого вида челове-

ской деятельности логичным образом обращает нас к самым древним истокам цивилизации и проторекламным и PR-кампаниям, явившимися предпосылкой института связей с общественностью. Этими формами стали, в частности, информационные папирусы и деревянные пластинки с изображением товаров, датированные X в., сохранившиеся в Лондонском и Шанхайском музеях; популярные в Древнем Риме в установлении связей с общественностью называемые «амбусами» своеобразные стены объявлений о самых важных событиях – гладиаторских боях, политических персонах, за которых призывали отдавать голоса; профессионально реализуемые идеи по формированию доверия и авторитета египетских жрецов [6]; выход в свет в середине XV в. благодаря изобретению Иоганном Гуттенбергом печатного станка.

Становление протоинститута связей с общественностью в процессе развития общества происходило под воздействием различных исторических событий. В XVIII в. принципы связей с общественностью применяются в связи с активизацией общественно-политических процессов в деятельности лидеров Великой Французской революции, авторов деклараций прав человека и гражданина в Европе и Америке, борьбы за независимость в США, где используются такие технологии давления на правительство Великобритании, как создание различных общественных организаций, запоминающихся слоганов и символов, героизирование и мифологизирование национальных лидеров революции Д. Вашингтона и Э. Аллена.

XIX в. в США знаменуется появлением первого пресс-секретаря – им стал помощник президента Э. Джексона А. Кендал; распространением бюро публицити, которые с 1900 г. становятся неотъемлемой частью бизнес-процессов и обеспечивают расположение общественного мнения; попыткой теоретических обобщений первой PR-практики – выходят в свет научные трактаты политического журналиста А. Ли, популяризирующие возможности связей с общественностью в различных сферах. Заслугой А. Ли в становлении института PR как профессиональной деятельности стала кампания по приданию мультимиллионеру Рокфеллеру «человеческого облика» в урегулировании отношений с шахтерами и достижению в их глазах посредством создания комитета для жалоб рабочих, организации многочисленных встреч Рокфеллера на шахтах, показа его семьи в обычной обстановке статуса популярного, «самого выдающегося филантропа нации» [8, с. 35]. Кроме того, Ли успешно демонстрирует возмож-

ности антикризисных PR, противопоставляя их лоббистским усилиям – в период забастовок из-за повышения тарифов на Пенн-сильванской железной дороге он избирает стратегию честного информирования общественности о проблемах тарифов, что обеспечивает стабильность. Кроме того, именно Ли является основателем так называемого направления «спонсоринга» в PR-технологиях привлечения благотворительных средств, которые до сих пор используются организациями в масштабах всего мира [8, с. 35].

Частые столкновения между собственниками разрастающихся монополий и рабочей общественностью, профсоюзами, стали важным этапом в развитии *коммуникаций «согласия»*. «Декларация о принципах» компании «Антрацит Коул Роудзэнд Майн», распространенная в 1906 г. через городские СМИ, предотвратила назревавшую забастовку и оказалась действенным политическим инструментом. Пренебрежительное отношение к общественности вытесняется желанием информировать общественность [6].

Востребование PR-технологий в корпоративной сфере вновь сменилось военной спецификой. История Первой мировой войны в США раскрывает новые возможности связей с общественностью при проведении масштабной национальной кампании по пропаганде военных действий США за рубежом, чему способствовали создание в 1917 г. правительством В. Вильсона Комитета общественной информации и послевоенная жизнь американского общества. Данное событие стало институциональной предпосылкой для развития теории PR-деятельности и связанных с ней, по У. Липпманну, «точных знаний» о формировании общественного мнения как науки. Автором первых трактатов и преподавательских курсов в Нью-Йоркском университете, раскрывающих механику настроений масс, подходы в изучении этих процессов европейской социологии, этику PR, становится в 1923 г. Эдвард Бернэйз. Как практик, он вводит в профессиональный обиход термины «PR-специалист», «советник по PR», называя профессионала-коммуникатора «инженером согласия» [8, с. 36]. Изучение психологических аспектов в своих научных трудах продолжает У. Липпманн.

В период промышленной революции динамика массового производства обострила конкурентную борьбу за рынки сбыта, что повлекло *активизацию профессионального PR в сфере маркетинга, продвижения и рекламирования промышленных товаров и услуг*, затем эта деятельность оформляется как самостоятельная функция управления системой сбыта на современных предприятиях.

Необходимость в разработке действенных инструментов влияния на рыночные процессы, сознание потребителя стали причиной в первые десятилетия XX в. введения в программу подготовки бизнесменов в ведущих университетах США курсов по рыночной теории управления, товарному обращению, сбытовым операциям, методам исследования и стимулирования спроса, что составило основы современного маркетинга – не только в производственной, но и в политической и государственной сферах. Бурно развивающаяся реклама наряду с пропагандой и PR становятся в этот период равнозначными инструментами и успешно проникают из бизнеса в политику, продавая обществу, по Э. Бернайзу, «хорошее правительство так же, как и любой другой товар» [6, с. 12].

В 1920–1930 гг., несмотря на Великую депрессию, происходит *институционализация PR*. Создаются первые профессиональные ассоциации, специальные службы и департаменты в партийных и правительственных структурах США, должности советников по связям с общественностью. Так, например, известно, что в 1936 г. правительство Ф. Рузвельта осуществило пропаганду «Нового курса» силами почти 300 рекламистов и PR-специалистов, официально работающих на Белый Дом [там же].

Стратегическим «прорывом» в специализации связей с общественностью в 20–30-е гг. XX в. становится создание вице-президентом и экспертом по вопросам PR компании «AT&T» А. Пейджем *концепции социальной ответственности бизнеса*. Крупная корпорация становится главным субъектом динамичных экономических и политических процессов, а значит, и работы с общественным мнением, и одновременно объектом научного анализа институционалистов, чьим взглядам созвучен призыв Пейджа к руководству промышленных компаний – проводить политику общественных интересов, а к PR-отделам корпораций – всячески воздействовать на руководство в исполнении данной тактики связей с общественностью.

Особым этапом в развитии связей с общественностью как информационной технологии становится Вторая мировая война. Главным субъектом коммуникаций с различными аудиториями общественности выступает правительство, которое признает юридический статус профсоюзов и тем самым жестко регулирует отношения между трудом и капиталом, добивается пакта о взаимных договоренностях, вводит цензуру. Создается прецедент централизованной правительственной организации *информирования общественности* через Комитет военной информации, на

который, кроме того, были возложены функции пропаганды с целью мобилизации населения на борьбу с фашизмом и помощь американской армии, формирования положительного имиджа США за границей и установления сотрудничества между правительством и бизнесом. Глобальный характер этой работы, как отмечается в некоторых исследованиях, дал импульс развитию PR в странах Европы, где к технологиям США как корпоративно-ориентированным относились с некоторой осторожностью. В 1945 г. создается первый PR-журнал, в 1954 г. – американская PR-ассоциация PRSA, в 1953 г. – Комиссия по PR в международной торговой палате, в 1955 г. в Лондоне – Международная ассоциация PR IPRA, в 1961 г. – Кодекс профессионального поведения и этики PR. Расширяется практика вузовской подготовки специалистов для этой области [8].

В 50-е гг. XX в. в постиндустриальном обществе появляется маркетинг, который управляет ожиданиями и предпочтениями потребителя посредством *изучения мнений и создания популярности торговым маркам и брендам*. В 60-е гг. благодаря Ф. Котлеру и С. Леви маркетинг становится научной дисциплиной, которая как технология, несмотря на дискуссии по поводу правомочий новой науки, начинает широко использоваться в политической сфере, имиджмейкинге, раскрывает потенциал связей с общественностью в *интегрированных маркетинговых коммуникациях*. Э. Райс, отмечая утрату силы рекламы в общественном восприятии в тот период, описывает незаменимость связей с общественностью в исходе конкурентной борьбе за потребителя [5].

Эпоха глубоких трансформаций 80–90-х гг. XX в. институционализирует современный этап связей с общественностью. Меняется их предметная область научного знания, в ее диапазоне возникает *конфликтологическая, антикризисная и системная составляющие, необходимые для обслуживания новой концепции управления экономикой, политикой и обществом в целом*. Активная демократизация общества требует современные технологии управления гражданскими движениями и инициативами, пересмотр и обслуживание политических процедур, сообразных демократическим ценностям, технологии государственного партнерства с гражданами. Трансформируется экономика государств и глобальных отраслевых рынков банковских, финансовых, природно-сырьевых ресурсов. Для всех участников преобразований важным условием становится выполнение *общественного договора, условиями которого выступают экономические, социальные, экологические и*

прочие нормы и гарантии [7]. Вместе с тем конкуренция в борьбе за влияние на открывшихся рынках Восточной Европы, стран СНГ, Латинской Америки, Китая и Южной Африки поставила перед США и другими странами, Россией в частности, ряд сложных задач – «как чисто экономических, так и политических, связанных с необходимостью правильного налаживания связей с мировой общественностью, чтобы стать полноправным членом мирового сообщества» [10].

В России формирование PR-отрасли связывают с рубежом 80–90 гг. XX в. Имея свою национальную предисторию – период советской коммунистической пропаганды, российские связи с общественностью «приросли» технологиями, привнесенными на отечественный рынок зарубежными PR-агентствами: «Tisza/Ogilvy & Mather», «BBDO Marketing», СП «Young & Rubican/Sovero», «The PBN Company» и др. Первым учебным пособием для российских специалистов стала книга С. Блэка «Паблик рилейшнз. Что это такое?», изданная на русском языке в 1990 г. В этот период начинают свою деятельность первые отечественные профессиональные PR-агентства: «Имидж-контакт», «Никколо М», «Имидж-ленд PR», технологичность которых в работе с общественным мнением востребует, прежде всего, в политическом секторе. С падением СССР происходит смена политической парадигмы, системы выборности в органы государственной власти, которая и становится первым ключевым заказчиком на PR-технологии в России, обслуживая стремление бизнес- и номенклатурных групп попасть в новые посткоммунистические эшелоны власти страны и регионов [4].

Как показывает экскурс в историю мировых PR, и российских в частности, целенаправленные формы коммуникаций всегда были скорее политическим инструментом получения и удержания власти «более сильных» субъектов посредством влияния на общественное мнение. Преимущественно таковыми они остаются и на современном этапе. Роль экономического фактора в этом процессе бесспорна, но не первична: полномочия экономических мотивов прослеживаются лишь в создании специфичных материальных условий для определенного класса или группы интересов, которые в свою очередь неотрывны от социальных условий. Этап маркетинга и осознание PR как инструмента создания нематериального актива – репутации и ее участия в капитализации организации наступает в связи с развитием отечественного крупного бизнеса.

Однако сначала бизнесу как хозяйствующему субъекту приходится определять свои позиции «политически». С 1998 г. происходит становление корпоративного сектора страны и формирование его бизнес-стратегий, обусловленных нестабильностью приватизационных решений и необходимостью закреплять права на вверенную собственность. Следствием «адаптации» появившихся в России компаний бизнеса, или частно-собственнического сектора, к специфике ситуации стало принятие новоиспеченными российскими капиталистами и представителями бюрократического аппарата «правил игры», состоящих в сращивании бизнеса и власти и развитии коррупции. На этот период приходится расцвет корпоративных PR, изначальной и основной функцией которых была попытка сформировать легитимные правила взаимодействия с властью, поддержание позитивного имиджа компании, установление лояльных отношений с профсоюзами, коллегами по отрасли, инвесторами. Осуществляют данные задачи специально создаваемые на предприятиях отделы по связям с общественностью; к 2001 г., по данным доклада И. Огарь на конференции «Дни PR в Красноярске – 2001», участником которой был и автор статьи, их насчитывается свыше 200 по стране. Поставщики кадров в эти отделы – на тот момент более 60 вузов страны, открывшие подготовку специалистов по связям с общественностью.

С 1991 г. в Москве зарегистрирована и работает профессиональная некоммерческая организация «Российская ассоциация по связям с общественностью» (РАСО), взявшая на себя функции распространения PR-профессионального подхода во всех секторах экономики, государственного управления, политики страны, а также задачу дополнительного образования и сертификации специалистов в области связей с общественностью. РАСО учреждаются и проводятся ежегодные профессиональные конкурсы – «Серебряный лучник», «Хрустальный апельсин», «Белое крыло» и др. С 1996 г. выходит в свет профессиональный журнал по связям с общественностью «Советник», с 1998 г. – журнал «Сообщение», появляются их интернет-версии. В 1999 г. в России создана Ассоциация компаний-консультантов в сфере общественных связей (АКОС), вскоре ей присваивают статус члена международного комитета Ассоциации компаний-консультантов в сфере PR (ICO). В 2003 г. возникает молодежное ответвление РАСО – Российская ассоциация студентов по связям с общественностью (РАССО), которое формирует кадровый резерв для отрасли.

28 июля 2003 г. профессиональная деятельность по связям с общественностью была «легализована», что стало результатом многолетней работы РАСО: характеристики должностей «заместитель директора по связям с общественностью», «менеджер по связям с общественностью» и «специалист по связям с общественностью» были внесены в «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» (ОКПДТР). Так 28 июля становится датой профессионального праздника – «Дня PR-специалиста», который ежегодно отмечается российским PR-сообществом.

Важным рубежом в судьбе российских PR становятся 2004–2005 гг. С одной стороны, изменение структуры и содержания российских избирательных кампаний, ужесточение конкуренции за места в органах законодательной и исполнительной власти регионов и муниципалитетов, усиление роли административного ресурса, введение назначения губернаторов законодательными собраниями регионов по представлению Президента – сужают рынок услуг основного на тот момент в России политического PR-консалтинга и вызывают уход части профессиональных агентств в смежный сектор организационного консалтинга. С другой стороны, возникают новая модель политической активности и новый спрос общества на специализированные, еще не освоенные, PR-технологии лоббирования, как политического, так и экономического. Таким образом, как отмечает в своем выступлении в журнале «Советник» генеральный директор агентства «Нью Имидж» Е. Минченко, усиление партийной составляющей в российской политике, желание российского бизнеса преуспевать в международных экономических отношениях, а также западных компаний – в адаптации к российской действительности, задачи минимизации политических рисков бизнеса – делают востребованными услуги PR в этих новых нишах. Конкурентом PR-агентству выступает узкопрофильный специалист по «выстраиванию альтернативных каналов коммуникации, сетевых структур», консультант органов власти, крупных госструктур.

На этом этапе декларируется смена цели связей с общественностью с тактико-инструментальных на стратегические. Предметом PR-деятельности, в противовес техническому исполнению поставленных заказчиком экономических (в основном, в виде информационных войн и вооруженных захватов частной приватизированной собственности) и политических задач, объявляется создание *новых смыслов, формирование долговременных*

стратегических проектов. Возникает тесное сотрудничество российских агентств с Государственной Думой, Правительством РФ по вопросам изменения доктрин внутренних и международных отношений России с Украиной и другими странами СНГ. Отмечается выход наших специалистов в страны СНГ и развивающихся демократий. С целью обеспечения новых специализаций PR-отрасли обновленным инструментарием и технологиями в 2004 г. создается Международный институт политической экспертизы (МИПЭ), который активно занимается изучением и распространением российского и зарубежного опыта PR-, лоббирования и политтехнологий [3, с. 1].

Ситуация глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. вносит деструктивные коррективы в отраслевые показатели: количество агентств и специалистов, работающих в разных направлениях связей с общественностью, значительно падает: происходят либо сокращение, либо ликвидация PR-штатов подразделений в организациях, переориентация ведущих агентств в область государственного или регионального маркетинга, *разработку социально-экономических, конкурентных, имиджевых стратегий территорий*, а политического консалтинга – *в маркетинговую выборку и партийных стратегий.* Падение коммуникационного рынка в 2008–2009-е гг. проявляется, в частности, в сокращении расходов на коммуникации российских компаний до 35 % и их объемов заказов на проведение PR-кампаний в среднем на 40–50 %, снижении объемов государственных заказов до 80 %, приостановке долгосрочных инвестиционных проектов и программ развития. По оценкам ECCO International PR Network, падение российского рынка коммуникаций составило до 40 % в первом квартале 2009 г. С кризисом наступила и переидентификация отрасли в национальном масштабе: рост безработицы на отечественном рынке PR, начавшийся в 2008 г., в 2009 г. достиг 50 %, что выявило двоякую проблему: либо низкой квалификации и, значит, низкой эффективности профессиональной PR-деятельности, либо недостаточной активности PR-отрасли в собственном позиционировании экономических и общественных результатов своей деятельности в развитии современного российского общества [12].

Однако уже в начале 2010 г. с ремиссией кризиса и оздоровлением экономики увеличиваются бюджеты и спрос компаний, в некоторых случаях до 200 %, на коммуникационные и консалтинговые услуги, развиваются *полифункциональность и полиаспектность* PR, что дает основу для реализации их новых возмож-

ностей в посткризисном обществе. Их перспективы развития, как свидетельствуют обобщенные автором материалы профессиональных дискуссий, связывают, прежде всего, со сферой государственного регулирования; капиталоемкими добывающими отраслями, деятельность в которых сопряжена с экологическими рисками и чревата общественно-правовым резонансом; финансовым сектором, существенно пострадавшим с падением фондового рынка; внешнеэкономической сферой деятельности компаний, ощутивших необходимость переоценить свои репутации в условиях недоверия к российскому бизнесу в мировом сообществе.

Серьезным материально-технологическим фактором изменения инструментальной специфики современных коммуникаций становится Интернет, который существенно ускоряет и видоизменяет информационные потоки в системе связей государственных, коммерческих, политических структур с общественностью. Бурное развитие получают такие формы нетрадиционных средств массовой коммуникаций и действенные PR-инструменты, как web-сайты, web-конференции, web-презентации и каталоги в сети, net-электронные рассылки пресс-релизов и иллюстраций – своего рода электронное ТВ, online-сетевые издания, содержащие ценную и оперативную информацию для аудиторий [9, с. 5]. Новые электронные технологии предоставляют возможность прямых, без посредников «вопросов и ответов» в рамках двусторонней симметричной коммуникации с новым типом аудитории – интернет-общественностью, доля которой в общей численности россиян неуклонно растет и в 2010 г., по данным журнала «Связь», составила до 30 %.

Инновационные способы информирования и коммуникации в Интернете предъявляют иные требования к специалисту в области коммуникаций, которыми, по словам президента IPRA в 2009 г. М. Герговой, вслед за цифровыми технологиями становятся мобильность реагирования коммуникации и СМИ на события; оправдание ожиданий людей, все больше предпочитающих печатным новостям онлайн; смена PR-стратегий на более эффективные, учитывающие более высокую информационную культуру, готовность интернет-аудитории к открытому диалогу, исключаящему манипуляцию [11].

Главными слагаемыми эффективного коммуникационного менеджмента в условиях неблагоприятной информационной среды, как отмечает профессор ГУ ВШЭ, эксперт в области информационной политики крупных промышленных компаний

И. М. Дзялошинский, становятся: формирование корпоративной информационной культуры, связь со СМИ, структурно-статусные отношения между топ-менеджментом и пресс-секретарем, бизнесом и властью, выбор стратегии информационной открытости или информационный вакуум, включенность и полномочия PR в управлении кризисными ситуациями и превентивной коммуникации, расширение прав пресс-служб до уровня стратегических и консалтинговых коммуникаций и определение четких критериев ее работы [12].

PR становится инструментом решения самых разных бизнес-задач компаний, зачастую превосходящим по своей эффективности другие способы. В коммуникациях крупных предприятий методы PR вытесняют рекламу и начинают занимать все более главенствующее положение в формировании товарных и репутационных брендов. Развитие связей с общественностью на посткризисном этапе в масштабах трансформирующегося российского общества видится в длительных стратегических программах работы с ключевыми группами общественности, «антикризисных программах, консалтинге, обучении, моделях репутационного менеджмента, кампаниях в СМИ, мероприятиях по укреплению доверия и лояльности для партнеров и клиентов, интенсификации разработок и внедрении технологий вирусного распространения информации в Интернете, IT-интерактива, организации и продвижения представительств компаний в социальных сетях, социальных релизов и т. п.» [12].

Как мы убеждаемся, история становления института связей с общественностью – это история развития, прежде всего, сферы общественных отношений и осознанного, целенаправленного управления ими в интересах субъектов экономико-политического действия в конкретную историческую эпоху. Проведенный нами социально-исторический анализ развития PR на их родине, в США, и в России показал: искусство диалога и достижение лояльных отношений с массами в конкретно-исторических экономических и политических условиях в процессе общественной эволюции обрело статус отдельной предметной области профессиональных знаний и умений, социального института в социальной структуре общества. Сегодня связи с общественностью – это прогрессивная современная отрасль, востребованная во всех областях социальной практики, эффективность которой в условиях модернизации общества и осмысления на государственном национальном уровне будет все более востребованной.

Суммируя социально-исторические доминанты развития института PR как социальной функции и технологии, мы можем выделить следующие две основные тенденции, свойственные всем этапам эволюции PR и определяющие их функциональную направленность:

1) наличие нелояльности среды – военные, экономические, политические конфликты интересов субъектов и групп;

2) наличие желаний и возможностей субъектов и групп влиять на долгосрочную лояльность среды по отношению к ним и условиям их жизнедеятельности;

3) открытый и изменчивый характер прагматической коммуникации, подверженный вызовам внешней среды.

В процессе ретроспективы институционализации связей с общественностью мы выявили информационную, пропагандистскую (манипулятивную), консенсусную, маркетинговую, социализирующую функции PR в политической, экономической и некоммерческой сферах. Социально-исторический анализ показал, что социальную функцию связей с общественностью мы вправе трактовать как удовлетворение потребности социальных субъектов, групп, классов, в устранении кризисных явлений и повышении благоприятности среды в конкретных социально-исторических условиях. Таким образом, функциональность PR является главным фактором в становлении института PR, цель которого – обеспечение социального взаимодействия субъекта и среды. В обществоведческой литературе выделяются четыре принципиальных базовых условия любой функциональности. В частности, В. П. Конецкая ссылается на позицию Т. Ракаопза в этом вопросе и отмечает «адаптацию, целедостижение, интеграцию и поддержание «ценностного образца», которые, по ее мнению, при рассмотрении социальной коммуникации могут быть интерпретированы в понятиях «знания и принятия установки коммуникации как исходной данности в определенной коммуникативной ситуации, целенаправленности коммуникативного акта с целью воздействия, интеграция различных коммуникативных средств для выражения социально значимой информации и, наконец, самоконтроль для поддержания социальной нормы коммуникации, принятой в данном обществе» [1, с. 7]. Иными словами, функциональным комплексом коммуникации являются элементы: социальная обусловленность, прагматика, совокупность инструментария и технологий, управляемый процесс институционального поддержания коммуникации как нормы.

Полагаясь на данный теоретический посыл и подводя итоги событийного анализа, мы выделяем следующие общие для всех этапов развития связей с общественностью группы характеристик, влияющие на функциональность PR:

- ситуационные или социально-исторические, подразумевающие характер социального контекста, в котором происходит коммуникация как комплекс экономических, политических и социокультурных параметров, во-первых, и способность субъекта воспринимать, оценивать проблему, чтобы решать ее коммуникативным способом, во-вторых;

- глобальные и региональные, включающие специфику международного и регионального контекста социальной среды;

- целеустановочные, означающие одновременно стратегии решения проблемы и способность субъекта ставить цели и организовывать их выполнение;

- технологические – содержательная часть стратегии, тактика, инструментарий;

- результирующие – выраженные в необходимости наряду с производством самой коммуникации, реализации этапа оценки эффективности коммуникации на уровне субъекта и системы.

В качестве институций социальных функций по результатам обзора мы выделяем:

- *Устранение недостатка информации*, где различаем: оповещательную, информационную, функцию обмена информацией с получением обратной связи, самоидентификацию, позиционирование. Институтом или рынком данной категории функции являются СМИ, информационные и рейтинговые агентства. Специализации – пропаганда, паблисити, создание фирменного стиля, бренда организации как отличий организации, PR в Интернете и социальных сетях.

- *Снятие кризисной напряженности*, где различаем: реагирование на кризисные условия, аргументирование своей позиции, обеспечение тактических действий по приобретению необходимого для приспособления к среде ресурса. Институтом данной функции являются «хождение» в политику, усиление средств медиаконтроля и создание собственных каналов средств массовой коммуникации. Специализации – антикризисный PR, связь со СМИ, корпоративные медиа, включение в политические связи с общественностью (политический PR), GR (связь с правительственными организациями или властью), внутрикорпоративный PR, лоббирование интересов организаций на локальном и глобальном уровнях.

- *Создание деловой репутации* как нематериального актива, конвертируемого в определенных обстоятельствах в материальный актив организации, где различаем функции: обеспечения выхода на новые рынки и аудитории, обеспечение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности. Институт: рейтинговые агентства, публикация рейтингов, конкурсы компаний и их репутаций в различных отраслях. Специализации – ньюсмейкерство, инвестор рилейшнз, репутационный маркетинг, связь со стейкхолдерами (различными общественными группами и организациями влияния на реализацию бизнес-проектов).

- *Вступление в диалог и определение общей реальности сторон*, поддержание партнерства, где различаем: реализацию корпоративной социальной ответственности, спонсорство, благотворительность, частно-государственное партнерство. Специализации – партнерство в области регионального маркетинга и брендинга, социальные проекты в зонах присутствия деятельности, вступление в профессиональные объединения и ассоциации.

Приведенный комплекс социально значимых функций прагматических связей с общественностью, как мы отмечаем, существенно дополняет традиционное определение функций коммуникации, к которым традиционно имеют отношение: *информационная* (гармонизация отношений субъекта и системы), *регулирующая* (влияние субъекта на общественное сознание и мнение, нормы и правила, дает возможность социального контроля) и *культурологическая* (трактуется как познавательная, сохраняющая социокультурные нормы и традиции в обществе) [1]. В некоторых источниках вместо *культурологической* называется *экспрессивная* функция, или функция выражения субъектом своего отношения, оценки, самопрезентации.

В парадигме постнеклассических коммуникаций, функционирующих в прагматическом формате, мы выявили существенные дополнения, общим принципом которых является не только соотнесение субъекта с макропорядком, но, кроме того, использование при этом всего комплекса стратегий и возможностей не только приспособления к среде, но и воздействия на нее в целях изменения ее качественных характеристик.

Существенной особенностью процесса институционализации связей с общественностью как социальной функции мы отмечаем эволюцию коммуникационных способов реагирования на внешнюю среду, включая арсенал прямо противоположных друг другу стратегий: от манипуляционных (репрессивных) до парт-

нерских (диалогических). Следует отметить, что социальной функцией PR является ответ субъекта на критический характер среды – и в этом случае результат получает субъект на своем микроуровне в виде снижения рискогенности среды. Назовем данные результаты тактическими. Вместе с тем ответом субъекта на состояние среды также является и стратегическое выстраивание отношений субъектов с главными агентами среды – источниками кризисов или потенциальных кризисов – и в этом случае субъект включает уже свой деятельностный потенциал влияния на среду, в целях изменения ее качественных характеристик на долгосрочную перспективу. Назовем данный результат стратегическим. Мы также отмечаем, что в зависимости от ресурсности и стратегии развития субъект может использовать стратегии как по отдельности, так и в их сочетании.

Литература

1. Конечная В. П. Социология коммуникаций : учебник / В. П. Конечная. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
2. Кривокора Е. И. Функциональный подход в исследовании организационных коммуникаций // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та. – 2006. –Т. 4, № 3. – С. 146-149.
3. Минченко Е. С новым годом и новым политконсалтингом // Советник. – 2004. – № 12. – С. 1.
4. Папэ Я. Ш. «Олигархи». Экономическая хроника 1992-2000 / Я. Ш. Папэ. – М. : ГУ ВШЭ, 2000.
5. Райс Э. Траут Дж. Маркетинговые войны / Э. Райс. – СПб. : Питер, 2006. – 256 с.
6. Хамалинская Е. И. Связи с общественностью как социальный институт: основные этапы развития // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – Тольятти : Изд-во Волж. ун-та им. В. Н. Татищева, 2006.
7. Чумиков А. Н. Связи с общественностью / А. Н. Чумиков. – М. : Дело, 2000.
8. Чумиков А. Н. Связи с общественностью: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Дело, 2006.
9. Уткин Э. А. Управление связями с общественностью PR / Э. А. Уткин, В. В. Баяндаев, М. Л. Баяндаева. – М. : ТЕИС, 2001. – 296 с.
10. Шишкина М. А. Паблик Рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. – СПб. : СПбГУ, 1999.
11. URL: <http://www.raso.ru>
12. URL: <http://www.press-service.ru>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Цель представленной статьи – рассмотреть некоторые аспекты межкультурной коммуникации в рамках международного образовательного сотрудничества.

В современном мире важнейшими зонами профессиональной и социальной межкультурной коммуникации становятся туризм, наука и образование. Считается, что понятие «межкультурная коммуникация» введено в 1950-х американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом, рассматривающим коммуникацию в культурном контексте. Обширный круг проблем, возникающих в процессе межкультурного общения, исследовался В. И. Антоновым, Дж. Бивинном, А. А. Бодалевым, П. Вацлавиком, Т. Г. Грушевицкой, Д. Б. Гудковым, А. А. Леонтьевым, М. Г. Мустафаевой, В. Д. Попковым, А. П. Садохиным, С. Г. Тер-Минасовой, М. О. Шаваевой, Н. Л. Шамне, З. С. Ямпилевой и др. В большинстве работ акцент делался на лингвистическом компоненте межкультурной коммуникации. Поэтому межкультурная коммуникация рассматривалась в тесной связи и взаимозависимости с преподаванием и изучением иностранных языков.

Однако, как показала практика, даже глубокого знания иностранного языка недостаточно для эффективного общения с его носителем: каждое слово другого языка отражает другой мир и другую культуру, «за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [4, с. 25]. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур, для этого нужно преодолеть барьер культурный. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что при встрече представителей разных культур каждый из них действует в соответствии со своими культурными нормами. Классическое определение дано в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура», где межкультурная коммуникация понимается как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [1, с. 26]. А. П. Садохин характеризует межкультурную коммуникацию как «совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [2, с. 15].

Межкультурная коммуникация – неотъемлемый аспект жизни в поликультурном обществе. Изучение вербальных и невербальных сигналов разных культур, правильное «прочтение» коммуникативных знаков чужого культурного пространства и адекватно организованная на этой основе деятельность партнеров по общению с целью достижения прагматического результата обеспечивают механизм успешности межкультурной коммуникации [3, с. 6].

Международное сотрудничество в образовании имеет много общего с деловым партнерством в сфере бизнеса, однако ему присуща и своя специфика.

В международном образовательном партнерстве представлены различные виды взаимодействия. К ним можно отнести:

- деловые связи с международными университетами, компаниями и организациями;
- конференции, семинары, симпозиумы;
- образовательные услуги;
- студенческую и преподавательскую мобильность;
- совместные исследовательские и обучающие программы;
- международные проекты.

Многочисленны и целевые группы, вовлеченные в академическое международное сотрудничество. Сюда относятся руководство университета, сотрудники различных управлений высшего учебного заведения, профессорско-преподавательский состав, студенты и аспиранты.

Коммуникация в рамках международного сотрудничества реализуется в следующих основных формах: деловая беседа; деловые переговоры; публичное выступление; телефонные разговоры; деловая переписка; общение вне офиса; совместные обеды-ужины и др.

Многоплановость межкультурной коммуникации в академической среде требует формирования профессиональных навыков составления и перевода официально-деловых и профессионально-деловых документов, ведения переговоров, проведения собраний, заседаний, дискуссий, пресс-конференций и презентаций на иностранном языке, чаще всего английском, спонтанного общения в диалогических и полилогических профессионально-деловых ситуациях, освоения социально-коммуникативных ролей в профессионально-деловом общении. Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, ослож-

ненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и мн. др. Поэтому, прежде чем сесть за стол переговоров с иностранным партнером следует изучить культуру, традиции, деловой этикет предполагаемой страны-партнера.

Поведение людей, принадлежащих к другим культурам, во все не является чем-то непредсказуемым, оно поддается изучению и прогнозированию, для этого требуются специальные образовательные программы, направленные на подготовку к межкультурной коммуникации.

Представителей университета, участвующих в международном сотрудничестве, следует готовить к межкультурной коммуникации, сочетая групповые и индивидуальные формы работы. Это могут быть беседы, консультации, презентации, тренинги и даже курсы.

На наш взгляд, содержание программы по межкультурной коммуникации должно включать следующие вопросы:

- Особенности деловых культур зарубежных стран: отношение ко времени и пространству, особенности восприятия.
- Специфика деловой культуры России.
- Взаимодействие деловых культур. Невербальная коммуникация.
- Переговоры: практическое применение знаний особенностей межкультурного общения при осуществлении международных контактов. Особенности принятия решений в разных деловых культурах.
- Деловая документация и деловая корреспонденция.

Бесспорно, основной акцент в подготовке к межкультурной коммуникации следует делать на языковую подготовку участников. Язык является отражением этой коммуникации. Все понимают, что гарантия взаимопонимания посредством языка является первой предпосылкой международного сотрудничества.

В современном мире владение хотя бы одним иностранным языком является необходимостью. В настоящее время языковые умения и навыки персонала, в данном случае занятого в сфере образования, становятся все более и более важными. Мы понимаем, что знание иностранного языка – это обязательный компонент подготовки высокообразованного специалиста. Несомненно, что языковая компетенция должна быть присуща и современно-

му преподавателю. Большое значение имеет и владение образовательной терминологией.

Так как наш вуз технический, в качестве одного из компонентов языкового обучения должен присутствовать иностранный язык для специальных целей.

Мы должны подчеркнуть роль ЕС в развитии и совершенствовании языковых умений и навыков российских преподавателей и студентов. Участие СГТУ в проектах TEMPUS в области изучения языка позволяет развивать новую стратегию и новую систему обучения иностранным языкам в техническом университете. Совместный европейский проект «Обучение иностранным языкам в технических университетах в Поволжском регионе» с университетом Суррея (Гилдфорд, Великобритания) и университетом Карла-фон-Оссицки (Олденбург, Германия) позволил создать целостную систему переподготовки специалистов в области иностранных языков для профессиональной коммуникации в Поволжском регионе. Было разработано и апробировано 9 электронных обучающих программ. В 2006 г. в СГТУ открылся Центр электронного обучения иностранным языкам для специальных целей (ЦЭО). В этом центре представители целевой аудитории проекта – студенты старших курсов, магистранты, аспиранты, преподаватели и сотрудники университета, представители бизнеса, сотрудничающие с университетом, могут свободно изучать английский и немецкий языки, а впоследствии французский, русский как иностранный и т. д. Они имеют возможность самостоятельно использовать различные обучающие компьютерные программы, а также участвовать в интерактивных дискуссиях, ролевых играх. На базе СГТУ подготовлена и реализована программа повышения квалификации по методике преподавания иностранных языков, электронному обучению и межкультурной коммуникации для преподавателей Западно-Казахстанского аграрно-технического университета. В перспективе ЦЭО, успешно применяющие современные электронные образовательные программы, имеют возможность получить аккредитацию по европейским стандартам и перейти на европейскую систему обучения в соответствии с Болонским соглашением.

Культура речи – ведущий элемент механизма общения, способ установления взаимопонимания. На основе языкового, и прежде всего речевого, общения осуществляется творчество, созидание не только предметов, но и самого человека. Язык является средством знакомства с традициями, обычаями, историей и

культурой страны. Знание чужого языка расширяет кругозор, воспитывает толерантность, значительно снижает возможность возникновения конфликтов, но самое главное – делает людей более открытыми.

Важнейшим показателем образованности и воспитанности человека выступает этикет. Правила этикета можно рассматривать как регулятор поведения в общении и деятельности людей. Следование этикету представляет собой эффективный путь использования коммуникативных стратегий и тактик, формул речевого этикета в зависимости от ситуации деловых отношений; способность правильно ориентироваться в ситуации общения с партнерами, проявлять языковую гибкость и выбирать нужную, в зависимости от обстоятельств, манеру поведения; возможность компетентно контролировать процесс коммуникации и при необходимости уравнивать интересы ее участников с учетом особенностей речевого стиля и речевого поведения представителей разных социумов при осуществлении международных контактов, взаимопонимании участников коммуникации.

Внимание к культурным корням и национальным особенностям других людей позволит предвидеть и точно просчитать их реакцию. Практическое знание базовых черт других культур сведет к минимуму неприятные сюрпризы, даст необходимое понимание, которое позволит преодолеть трудности общения с представителями других стран.

Литература

1. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

2. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учеб. для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков А. П. Садохин ; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.

3. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур : монография / Л. В. Куликова – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова – М. : Слово/Slovo, 2000. – 259 с.

ШЕСТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сопредседатели: Коноплёв Н. С., д-р филос. наук, профессор кафедры философии и научной методологии ИГУ; Мальчуков В. А., д-р филос. наук, профессор кафедры философии и научной методологии ИГУ

АНДРЕЕВА Е. В.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На рубеже XX–XXI вв. «власть, население и большинство средств массовой коммуникации, не сговариваясь, но вполне единодушно сконцентрировались на значении, символах и символическом престиже национального целого и его особого исторического пути, судьбы и предназначении» [4, с. 160]. Историко-культурное наследие является важным фактором сохранения культурной идентичности, что особенно важно для нашей страны по ряду обстоятельств. Полиэтнический характер цивилизации России определил тот факт, что культурное наследие является результатом вклада, который каждый из народов России внес в сокровищницу российской культуры. Период восстановления культурной памяти в нашей стране совпал с нарастанием процессов глобализации. Открытость информационного пространства РФ, начиная с 90-х гг. прошлого века, привела к массивному воздействию нормообразов и стандартов западной, прежде всего американской, культуры. Нарастает разрыв между поколениями в знании отечественной истории и культуры. Молодое поколение не испытывает ностальгии по прошлому, его память не загружена идеологическими стереотипами, что вызвало мировоззренческий хаос 90-х гг., когда на общество обрушился вал информации, были открыты архивы, из которых без кропотливой обработки были извлечены ранее недоступные материалы, культовые фигуры отечественной истории советского периода развенчаны, а одновременно государство лишило поддержки хранилища памяти – музеи, библиотеки, архивы. Распад СССР и рост этнократизма в бывших советских республиках привели к пересмотру важнейших событий прошлого. Травматический

шок, который испытало общественное сознание, с течением времени привел к эмоциональной усталости, что выразилось в снижении интереса к «непредсказуемому» прошлому нашей страны. «Культурный ландшафт России деградировал..., с исчезновением художественной среды вырождались духовная память народа» [8, с. 21]. Погружение в настоящее у многих людей было связано и с первостепенной необходимостью выживать в новых экономических условиях.

В начале XXI столетия перед Россией стоит задача сохранения своей культурной идентичности, что предполагает нахождение того общего для всех населяющих ее народов фундамента, который бы позволил реально осознать свое неразрушимое единство и общность ценностей и смыслов. Таким фундаментом может и должно стать то общее культурное достояние народов России, которое позволяет сохранить общую культурную идентичность всех народов, проживающих в РФ. Культурная политика государства должна быть направлена на сохранение, восстановление, классификацию достояния прошлых поколений без изъятия, которые делались в годы советской власти в отношении дворянской, купеческой, конфессиональных и других субкультур. Культурно-историческая среда в своей полноте и сложности способна сохранить память народов. Наследие как духовный и интеллектуальный потенциал является одним из наиболее значительных компонентов национального достояния России, который позволяет ей оставаться среди великих мировых держав. Объекты наследия создают предпосылки для сохранения самобытности, они закрепляют многообразие национальных, этнических и религиозных культур, разнообразие природы.

В настоящее время в России развернулась реконструкция исторических городов, сопровождающаяся земляными работами, уничтожающими культурный слой на огромных площадях. А ведь в центральных районах городов, наиболее привлекательных для инвесторов, как раз сосредоточены самые древние напластования. В особенной опасности находятся средневековые города, которые не имеют статуса археологических заповедников. Другая опасность – черные копатели, которые имеют связи с торговцами древностями, проводят несанкционированные раскопки с использованием профессиональной техники. Россия не ратифицировала «Европейскую конвенцию об охране археологического наследия» – важнейший международный документ, закрепляющий мировые стандарты сохранения и исследования древнего

наследия, в том числе и проведения научных работ на научной основе [1, с. 2].

Процесс «перестройки» в нашей стране совпал по времени с нарастанием процессов глобализации, которые в условиях социально-культурного хаоса стали особенно чувствительными для России. Глобализация, проявляющаяся в стирании языковых и национальных границ в мировом масштабе, имеет объективный характер. Среди возможных негативных последствий глобализации – угроза самобытности культур, навязывание с помощью развитых информационных коммуникаций культурных стандартов и образцов США. Аудиовизуальные образы постепенно замещают тексты, печатные репрезентации прошлого. История в наше время все больше приобретает «электронный» вид. Благодаря «телевизуализации» памяти мы получаем «искусственную сверхправдивость» прошлого. Таким образом, давление извне на общую культурную память народов России благодаря и с помощью новейших СМИ беспрецедентно. Распространение по всему миру американского телевидения, газет и журналов, рекламных роликов, поп-культуры несет с собой и тиражирование ценностей, норм, стандартов общества потребления. Социологи характеризуют глобальную культуру как культуру потребления. Э. Д. Смит пишет: «Лишенная всякого ощущения развития вне происходящего настоящего и чуждая всяким представлениям о «корнях», подлинная глобальная культура переменчива, повсеместна, бесформенна, исторически неглубока...» [6]. Знаменательны результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации, в котором приняли участие 2 401 человек в возрасте 18 лет и старше в 26 субъектах Российской Федерации. На вопрос «Знаете ли Вы имя и отчество Ваших прадедов?» только 23, 8 % опрошенных ответили – «да, знаю»; 43, 2 % опрошенных знали не всех, а 33 % не знали имена и отчества своих прадедов. У 1 % опрошенных из домашних реликвий, сохраненных в семье, 74, 3 % заняли фотографии и только 14, 4 % – семейные письма, дневники, рукописи.

Свод памятников и монументального искусства Российской Федерации – фундаментальная программа фиксации отечественного наследия – была основана в 1967 г. профессором И. В. Маковецким и О. А. Швидковским и с тех пор осуществляется специальным отделом Государственного института искусства Министерства культуры. Ученые сочли необходимым фиксировать не только древнейшие памятники, но наследие всех веков

российской истории, включая и значительные или уникальные постройки XX столетия из общего числа памятников 10 тыс. [3, с. 6]. В 1990 г. ЮНЕСКО включил в Список всемирного наследия «Исторический центр Петербурга и связанные с ним группы памятников». В список памятников сегодня включено 5,5 тыс. зданий и сооружений, произведений скульптуры и ландшафтного искусства, мемориальных адресов и исторических захоронений. На рубеже XX–XXI столетий в Петербурге осуществлена реставрация многих десятков памятников. Некоторые церковные здания обрели свой первоначальный вид. Возвращены один из главных православных храмов Казанский собор, католический собор св. Екатерины, немецкая лютеранская церковь св. Петра, Армянская церковь [3, с. 7]. На прошедшем в 2006 г. в Российской академии наук круглом столе «Объекты культурного наследия и самоидентификация российского народа – проблемы и перспективы» ученые с горечью подчеркивали, что 20 лет не хватит, чтобы вернуть к жизни руинированные церкви, усадьбы, дома при условии стабильного и достаточного финансирования, в возможность которого перестали верить даже оптимисты. Достаточно сложной является проблема определения значимости, статуса и характера, ценности памятника. Так, 24 тыс. памятников взяты под охрану с 1978 г., но точных списков как существующих, так и утраченных объектов нет.

Еще одной из проблем настоящего является приватизация культурно-исторических памятников. Реставрационная база на сегодняшний день в ужасном состоянии. «Государство стремится минимизировать свое участие в сфере охраны памятников, бюджет не справляется с их содержанием, а статус федерального памятника не спасает его от разрушения» [7, с. 4]. В современных условиях существует опасность, что разойдутся по рукам заповедные земли. В действующем законодательстве и в новом земельном кодексе «музей-заповедник» и «историко-культурный заповедник» не определены. Заповедники, имея в руках огромные ресурсы, не могут вести хозяйственную деятельность и иметь легальные доходы от туристической деятельности.

Различение государственной территории и территории страны как отличия имперского пространства, соединенного и удерживаемого из геополитических соображений властной силой государства от территории страны, которая освоена и включена в единое смысловое пространство, позволяет понять, сколь важным является на современном этапе развития нашего отечества со-

хранность культурной идентичности территорий России. «Повидимому, досоветская культурная почва оказалась сохраннее, чем можно было предполагать, и мы непосредственно видим ее ревитализацию. Одновременно налицо величайший дефицит культурных идентификаторов и просто имен для мест и пространственных объектов всех видов – урочищ, ферм, хуторов, выселок, селений, городов (их разнообразных частей и элементов – районов, массивов, кварталов, городских урочищ, улиц и пр.), районов, регионов. «Территория должна пройти топонимическую реанимацию, реставрацию и революцию, – пишет В. Л. Каганский, – поскольку миллионы мест остаются анонимными и псевдонимными (т. е. не являются местами) и целые слои топонимики почти утрачены из-за концентрации населения даже в ядре страны» [2, с. 81].

Происходит смена интерпретаций культурно-исторической памяти. Так, музей Ленина в Горках предлагается переименовать в музей русской усадьбы, ведь Горки – это нетронутый замечательный ландшафт, усадебный комплекс, хранилище уникальных коллекций мебели, посуды и живописи. Новый смысл должен приобрести Ленинский комплекс в Шушенском, который соединяет природно-усадебный заповедник с богатыми традициями края и биографией вождя пролетариата. Многие памятники периода индустриализации, остатки сталинских лагерей нуждаются в консервации, это тоже часть общей истории народов России, которую надо сохранить. При всей принципиальности социальных изменений конца 1980-х – начала 1990-х гг. в модификации образа страны сохранилась потребность в «большом прошлом», с которым могло бы себя идентифицировать макрообщество – народ. Сложно не согласиться с мнением В. М. Межуева: «То, что сегодня у нас понимается под культурой (все то, что я бы назвал массовой культурой), – это абсолютный вид бизнеса, самокупаемая сфера развлечений... Но есть культура, которая действительно без государственной поддержки, существуя в чисто рыночных обстоятельствах, не выдержит конкуренции и погибнет... Я бы назвал эту культуру национальной... Институтами национальной культуры являются школа, библиотека, музеи, архивы, театр. Вот эта высокая культура должна находиться под охраной государства, если мы не хотим, чтобы общество оскотинилось» [5, с. 9–10]. Общество и государство должны системно отвечать на вызовы нашего времени, обеспечив преемственность поколений и консенсусность всех субъектов культуры на совместное прошлое.

В условиях обвального разрушения исторической памяти фундаментальным для единства российской культуры и личностной идентификации является культурное наследие народов России, которое стало уникальным вкладом в цивилизацию, опорить которое невозможно. Культурное наследие включает в себя не только вещественные объекты, образующие памятники материальной культуры и территории, но и виды деятельности, технологии производства и самих людей как «носителей традиционных культурных ценностей». Не забыть, чтобы жить дальше, а обрести осмысленное представление о неприкосновенном запасе культурной памяти – задача нашего времени.

Литература

1. Антонова Ю. «Культурный слой» становится все тоньше // Культура. – 2007. – № 11.
2. Каганский В. Л. Кривда и правда Евразийства (Смысл и статус евразийской концепции пространства России.) Статья 2. Правда евразийства? // Обществ. науки и современность. – 2003. – № 5.
3. Кириков Б. М. Охрана и реставрация памятников архитектуры // Наше наследие. – 2003. – № 65.
4. Кириллова Н. Медиа-культура от модерна к постмодерну / Н. Кириллова. – М. : Акад. Проект, 2005.
5. Культуру нельзя приватизировать. По материалам круглого стола РТХ, РАГС и РГБ // Наше наследие. – 2006. – № 78.
6. Смит Э. Национализм и Модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2004.
7. Согрина М. Мы их теряем // Культура. – 2006. – № 50.
8. Судьба культурного наследия России. XX век. Черная книга. Искусство XXI век. – М., 2003.

БРЫНДИН Е. Г.

К ВСЕОБЩЕМУ МИРУ ЧЕРЕЗ СТАНОВЛЕНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА ПУТЕМ ГАРМОНИЗАЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Чтобы иметь гармоничную социальную реальность, нужно, чтобы духовное, мирное и гармоничное в повседневной жизни имело практическое воплощение во всех сферах жизнедеятельности общества. До сих пор в социальной реальности эти духовно-нравственные аспекты не имеют полноценного практического смысла и воплощения.

Формирование социальной реальности практически направляют главы государств, политики, дипломаты, военные, духовные

конфессии и общественные деятели. Главы государств заняты решением текущих проблем социально-экономического характера в рамках политического режима, практически не основываясь на духовно-нравственных аспектах. Политики борются за общественный строй на основе правовых норм и социальных законов. Военные действуют по принципу: «Хочешь мира, готовься к войне», который противоречит духовно-нравственным принципам. Духовные конфессии решают морально-этические проблемы, не касаясь практических аспектов социально-экономической жизни. Общественные деятели имеют консультативный рекомендательный статус, поэтому реально они слабо влияют на формирование социальной реальности. Дипломаты разрешают возникающие конфликты и выстраивают межгосударственные отношения на основе международного права.

Наибольшую свободу и полномочия в решении формирования гармоничного поликультурного общества на государственном уровне имеют руководители стран, на мировом уровне имеет Организация Объединенных Наций.

Мир становится мобильным. Это требует повышать культуру общения и отношений в поликультурном обществе через формирование человеческих качеств, таких как духовное сознание на основе духовных ценностей, благоволение, благодеяние, уважение, согласие, честность. Проявление человеческих качеств в повседневной жизни – это есть воплощение ценностей в жизнедеятельности общества. Например, духовно-нравственная ценность «возлюби ближнего» проявляется через внимание, уважение, честность, справедливость, особенно к нуждающимся. Практическое воплощение духовно-нравственных ценностей снижает негативные процессы в обществе, уводя человека от пагубных страстей, делая человека и общество более гармоничным. Нужно активизировать практическое воплощение духовно-нравственных ценностей в повседневной жизнедеятельности.

Практическим воплощением в государстве духовного, мирного и гармоничного является формирование духовно-нравственных гармоничных коллективов в детских садах, образовательных учреждениях и на предприятиях. Взаимодействие духовно-нравственных коллективов образует гармоничное поликультурное общество в государстве.

Без воспитания и развития духовно-нравственных качеств человека становление гармоничного коллектива невозможно. Гармонизация жизнедеятельности коллектива осуществляется на

основе духовного, когда профессиональные отношения являются нравственными. Человеческие качества куются воспитанием духовного сознания и формированием нравственных отношений. Воспитание – это питание сознания благими смыслами. Формирование духовного сознания осуществляется на основе ценностей духовных учений или религий. Нравственные отношения формируются стяжанием мира в сердце и любви к ближним, проявлением в повседневной жизни и общении благоволений и благодарений, во благо кого-то. Важно также, чтобы результаты достигались в нравственных условиях и нравственным путем

Живя в многонациональной стране, осуществляя свой жизненный путь в межэтническом и межкультурном взаимодействии, мы должны осознавать свою ответственность в создании мирного гармоничного будущего и быть толерантными людьми, строить отношения с другими на основе благоволений и благодарений, любви ближних, понимания и уважения культурных отличий, солидарного сотрудничества. Особую важность для России и всего человечества, прежде всего, имеет межнациональный и межрелигиозный мир. Самое реальное, что мы можем делать – это вести просветительскую работу по гармонизации жизнедеятельности и формировать гармоничный нравственно-психологический климат на основе благоволений и благодарений в городе и в стране, где мы живем и работаем. Людям необходимо научиться гармоничному сосуществованию друг с другом. И человечество, как семья Единого Бога, как раз является той средой обитания, где мы можем выстраивать наши гармоничные отношения с братьями и сестрами нашего Единого Творца.

Становление межконфессиональной и межнациональной гармонии осуществляется на нравственной солидарности, которая проявляется в благоволениях и благодарениях представителей всех народов, конфессий и наций.

Все глобальные и локальные проблемы заключается человечества в том, что мир слабо следует духовным истинам. Человек создан праведным, а люди пустились в разные помыслы. Когда человек совершенствуется духовно, тогда он формирует соразмерное с окружением гармоничное культурно-рациональное взаимодействие. Путем гармонизации разумных духовных действий формируются истинные потребности человека и общества. Гармонизацию жизнедеятельности направляют гармоничные культурно-рациональные ценности. На основе гармоничных культурно-рациональных ценностей определяются социальные

законы, согласующие жизнедеятельность человека и общества. Определяются права, согласующие возможности ценностной гармонизации жизнедеятельности в рамках законодательной согласованности. Без согласия нет смысла в жизни. Согласие, взаимное уважение, честность являются основой справедливого общества. Согласие, уважение, любовь и честность порождают гармоничные отношения между людьми и благоприятные условия.

Уровень гармонии определяется мерой взаимосогласования, взаимосопряжения и нравственной соразмерности взаимодействий в обществе. Сращивание гармоничных взаимодействий приобретает форму социального опыта гармоничных коммуникаций людей. У социальной гармонии общий принцип организации, состоящий в проявлении равного между всеми, который в активной форме проявляется духовной мыслью, духовной свободой, нравственно-профессиональной самореализацией, соразмерными, согласованными, духовно-разумными действиями и общением.

Духовную сущность человека рассматривают религия, культура, образование и наука. Религия рассматривает божественную природу духовности. Наука и культура рассматривают общественную природу духовности как культуру человека и общества. Междисциплинарное, многоцелевое, многоаспектное, всестороннее, ценностно-ориентированное образование позволяет полноценно осознать и реально применять системное знание и ценностные ориентации во всех сферах жизнедеятельности. Междисциплинарное ценностно-ориентированное образование направляет человека к реализации духовной свободы в обществе. Проявление духовной свободы в обществе – это проявление равного между всеми. Духовная свобода ведет человека к гармоничной культурно-рациональной деятельности, к гармоничным культурно-рациональным отношениям. Гармоничная культурно-рациональная деятельность и гармоничные культурно-рациональные отношения формируют гармоничную культурно-рациональную этико-экологическую практику развития общества.

Через гармоничную культурно-рациональную деятельность и гармоничные культурно-рациональные отношения граждане проявляют свою гармоничную природоспособность. Каждый человек достигает гармоничной целостности (гармонии души, сознания и плоти), ведет гармоничный образ жизни, выходит на гармоничную самореализацию.

Гармоничные семьи образуются на основе духовного, материального и физического благополучия, любви, уважения, дове-

рия и согласия. Важной функцией семьи является воспитание детей. Прежде чем стать родителями, супруги формируют качества воспитателя. Воспитателями становятся родители, не имеющие аморальных наклонностей, имеющие высокий уровень культуры общения на этическом лексиконе, чтобы быть примером для подражания. Они формируют устойчивую психику, чтобы в конфликтных ситуациях сохранять высокий уровень культуры общения, поведения и отношений. Воспитателями становятся, во-первых, зрелые просвещенные родители, любящие и уважающие других, доверяющие другим людям, ведущие к гармоничной жизнедеятельности окружающих. Во-вторых, имеющие желание и склонность заниматься воспитанием, имеющие способность к взаимодействию с незрелыми живыми душами по формированию духовного сознания питанием.

Гармоничные трудовые коллективы развиваются на основе нравственной профессиональной ротации. Вознаграждение в трудовом коллективе осуществляется за результаты деятельности, полученные в нравственных условиях.

Общество живет и развивается на основе мирной, гуманной политики, традиции мирного, гуманного вечного существования, гармоничных культурно-рациональных ценностей и нравственной профессиональной ротации по знаниям, умениям и отношениям с коллективами.

Взаимодействие власти и общества осуществляется путем общенародного референдума. На референдуме формируется социальный заказ на развитие социально-экономических условий общества. На основе предложений по реализации социального заказа общество нанимает власть путем выбора более профессионального и нравственного коллектива и программы реализации. После нравственной профессиональной ротации совершенствуется социально-экономическая структура общества. Общество совместно с властью развивают социально-экономические условия граждан путем совершенствования гармоничной культурно-рациональной деятельности и культурно-рациональных отношений.

В процессе гармоничной культурно-рациональной деятельности выявляются более совершенные знания и приобретаются более совершенные умения. Совершенствование гармоничной культурно-рациональной деятельности и культурно-рациональных отношений взаимодействующих субъектов развивает коллективную организацию общества. Общество на основе гармоничных культурно-рациональных ценностей на пути ус-

тойчивого гармоничного развития коллективной организации достигает духовного, гражданского, социального и материального благоустройства и становится культурным, профессиональным и здоровым.

В культурном, профессиональном здоровом обществе гармоничные руководители направляют ресурс на устойчивое гармоничное развитие человека и гармоничной коллективной организации общества, на социально-ориентированную экологическую экономику, хозяйственная деятельность которой находится в согласии (гармонии) с природой. Гармония обеспечивает целостность человека, общества и природы как соразмерную согласованность частей мироздания.

БЫКОВА Т. В.

«ТАНАТОДИЦЕЯ», ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО

В современной отечественной философии проблема небытия (в том числе и тема смерти), по-прежнему остается на периферии (и в прямом, и в переносном смысле) её осмысления. По мнению оппонентов, исследование проблемы небытия непременно приведет к дискредитации онтологии как основополагающей философской традиции [1]. Между тем тема смерти, без сомнения, является центральной проблемой философии, обсуждение которой не только не противоречит онтологическим дискуссиям, но и существенно обогащает их.

Возможности философской компаративистики позволяют выявить эволюцию историко-философского осмысления проблемы. Как показывает анализ, историческая смена парадигм мышления всякий раз меняет и отношение к смерти. Самый беглый ретроспективный взгляд позволяет выявить, каким образом от эпически-спокойного приятия смерти в Античности человечество приходит к научно-прагматическому отношению к ней в Новейшее время.

Итак, в Античности восприятие смерти носит спокойный, эпический характер. Смерть представляется естественным и закономерным завершением жизненного цикла, как неизбежен, к примеру, заход солнца, без которого не будет и восхода. Знание, как сделать процесс умирания наиболее полным, как вести себя родственникам умирающего, как уйти в мир иной с ясным не-

прерывающимся сознанием, – все это преподается в качестве самой главной и ценной науки, науки о правильной смерти. В Древней Греции мыслители, прежде всего стоики, киники, эпикурейцы, не только не выказывают страха перед смертью, но и позволяют себе смотреть на нее свысока [2]. Античный мир, в коллективном сознании которого еще не укоренилась персоналистическая идея, уравнивает феномены жизни и смерти. Эпически-спокойное восприятие смерти нашими предками есть проявление метафизики детства человечества. Мифологема детства освещает творческую юность античного мира и витальную энергетику, не признающую страха смерти.

Христианская философия впервые разделяет жизнь и смерть роковой чертой. В период Средневековья тема смерти получает особенное звучание. Отныне смерть предстает кульминационным пунктом существования человека, открывающим ему либо бездну адских мук, либо бесконечность райских наслаждений. Истолкование смерти обретает трагически-дуалистический характер: она есть зло, ибо напоминает о первородном грехе и несовершенстве плоти, но она – и добро, так как дарит возможность для нетленного существования. Люди, ожидающие спасения, которое произойдет, когда «свершатся времена» и погибнет испорченный греховный мир, должны усердно готовиться к царству праведников на земле. Человек не может относиться к смерти иронически или свысока, христианин не знает страха смерти: страх смерти вытесняется священным трепетом перед Божьим судом.

В Новое время происходит следующий радикальный поворот в осмыслении проблемы. Смерть пытаются изгнать из социума, забыть как о чем-то «дурно пахнущем», уничижающем человеческое достоинство. Наивно-оптимистическое представление о том, что смерть можно преодолеть забвением, порождается первыми достижениями науки. В смерти же видится временное поражение, неуместное напоминание о сегодняшней слабости человеческой власти над силами природы. Человек, обретший в себе не просто личность, но творца, новатора, преобразователя, ни о чем так мало не думает, как о смерти. Нигилизм Нового времени по отношению к смерти предписывает: забудь о ней навсегда и думай только о жизни, наслаждаясь каждым ее мгновением.

Если в обществе модерна вспоминать, размышлять, писать о смерти становится «дурным тоном», то уже со второй половины XIX в. начинают раздаваться голоса о недопустимости философского нигилизма в отношении к смерти. Эти голоса принадлежат

А. Шопенгауэру, Ф. Ницше, О. Шпенглеру. Громче всех звучит голос А. Шопенгауэра о необходимости честного признания себе, что смерть – главная цель жизни. Ожидание смерти, предчувствие ее, подготовка к ней – вот на что способен человек разумный в отличие от животного [3].

Осознание нелепости попыток победить смерть забвением, вытеснить ее за пределы социальности, понимание, что смерть никуда не уходит, от нее никуда не денешься, приводят, в конце концов, к тому, что нигилизм Нового времени сменяется прагматизмом Новейшего времени. В XX в. смерть становится объектом пристального научного изучения.

К слову сказать, в прошлом столетии только марксистская философия оказалась в стороне от общечеловеческого осмысления данного феномена, ибо для нее смерти как онтологической проблемы не существует [4]. Отрицая онтологический статус смерти, мы оказываемся поразительно беспомощными и несведущими, когда сталкиваемся с нею. Может, поэтому у нас отсутствует культура расставания? Может, поэтому мы живем так трагично, а неуважение к смерти становится для нас нормой?

Итак, в XX столетии одними из первых к изучению феномена смерти приступают основоположники психоанализа. З. Фрейд утверждает, что человеку присущи противоположные имманентные устремления: инстинкт жизни, выражающийся в сексуальном влечении, и инстинкт смерти. Эрос имеет целью интеграцию, объединение, слияние в единое целое, Танатос же, напротив, имеет целью разъединение, дезинтеграцию. С этим не соглашается Э. Фромм. Он считает, что инстинкта смерти не существует, ибо, если бы он существовал, то у всех должен был бы обнаруживаться себя одинаково. Однако и между индивидами, и между социальными группами, по мнению ученика Фрейда, наблюдается громадная разница в весе разрушительных тенденций. Пытаясь уточнить фрейдовскую концепцию, Фромм вводит понятия «биофилия» и «некрофилия». Он приходит к следующему выводу: чем больше у человека биофильских устремлений, тем меньше некрофильских, и наоборот, т. е. эти тенденции не просто сосуществуют, а наблюдается их обратная зависимость. Прежде сугубо медицинский термин «некрофилия» после работ Фромма обретает общесоциальный характер. Современный некрофил – это индивид со слабеющим интересом к живой природе и растущим вниманием к техническим структурам, предпочитающий компьютер человеческому общению, фотографирова-

ние – созерцанию, мечтающий механизировать свой быт до последней детали, любящий свою машину больше жены и детей... Некрофильское поведение демонстрируют также люди, представляющие, что все проблемы можно решить только с применением силы, трепетно относящиеся к имуществу, деньгам, ведь для них главное не быть, а иметь и т. д. [5]. Фромм справедливо беспокоится, что в кибернетическом обществе некрофильские устремления быстро вытесняют биофильские. Он полагает, что биофильство или некрофильство – это проблема выбора человека. Думаю, это уже не проблема выбора и не вина человека, а беда человечества. Любовь к механическому, машинному, мертвому (некрофилия) – диагноз современной цивилизации.

В 1976 г. выходит в свет книга Р. Моуди «Жизнь после жизни», вызвавшая широкий читательский интерес. В ней автор анализирует 150 исповедей людей, возвращенных к жизни после клинической смерти и способных поделиться своими ощущениями внетелесного существования.

Согласно исследованиям Моуди, существует 11 стадий процесса умирания и возвращения в тело, которые, кажется, сегодня известны всем: возможность видеть свое тело со стороны, слышать слова склонившихся над телом врачей, неприятные шумы, движение с большой скоростью внутри тоннеля, в конце которого виден свет, образы умерших родственников, всепоглощающее чувство любви и покоя, пронизывающие человека, когда он достигает света и т. д. [6].

К концу 90-х гг. на данную тему публикуется огромное количество книг, прежде всего, западных авторов, в которых представлен уникальный материал. П. Гуревич в статье «Уйти, чтобы вернуться» заключает: «Речь идет не о частных случаях или исключительных ситуациях. Достоверность посмертных видений, связанных с земным существованием, не оставляет сомнений» [7].

Полагаем, что не все так однозначно. Сомнения остаются: действительно ли это факты наличия потустороннего бытия или агониальный опыт умирающего сознания? На наш взгляд, во-первых, клиническую смерть нельзя считать смертью в полном смысле слова, во всяком случае, это еще не биологическая смерть. Во-вторых, в абсолютном большинстве, за редким исключением, рассказы людей, возвращенных к жизни после клинической смерти, – земные, слишком земные. Ну, кто не видел свое тело со стороны – в зеркале, на фотографии, киноплёнке, кто хоть раз не побывал в тоннеле в метро или поезде, не видел свет в его кон-

це... В этих исповедях практически отсутствуют свидетельства существования какого-то иного бытия, того, чего нет в этом мире. В-третьих, как известно, последним в человеческом организме отмирает зрительный нерв. В процессе умирания зрительное поле сжимается до одной светлой точки, что и видит умирающий человек. В-четвертых, чтобы посетить запредельный мир, действовать в нем и сохранить об этом впечатление, надо обладать той же целостностью (телесной и духовной), каковой человек обладает в этом мире. Иначе придется предположить, что душа человека тождественна его фигуре. Следовательно, если посмертные видения, как утверждает П. Гуревич, достоверны, то рассказы заглянувших в иной мир людей доказывают только одно: человек имеет несколько тел.

Что касается последней фазы жизни сознания, то в метафизическом плане этот феномен, на наш взгляд, представляет собой чистилище сознания, финальную переоценку всех жизненных ценностей. В агониальном опыте, который индивид переживает в момент умирания, не человек умирает во времени, а время умирает в нем. Если внешнее время – это дни, месяцы, годы, то субъективное умирающее в человеке время сокращается до минут, секунд, долей секунд (такая теория относительности наоборот). Ад или рай каждый из нас будет иметь, но не в той, а в этой жизни. Тело, может, уже и погребено, а в сознании человека за секунды вновь так же ярко, как наяву, проходит вся его жизнь, и он с ужасом понимает, что она прожита зря, не так, как надо было, а вернуть уже ничего нельзя. Подобные терзания и есть адские мучения. Если же человек осознает, что жизнь прожита успешно, что он сделал пусть мало, но все, что мог, а смерть избавит его от физических страданий, то он испытывает облегчение, которое можно сравнить с райским блаженством. К примеру, хорошо известно, что И. Кант любил говорить, что жить стоит, главным образом, для того, чтобы работать. Когда в 1797 г. философ был вынужден отказаться от преподавания по состоянию здоровья, невозможность трудиться с полной отдачей стала тяготить И. Канта. Он умер 12 февраля 1804 г. с чувством облегчения и почти удовлетворения, как сообщают его биографы.

Конечно, подобные ситуации – чрезвычайная редкость. Думается, у каждого найдется, о чем пожалеть. Осуществившийся сполна, достигший высот, званий, регалий человек пожалеет, что у него совсем не было времени для общения с родными, друзьями, природой, любимыми книгами, прекрасной музыкой. Ад –

это выворачивающее все естество сожаление о быстротечности жизни, нереализованных желаниях, упущенных возможностях, о никчемной беготне, глупой возне за место, бестолковой борьбе за тщетную славу... Волна сожаления накроет каждого, даже самого успешного. Смерть – та высота, с которой все увидится в истинном свете.

Как утверждает современная наука, смерть вовсе не обязательный удел каждого живого существа. «Смерть появилась ровно семьсот миллионов лет тому назад. Четыре миллиарда лет до этого момента жизнь была одноклеточной. На одноклеточном уровне жизнь бессмертна и способна, не меняясь, воспроизводиться до бесконечности» [8]. Когда же возникают формы многоклеточной жизни, немедленно появляется смерть. Она оказывается необходимым продуктом эволюции живых систем не потому, что бессмертие противоречит природе жизни, а потому что бессмертие не дает никаких преимуществ. Смерть «изобретается» эволюцией, чтобы выбраковывать ненужные особи, чтобы популяции не засорялись генетическими монстрами, чтобы быстрее сменялись поколения. Смерть – всего лишь механизм адаптации живого к окружающей среде. Жизнь задается очень сложной программой, изменение которой крайне нежелательно. А, значит, природа в процессе эволюции должна была выработать механизм, сводящий не просто изменение, а даже вероятность подобного изменения к минимуму. Именно поэтому клетка всегда готова покончить с собой, как только возникает вероятность, что она может стать причиной нарушения сложных биологических программ. Феномен запрограммированной смерти клеток получил наименование «апоптоз». Таким образом, запрограммирована не только жизнь, но и смерть. Смерть, как и жизнь, передается половым путем. Она заложена в нас изначально, она есть в нас в момент рождения. Смерть дана нам, как дана человеку жизнь. Короче говоря, если бы не было смерти, не было бы и жизни.

Но, пожалуй, самое главное оправдание смерти состоит в том, что не жизнь, а как раз смерть сделала человека человеком. Все живое стремится к жизни, и человек в этом ряду не исключение. От других живых существ он отличается одним: человек знает, что он смертен, что он свободен в своем выборе – жить или расстаться с жизнью.

Как утверждал А. Шопенгауэр, именно смерть рождает философию [9]. Думается, не только философию, но в конечном счете и религию, и мораль, и науку, да и все прочие человеческие

умения, которые возникают из потребности человека выжить, иными словами, победить смерть. Если бы мы были бессмертны, то сами были бы богами, а богам достаточно просто быть.

Осознание собственной летальности заставляет человека задуматься над нравственными проблемами должностования. Скоротечность, ценность, хрупкость жизни выдвигают перед ним вопросы о смысле земного удела, о своем месте и назначении в этом мире, о том, что есть человек и каким надо быть, чтобы быть человеком.

Перед смертью равны все: и гений, и глупец, и святой, и негодяй. И в этом смысле только смерть является абсолютной и полной демократией, столь желанной и недостижимой в реальной жизни. Перед ее лицом не поможет ничто: ни протекция, ни миллионы, честно или бесчестно заработанные.

Только смерть остается фактором социализации даже для людей, покинувших этот мир. Смерть как финальная точка жизненного пути утверждает, достойным или недостойным членом общества был умерший, будет ли он любим и дальше, войдет ли он в историю народа или будет проклят и забыт навеки.

Созидательная роль смерти проявляется в том, что она творит идеалы, идеальных людей. Стоит человеку умереть, как он становится для оставшихся совершенством, лишенным недостатков, талантом, которого не оценили, гением, которого не признавали. Нередко только смерть человека оказывается условием осознания его истинного лица.

Смерть – великая разоблачительница. Она разоблачает нас перед самими собой. В ее свете жизнь многих предстает как цепь пороков, слабостей, лени, желания угодить своему желудку, жажды власти, денег, неистребимой любви к себе. Даже плач по умершим нередко оказывается заботой о себе: нас покинули, теперь мы одиноки, некому нас поддержать, утешить... Но разоблачая, смерть и созидает: люди, близко столкнувшиеся со смертью или пережившие клиническую смерть, резко меняют свое представление о мире и самих себе. У них появляется вкус к жизни, они ощущают радость и полноту бытия, дорожат каждым прожитым днем.

Наконец, смерть есть оправдание любви, любви любого, даже недостойного, но смертного человека, человека, который обязательно от нас уйдет. И потому что он уйдет, хотя бы за одно это, его нужно и должно любить. У М. Цветаевой эта мысль выражена так [10]:

«За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру».

Взглянуть на данную тему «по ту сторону добра и зла» заставляет глобальное, поистине всечеловеческое неуважение к смерти. Смерть незаметно перестает быть проблемой, а становится фоном нашей жизни. В современном обществе она превращается в объект массового потребления. Мы ежедневно потребляем ее с кино- и телеэкранов в виде новостей, криминальной хроники, детективов, боевиков, триллеров и пр. Горы трупов, изощренные убийства, садизм, явленные людям с кино- и телеэкранов, уже никого не потрясают. Люди привыкают не уважать смерть. Это для Ф. Достоевского убийство скупой старухи-процентщицы, которой и жить всего ничего осталось, было проблемой, ибо его герой не просто старушку убил, но человека в себе. Сегодня людям подобные размышления уже труднодоступны. Они зевают, если в фильме лишь один труп, а убийство показано непрофессионально. При этом люди полагают, что являются только зрителями. Фактически все мы давно соучастники убийства человеческого в себе. Всечеловеческое неуважение к смерти, пожалуй, последнее грехопадение человека разумного.

Примечания

1. Солодухо Н. М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопр. философии. 2001. № 6; Кутырев В. А. Оправдание бытия // Вопр. философии. 2000. № 5 и др.
2. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1, Ч. 1. М., 1969. С. 356.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. М., 1971.
4. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 36.
5. Фромм Э. Некрофилия // Вопр. философии. 1991. № 9. С. 69–105.
6. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.; Рига, 1991.
7. Гуревич П. Уйти, чтобы вернуться // Наука и религия. 1991. № 5.– С. 26.
8. Вербер Б. Энциклопедия относительного и абсолютного знания. М., 2007. С. 109.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. М., 1971.–С. 698.
10. Цветаева М. И. Стихи. Проза. Иркутск, 1991. С. 41.

ИННОВАЦИИ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ПРАВОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Инновационные процессы, происходившие в конце XX в. в России, Монголии и других посткоммунистических странах, обычно называют модернизацией или трансформацией. Стремлением посткоммунистических стран после краха коммунизма в основном становилось строительство либерального капитализма, гражданского общества и демократии. Содержательнее этих социально-экономических институтов пока ничего не найдено. Ф. Фукуяма пишет: «И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали “конец истории”»: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события.... Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства» [1]. Совершенствование общественного устройства служит причиной гибели человечества – по Фукуяма – звучит неестественно. Тем не менее, либеральный капитализм (либеральное государство) есть самый оптимальный вариант общественно-экономического развития на данный период.

Демократия есть правление народа или власть большинства. Она является политической системой, в которой народ признается источником власти, граждане обладают равными политическими правами и свободами. Развитие капитализма способствовало появлению и распространению демократии. Рост экономики в западных странах неслучайно совпадает с укреплением демократии. В общем, либеральная демократия имеет ценностный характер для всего общества. В ней масса положительных моментов с точки зрения справедливости, свободы и равноправия для простого большинства. Тем не менее, демократия, по сути, выступает против «естественного». Властью должна управлять элита. Открытый путь к власти для всех желающих через выборы есть на самом деле создание аукциона власти. Вместе с тем, поскольку демократия является продуктом капитализма, естественно, что в ней доминирующую роль играет капитал, а не справедливость. А деньги не могут быть показателем справедливости.

Существуют разные подходы по отношению к демократии. Н. А. Бердяев считает, что «демократия не может быть в принципе, в идее ограничена сословными и классовыми привилегиями, внешне-общественными аристократиями, но она должна быть ограничена правами бесконечной духовной природы человеческой личности и нации, ограничена истинным подбором качеств. Дух нации глубже демократии и должен направлять ее. Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность.... Но эта власть лучших должна быть порождена из самых недр народной жизни, должна быть имманентна народу» [2]. По Бердяеву, только духовная основа нации или народа является главным источником демократии. Народ сам не власть, но он рождает лучших и избранных. Поэтому демократия, или народовластие, должна найти свою опору в самом народе – послушаться его, прежде чем действовать в его интересах. Джон Кин обращает внимание на уравнивание функции гражданского общества и государства при демократизации. По его мнению, демократия «...особый тип политической системы, в которой институты гражданского общества и государства имеют тенденцию функционировать как два необходимых элемента, как отдельные и одновременно стыкующиеся, разные и вместе с тем взаимозависимые, внутренние сочленения в системе» [3]. То есть демократия должна быть в определенных общепринятых рамках, под публичным контролем, чтобы не появился «всенародно-избираемый деспотизм» или хаос [4]. Демократия есть не только система правления государства, но и условие функционирования и развития гражданского общества.

Первые признаки гражданского общества начинают формироваться при капитализме, когда появляется личная свобода граждан, закрепляется частная собственность, действует свободный наем рабочей силы. По И. А. Гобзову, общие признаки гражданского общества таковы: «1) универсальное правовое государство; 2) возможность легального существования неофициальных социальных институтов, политических движений и течений; 3) доминирование социальных связей над личностными; 4) личностное начало» [5]. Образование универсального правового основания в государстве есть условие возникновения гражданского общества. Гегель считает, что дифференциация семей способствовала переходу к гражданскому обществу. После утраты традиционной монгольской семьей ее специфики открывается путь к граждан-

скому обществу. То есть «особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу» [6]. В гражданском обществе «...каждый для себя – цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей» [Там же]. То есть цель каждого есть условие цели всеобщей, и защита всеобщего способствует результату индивидуального. Право и закон есть необходимые условия гражданского общества.

Монгольское общество на рубеже 90-х гг. XX в. вступило в период созидания демократического правового государства. Монголия решила свою судьбу самостоятельно, без посторонней помощи. Она смело и своевременно сделала свой выбор, отказавшись от догматической идеологии социализма и коммунизма в пользу строительства демократического правового общества со свободной рыночной экономикой. Монголии пришлось приступить к созданию совершенно новой для нее модели социально-экономического развития в условиях разрушения старой социалистической системы. Поэтому путь к гражданскому и демократическому обществу предстоял для новой Монголии непростым и трудным. По мнению М. И. Гольмана, «Монголия пошла по пути одновременно проведения политических и экономических реформ, т. е. выбрала не китайскую – сначала экономика, а потом политика, – а восточно-европейскую модель реформирования общества» [7]. То есть национальная самобытная общность, предшествующий «урок» социализма и европейский опыт либеральной демократии одновременно отразились в монгольской трансформации.

Что касается выбора Монголии в пользу демократии, то последнее 300-летнее зависимое существование, в том числе 70-летняя «зависимость» от коммунизма, подталкивало ее к демократическому выбору. Свобода, равноправие и справедливость – главные принципы демократии, ими воздействовали на кочевников в качестве призывов за свободу и независимость. Кроме того, демократия как народовластие, по сути, ближе кочевникам, чем другие политические правления. Данное обстоятельство обусловлено такими сущностными особенностями кочевников, как: страсть к свободе подвижный образ жизни, умеренное и отношение к собственности и «слабая» (формальная) зависимость кочевников от феодала. В общем, демократический путь Монголии является подготовленным ходом истории и неизбежным по причинам, духу и смыслу выбором монгольского кочевого народа.

Однако Монголия выбрала путь копирования демократии, когда кочевники теряют «свое» и оказываются в другой реальности. Копирование происходило в Монголии при социализме, и оно происходит при демократии. Если в развитых странах процветание приводит к демократии (оно появляется в результате всех этапов общественного развития, классового антагонизма), то в монгольском варианте, наоборот, демократия должна создать условия процветания. Безусловно, это путь «нестественный». Поэтому существует вероятность проявления негативных тенденций в общественной жизни, таких как: деспотизм, диктатура, хаос, анархия, беззаконие, коррупция и т. д.

Монголия выбрала не только самый короткий путь к демократии, но и самую неэффективную форму государственной власти – парламентскую. В стране установлена очередная тоталитарная система в виде парламентаризма. Широкое полномочие ВГХ (Великого Государственного Хурала) обуславливает абсолютную власть партии, получившей большинство в парламенте. ВГХ становится высшей властью, формирует правительство, и перед ним вновь избранный президент принимает присягу – это прямым образом противоречит праву и идее Конституции и нарушает равновесие властных структур. А также это обстоятельство способствует безответственности власти. Вообще современный парламент давно начал служить для партийных интересов. В связи с этим теряются основные принципы парламентаризма – открытость и совещательность. Коллективная безответственность парламента, коррупция, доминирование партийных интересов в парламенте – вот главные недостатки демократической системы Монголии.

Демократические преобразования в монгольском обществе проводились довольно быстрыми темпами. Вообще быстрота в решении и незамедлительность в действии есть характерные качества кочевников. Но в новых оседлых условиях жизни старые привычки кочевников скорее мешают им, чем помогают. Впрочем, современным кочевникам нужны хитрые, взвешенные и продуманные шаги во всех отношениях социально-экономической и политической жизни общества.

Переход Монголии от социализма к либеральной демократии сопровождался не только кардинальными социально-экономическими преобразованиями, но и глубокими социально-нравственными изменениями. Если социализм пришел для монгольских кочевников в виде идеологии и иной цивилизации, то

либеральный капитализм пришел для них в лице прагматизма. Западный прагматизм прочно начал обосновываться в монгольской степи. Вместе с тем еще больше углубляется кризис нравственности в современном кочевом обществе. Теперь у кочевников почти не остались ни традиционных, ни социалистических моральных качеств, а функционируют только «рыночные» нравственные нормы. Правит кочевниками принцип наживы, и процветают самые негативные последствия индустриальной цивилизации: цинизм, алчность, стремление к богатству, беззаконие, коррупция и т. д.

Тем не менее жизнь продолжается, и Монголия возрождается. В современных условиях кочевникам приходится осваивать много нового. У кочевников светлый ум, крепкие физические и духовные качества. Все это пригодится в условиях демократии, рыночной экономики и правового государства. Современной Монголии нужны справедливое общество с демократическими ценностями, синтезированная и сбалансированная экономика с учетом функционирования и развития кочевого скотоводства.

Таким образом, Монголия идет по пути кардинального социально-экономического обновления, т. е. она находится в стадии созидания и совершенствования демократического правового государства. Несмотря на то, что общие принципы демократии близки кочевникам, все-таки опыта, «оседлого» общественного развития им не хватает. Вместе с тем «скопированные» западные инновационные реалии не часто подходят менталитету современных кочевников. По сути, в современном монгольском обществе происходит выбор совершенно нового для кочевников общественного развития. Тем не менее, обратного пути нет. Монгольское общество должно развиваться, безусловно, по общим принципам, но при этом оно должно иметь свои «акценты».

Примечания

1. Френсис Фукуяма. Конец истории и последний человек. М., 2010. С. 9.
2. Бердяев Н. А. Судьба России опыта по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 199.
3. Джон Кин. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 20.
4. Там же. С. 101
5. Гобзов И. А. Социальная философия. М., 2007. С. 272.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.
7. Гольман М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М., 2010. С. 42.

**НАЦИЯ КАК ПРОДУКТ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
МОЖЕТ ЛИ ОНА ВОССОЕДИНИТЬСЯ С КУЛЬТУРОЙ?**

К постановке вопроса

Противоречия современного мира – с выходом на ситуацию тупика. Современное человечество подвержено влиянию противоречивых, порою взаимоисключающих (стало быть тупиковых), тенденций. Так, усиливающаяся массовая индивидуализация социума явно уживается с сопутствующей ей неодолимой устремленностью вида Homo Sapiens к глобально воспроизводимому единству; «национальная соборность» претворяема усилением «этнического разнобоя»; природной собранности пола начинает противостоять распатывающая ее гендерность; сильный пол терпит катастрофу под воздействием случившейся на наших глазах сексуальной революции (это «помечено» сменой патриархальной семьи семьей демократической); женщины, хоть и «завершили триумфом» сексуальную революцию, цивилизационно утверждаются мужскими стандартами (что обусловлено активным освоением бывшим слабым полом не соответствующей его природе мужской производственной деятельности), и это противоречит логике осуществления социальной формы движения материи; семья, как нами отмечено, из патриархальной в процессе развертывания «женственности» разноаспектными общественными отношениями (ранее женщины «локализовывались» социальными связями, поскольку сильный пол преграждал «слабым созданиям» доступ к «вершашцами» цивилизацией общественным отношениям) превратилась в демократическую: впала в противоречие с самой собой, поскольку, став «демократической», она сделалась «ничьей» (иначе сказать: саморазрушающейся). Количество подобных «дефектов» можно продолжить, и они свидетельствуют о том, что позитивная (т. е. традиционная) диалектика, осуществимая на базе противоречия как сути объективной диалектики вообще, начинает уступать место так называемой негативной диалектике, фокус которой – отнюдь не противоречие (как источник жизни), но грозящий гибелью тупик (но если тупик, с диалектикой ли мы имеем дело? – Да, с диалектикой, где ведущее положение, однако, – за устойчивостью, а не за изменчивостью; последняя идет по нисходящей: это мы наблюдаем на примере глобально выраженной искусственной среды, вовлекающей человечество в «хаос динамонеравновеса»). Происходящие – под влиянием

достижений НТР – изменения активно сказываются на национальных и культурных реалиях.

Цивилизационная природа (буржуазных) наций. Становление буржуазных наций обычно связывают с торжеством капитализма (феодализм еще не дает «национальных всходов») – новой для соответствующего времени формации. Сегодня национальную тематику отчего-то «вверяют» не формационному, но цивилизационному подходу. Однако нужно иметь в виду, что цивилизация «раскручивается» сменой известных нам формаций – рабочей, феодальной, капиталистической – и не может их подменять (отсюда, по нашему мнению, цивилизационный подход постоянно опирается на «базис-надстроечную разверстку»). (Что касается первобытно-общинного и коммунистического уровней социообустройства, они – за пределами «формационной зависимости»: не являются классово «замешанными» /т. е. находятся «по ту сторону» социоотчуждения/.) Конечно, формационный подход делает упор на раскрытие производства, характеризующего общество на том или ином этапе его развития, и оставляет нетронутыми отдельные «внебазис-надстроечные начертания», такие как содержание человеческой природы (и в этой связи «субстрата этничности») и народа (с его «субстанциальной непрописанностью»); роль традиций в становлении культуры, а также само ее «существо» как преломление «межличностных замеров»; явление массовой индивидуализации социума и связанного с ним «виртуала», вскрывающего внутренний мир индивида как «самодостаточного изолята». Наконец к числу основных внебазис-надстроечных «продуцентов» следует отнести «точечное» становление ноосферы, вызывающее к настоящему времени «шумную рассогласованность» в осмыслении вопроса о том, за счет каких земных ресурсов будет произведено цельнозапечатленное возведение «спроектированного» В. И. Вернадским «вселенского здания Рацио». И здесь же следует указать на то, что находящиеся за «базис-надстроечными весями» установки были бы невозможны без действия формационного обеспечения отмечаемой процессуальности. Применимо это и к анализу нации. Нация обустроивается становящимся капитализмом – фокусом цивилизации с ее преодолением-отторжением культуры (вздвигаемой набором социовоспроизводимых традиций). Буржуазная нация утверждается снятием предваряющих ее культурных наработок. Подъем нации является ответом на вызовы цивилизации. Вступив на ее путь, общество его – этот путь – обустроивает. От-

сюда названные внебазис-надстроечные компоненты пролонгации общества хотя и не задействованы непосредственно той или иной формацией, тем не менее сказываются на ее развитии. Характеризуя нацию, вновь утверждаем: она – основная производительная сила общества. Без этого затруднительно говорить о том, состоялась ли данная нация.

Становление социалистической нации в СССР как результат торжества труда над капиталом. Цивилизация буквально «подстегивает» нацию на самообустройство в качестве важнейшего компонента общественной структуры. К примеру, «национальная отточенность» России долго не находила соответствующего выражения из-за ограниченно воспроизводимой системы общественных отношений. Иными словами, Россия «припозднилась» с их утверждением. Это не связано с какой бы то ни было неполноценностью «феномена русскости», но лишь подсказывает: наша экономика (начиная со времен Ивана Грозного (XVI в.)) постоянно отставалась как догоняющая. Преодоление экономического отставания от Запада с момента свершения Великого Октября (1917) страна осуществляла созданием социалистической (т. е. свертывающей буржуазный настрой) нации, взявшей производство в свое ведение и способствующей становлению формирующегося общества. И само это общество – теперь уже советское – образовывается благодаря становящейся социалистической нации. Последняя предполагает, что входящие в нее классы не антагонистичны, и главная цель здесь связана с развертыванием собственно личностного начала, не подчиненного капиталу, но обусловленного свободным трудом (и базирующимся на нем социалистическим производством). Общество же, сопрягаясь с нацией, осуществляет ее совершенствование. Так оно и развернулось ходом социалистического строительства. Общество, однако, не тождественно нации: оно вбирает такие вненациональные, вместе с тем широко резонансные, компоненты как этносы, народности, конфессиональные группы – в целом народонаселение. Приподымаемое нацией и сопрягаемое с нею тридцатыми-пятидесятыми годами минувшего столетия общество запечатлелось великим советским народом (с разрушением СССР социалистическая нация и советский народ – распались). Противостоя лагерю капитализма, коммунистическая партия усиливала руководящую роль государства. Сегодня многие говорят: КПСС – узурпатор власти, и ни о какой свободе, тем более свободном труде, говорить не приходится. Утверждают: на обывателя обру-

шилась диктатура партократии, выстроившая преступный, закреплённый ГУЛАГом, режим. Его сравнивают с фашизмом, а то еще хуже... Попутно отметим: поношением соцстрою «либералы» реабилитируют осужденный Нюрнбергом (1946) национал-социализм. Сопоставление коммунизма с фашизмом, И. В. Сталина с А. Гитлером стало общим местом у нынешних «борцов за свободу», разрушающих – под шумок о «преступлениях тоталитаризма» – наше Отечество. Ответим антисоветчикам с «общецивилизационным облегчением»: «Родина у всех одна – старайтесь ее обустроить».

Характер связи цивилизации и культуры; место мужского и женского начал в становлении современного общества. Цивилизация – мы видим это – складывается «на плечах культуры», которая, как обустраиваемый традициями претворенный коллективизм, имеет предметным носителем социально закрепляемую устойчивость. Говоря шире, социальная форма движения материи, представленная видом Homo Sapiens, определяется устойчивостью, выразителем которой является женское начало как репродуцирующее новые поколения и оттого несущее в себе коллективизм, и изменчивостью, творцом которой выступает сильный пол, берущий на себя статус «охранителя социальной формы движения материи». Объективно вышло так, что существующая последние 10 тыс. лет цивилизация «заявилась мужественностью». Действительно специфический носитель социальной формы движения (т. е. моногамная семья) предстал «патриархально завербованным», хотя «закладывался» «прекрасной половиной». Сие случилось в ходе «великого поражения женского пола» (Ф. Энгельс) – «преддверием» возникшей цивилизации. Цивилизация – прерогатива сильного пола – определила сферу общественных отношений, отсутствовавших в «первобытно-культурном строительстве». Она поставила на первое место прогресс и индивидуализацию, отодвинув на задний план традиции и связанный с ними «культурный коллективизм». Отныне – подтверждаемая достижениями НТР – «взрывается» (как было сказано выше) массовая индивидуализация социума. ...Цивилизацию мы, однако, не можем рассматривать вне «формационного пьедестала». Иначе нам придется выискивать разные случайности для объяснения цивилизации как постоянно возобновляющегося прогресса. Согласитесь, это уводит нас в сторону различных вариаций преформизма, а то и креационизма (которым с «научных» позиций орудуют отдельные, с позволения сказать, ученые). Итак, цивилизация

развивается контекстом мужских стандартов, главный из которых – способствовать тому, чтобы человечество, опираясь на рационацию, смогло облегчить себе существование и прежде всего создать мужчинам «сладкую» жизнь. У них это неплохо вышло из-за «рациональной подоплеки». И – подчеркнем: устойчивость как стержня социальной формы движения, представленная слабым полом, духовно – и это вполне естественно – наделена мудростью (именно мудрость содействовала становлению моногамной семьи, выразившей тот пик традиций, который явился характерным для культуры как начального этапа гомосапиентизации человечества); представленная же мужским началом изменчивость апеллирует к рационации – ведущей тенденции мужской духовности. Мудрость оказалась невостребованной цивилизацией: ведь последняя, развиваясь – повторяем – границами мужских стандартов, равнодушна к подлинной человечности (цивилизация ответственна за шестнадцать тысяч войн, включая две мировые). ...Мужчины жаждут освободиться от труда, заменив его промышленным производством (НТР – солидное тому подтверждение). «Накатный» прогресс делает малозначащей культуру, теряющуюся в его «складках». На практике это значит, что женщины, сотворившие культуру как величайшее достояние для всего человечества, в жизни скатываются до подневольного состояния: попадают в рабство как частных обстоятельств, так и «семейных уз» – завалами «цивилизационной патриархальности».

Генезис классовых отношений и нынешнее их состояние. Цивилизация закрепила женщину, и в этом – начало классового деления складывающегося общества, предпосылка нынешней «глобальной неуравновешенности». Собственно, цивилизационное общество (а вне цивилизации общества нет, и предшествующая ей культура является «широко разлитой социальностью», свободной от индивидуальной репрезентативности) – это всегда классово сложившаяся структуральность. Что же касается непосредственно социума, он выверяет вид Homo Sapiens на уровне, предваряющем систему общественных отношений. Предшествуя обществу, социальность уравновешена диалектикой мужского и женского срезов человечности – при ведущей роли женского коллективизма. Подступ к классовому неравенству кладет патриархально-моногамная семья. Она же выступает – на базе утверждающейся цивилизации – специфическим носителем заявляющей о себе социальной формы движения материи. ... Цивилизация выявляет основное противоречие в отношениях между пред-

ставляемой слабым полом устойчивостью и закрепленной за сильным полом изменчивостью, и «превентивным» разрешением указанного противоречия выступает складывающаяся классовость. ...Естественно-природные связи между людьми оборачиваются «классовой стянутостью», «проигрываемой» цивилизационным обустройством социума, когда «социальность» обретает статус «общественных отношений». Общественным отношениям «доступны» такие ценностные ориентации, согласно которым общество не может не быть классовым. Следует конструктивный вывод: общественно воспроизводимая классовость присуща социально облаченной человеческой природе. Индивидуально-природный аспект классового отчуждения ассоциируется с человеческим злом. ...Коснемся гендерности (или социальной выраженности пола), свидетельствующей о том, что «половая однозначность» перекрывается социальной ролью «носителя биоданности». И это еще больше обостряет «классовую заряженность» системы общественных отношений. ...Гендерность усиливает выходящее за классовые очертания человеческое самоотчуждение. Опять-таки отметим: классовая ситуация ныне насыщена противоречиями, которые подводят нас к негативно-диалектическим тупикам. И мы вновь обращаемся к культуре – источнику возрождения, даваемому массам представительницами слабого пола. Женщины, создавшие культуру, внесли в жизнь человечества гармонию и эстетическое совершенство. Все это было разрушено наступившей цивилизацией. Однако, как мы имели возможность убедиться, цивилизация, а вместе с нею и классовая структура, заложены в социализующейся природе человека, выводящей его на уровень общественных отношений как на предметное воплощение социальной формы движения материи. Представляется, что противоречие как диалектическое выражение реальной действительности наиболее адекватно может быть воспроизведено фактом национального строительства, и в таком случае нация здесь – средство претворения позитивной диалектики. Это становится возможным в случае, если нация охватывает производство с превалированием трудовой составляющей в системе общественных отношений (попутно заметим: труд – это физически выраженная целеположенная человеческая деятельность; что касается производства, в особенности современного, участие в нем человека – наблюдательно-организационное, довольно часто виртуализированное). Для этого нация вынуждена стряхнуть с себя власть капитала – источника «негативно-диалектической прострации». Возрастающее упование цивилизации на культуру

служит показателем того, что производство обретает гуманитаризированный и в этом отношении смыслообразующий антураж. В буржуазном мире национальное единство не может получить «соответствующей огласки» из-за классово-антагонистической направленности того содержания, которое присуще буржуазной нации – эталону социального неравенства. Это накладывает «черный отпечаток» на связь культуры и нации. Мы уже говорили о том, что буржуазная нация является сутью цивилизационного обустройства социума. Буржуазные отношения – это способ существования современной цивилизации. Но, как известно, индивидуалистически настроенная цивилизация старается отторгнуть культуру с ее «коллективистской бытообеспеченностью».

Нация и культура: подводные камни на пути их взаимодействия. Поскольку нация, как было отмечено, – продукт цивилизации, очень трудно найти точки соприкосновения между нацией и культурой. В то же время общественные отношения не могут быть сведены к национальной тематике – они гораздо шире. Нация, как мы сказали, – это основная производительная сила общества. Разумеется, общество владеет также такими производительными силами, которые заметно отстранены от профилирующего производства. Жизненно им соответствуют разнообразно устроенные уклады. Их можно отнести к первобытно-общинному строю, рабовладельческому, феодальному и даже капиталистическому. Образно говоря, они не делают производственной погоды, однако без них нет должной национально-производственной полноты, и это свидетельствует о том, что в сфере общественных отношений нация не абсолютно значима. Отдавая должное нации, следует повторить, что прежде всего она характеризует буржуазный общественный уклад (ведь она, как мы знаем, и сложилась за счет капитализма). Он тяготеет к герметичности. А вот пребывающая в основании цивилизации культура – открытая социосистема.

Культура как перспектива совершенствования нации. Культура способна определить перспективу для более совершенных, нежели нация, социопроизводственных объединений. Отсюда нация как своеобразная квинтэссенция цивилизации с успехом может быть заменена более совершенной «социопроизводительностью». Делая вывод о характере многообразного взаимодействия культуры и нации, обратим внимание на то, что пока цивилизация не преодолит своей классовой ограниченности (т. е. пока она не воссоединится с культурой), говорить о национальном расцвете в рамках культурной открытости будет преждевременно.

ПРОБЛЕМА МАРГИНАЛЬНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Понятиями «маргинальность», «маргинал» оперирует целый комплекс дисциплин социально-гуманитарного характера, хотя происхождение слов «маргинальность» и «маргинал» берет начало вовсе не от социологического и не философского термина «маргиналии» (лат. *Marginalis* – находящийся на краю) – пометки на полях книги или рукописи, а также заголовки, вынесенные на поля книги, журнала. В «Философском энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «Маргинальность (позднелат. *marginalis* – находящийся на краю, от лат. *margo* – край, граница) – социологическое понятие, обозначающее промежуточность, пограничность положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику. Оно введено американским социологом Р. Парком, который обозначал этим понятием положение мулатов и считал, что “маргинальная личность” обладает рядом характерных черт: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, чувствительностью, стесненностью, эгоцентричностью». «Новейший философский словарь» указывает: «Философское понятие «маргинальность» характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры». Кроме того, существует экономический термин «маржинальный», т. е. «близкий к пределу убыточности». Понятие «маргинал» появилось в связи со студенческими бунтами 1968 г. во Франции, ознаменовавшими расцвет леворадикального движения и молодежной субкультуры в целом. Маргиналами теперь стали называть не только изгоев, отверженных социумом (как это было в предшествующие исторические периоды), но и тех людей, кто, совершая свободный (на первый взгляд) выбор, сам отвергает общество, вступает в конфликт с общепринятыми нормами и ценностями [5, с. 12].

В современной социологии и философии маргинальность трактуется как состояние групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внешних факторов, связанных с рез-

ким социально-экономическим и социально-культурным пере-структурированием общества в целом, изменять свое социальное положение. Формируются новые маргинальные группы – соци-ально-профессиональные категории экономически активного населения, попавшие в ситуацию вынужденной смены статуса, по сути утратившие социальные перспективы.

Это приводит к существенному изменению или утрате прежнего социального статуса, социальных связей, а также смене социальной среды и системы ценностных ориентаций. В рамках такой структурной модели маргинальность понимается как по-ложение индивида между двумя группами, делающее его чужим для обеих. Социальная группа и место в социуме, на которое она претендует, далеко не всегда структурно соответствуют друг дру-гу. Структурное несоответствие представляется:

- а) как несоответствие формы;
- б) как несоответствие размеров;
- в) как занятость нужной позиции [3, с. 64].

Итак, само понятие маргинальности представляет собой «со-циологическую загадку», решаемую каждый раз в контексте тех социальных условий, в которых возникает необходимость иссле-дования переходных, пограничных явлений. Имеются несколько направлений и традиций его интерпретации. Так, выделяют культурную, социальную (структурную) маргинальность, марги-нальность социальной роли. Культурная маргинальность в ее классическом определении относится к процессам кросс-культурных контактов и ассимиляции. В основе этого типа мар-гинальности – взаимоотношения систем ценностей двух культур, в которые включен индивид и результатом которых становится двусмысленность, неопределенность его статуса и роли. Марги-нальность социальной роли возникает в следующих случаях: в случае неудачи при попытке отнесения к позитивной референт-ной группе; при действии в роли, которая лежит между двумя рядом расположенными ролями; членстве в группах, маргиналь-ных по определению (некоторые профессиональные группы); к этому же типу относят и те социальные группы, которые нахо-дятся на окраине социальной жизни (например, цыгане, бездом-ные и т. д.). Структурная маргинальность – результат политиче-ского, социального и экономического неравенства (имеются в ви-ду социальные группы, лишенные избирательных прав и/или поставленные в невыгодное положение).

Ракурсы понимания маргинальности можно обозначить ключевыми словами: «промежуточность», «окраинность», «пограничность», по-разному определяющими основные акценты в изучении маргинальности. В целом можно выделить два основных подхода: изучение маргинальности как состояния в процессе перемещения группы или индивида (смены статуса); изучение маргинальности как характеристики социальных групп, находящихся в особом маргинальном (окраинном, промежуточном, изолированном) положении в социальной структуре [4, с. 63].

Так сложилось исторически, что маргинальность в основном понимается как нечто негативное, второстепенное, онтологически вторичное, так как обычно сравнивается с нормой, любое отклонение от которой воспринимается как нарушение, угроза, преступление или болезнь. Но существует и другая точка зрения, акцентирующая ценность маргинальности. В. Тэрнер пишет о том, что новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур, их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, переворачиваются иерархии и формируются новые устойчивые системы. М. Элиаде подчеркивает, что в человеческом бытии есть внутренняя разделенность.

Вообще любой человек – существо многомерное, имеющее много свойств и качеств, функций и ролей, поэтому по одним критериям и параметрам он принадлежит к большинству, но по другим попадает в одно из меньшинств – он молодой или старый, бедный или богатый, здоровый или больной, мужчина или женщина, был когда-то жертвой преступления или сам преступил закон. Поэтому каждый может считаться маргиналом – в силу неопределенности его социального статуса и необеспеченности завтрашнего дня, специфических качеств личности, неустойчивости здоровья и психики, случайностей в повороте судьбы; любая черта характера, профессия или хобби на фоне всех остальных, вместе взятых, составляет явное меньшинство и может считаться отклонением от нормы, а следовательно, поводом для репрессий. И в самом деле, нет и не может быть абсолютно здоровых и нормальных людей, благополучных во всех отношениях, соответствующих абстрактным представлениям о «нормальном человеке».

За абсолютный эталон принимается нечто, обусловленное конкретными социально-историческими и психологическими причинами, интересами власти и национальными традициями.

Поэтому неизбежно норма и патология смешиваются, путаются и меняются местами, оставляя место для произвола врачей, воспитателей и политиков. Каждый может чувствовать себя ущемленным, обделенным природой и обществом и испытывать на себе дискриминацию по одному из неустранимых личностных признаков [2, с. 62–63].

Знаменитый российский публицист В. Леви, любимый и почитаемый многими поколениями граждан не только у нас в стране за «глубокие мысли», которые он раскрывает в своих проникновенных психолого-педагогических эссе, в последнем издании в качестве эпиграфа написал следующее: «Среди врачей я психолог, среди психологов писатель, среди писателей врач, а среди читателей просто я». Доктор медицины и психологии фактически отражает свое состояние «белой вороны», в какой-то мере маргинала, не принимаемого сообществом профессионалов.

Этот тип личности описывал Парк как продукт естественного культурного процесса, расширяющегося взаимодействия культур. «Такой тип личности, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита, чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с неподвижной окружающей его средой) индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами». Главное, что определяет природу маргинального человека, – чувство социальной дихотомии, раздвоенности и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы, связанное с периодом перехода, определяемого как кризис. «Без сомнения, – отмечает Парк, – период перехода и кризиса в жизни большинства из нас сравним с тем, который переживает иммигрант, когда он покидает родину, чтобы искать фортуны в чужой стране. Но в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности» [1, с. 89–90].

Маргинальность – это не только характеристика социальных групп, но и феномен социальных процессов, вызванный крупномасштабной маргинальной ситуацией. Фундаментальным, системообразующим типом социальных перемещений являются социально-профессиональные перемещения, связанные с изменениями в профессионально-должностном статусе – базовом стату-

се личности. Эти процессы создают новую ситуацию социальной маргинальности, являются импульсами для образования маргинального статуса, образующегося в процессе трансформации базового статуса личности. Все это и обуславливает значимость именно такого типа перемещений.

Маргинализация, с одной стороны, выступает признаком социальной мобильности и означает состояние пограничности, периферийности (промежуточности) по отношению к каким-либо социальным общностям, а с другой – не является неким исключительным социальным феноменом, характерным как для стран индустриальных, так и для постсоциалистических (конкретно для России). Это позволяет выделить некоторые общие тенденции развития процессов маргинализации. Специфика маргинализации, которой подвергается современное общество, состоит в том, что в ее процессе на окраинах социальной структуры появляются наряду с традиционными маргиналами – люмпен-пролетариатом с низким образовательным уровнем, упрощенной системой потребностей, отстраненностью от общественных процессов – новые маргиналы, имеющие образование и квалификацию, развитую систему потребностей, большие социальные ожидания и политическую активность [2, с. 73].

Литература

1. Абрамова М. А. Маргинальность как социокультурный феномен // Вестн. НГУ. Сер. Философия. – 2006. – Т. 4, вып. 1. – С. 86–91.
2. Дедюлина М. А. Маргинальность современного бытия // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – С. 58–79.
3. Кирилук С. С. Феномен маргинальности – реалия переходного социокультурного пространства (онтологический аспект) // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2007. – № 2 (12). – С. 63–79.
4. Попова И. Л. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социол. исслед. – 1999. – № 7. – С. 62–71.
5. Шахалова О. И. Маргинальность: судьба понятия в эпоху триумфа ризомы // Изв. Волгогр. гос. техн. ун-та. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2008. – № 7. – С. 12–14.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЦИОНАЛИЗМА НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Что является двигателем человеческого становления: разум или вера? Что является двигателем общественного развития: наука или религия? В философии ответы на эти вопросы предполагают формирование диаметрально противоположных позиций: материалисты отвечают на них с опорой на первичность законов природы, идеалисты – с опорой на первичность метафизических законов. Однако и те, и другие стремятся влиять на человека и общество, преследуя свои собственные цели. Однако жизнь конкретного человека так или иначе связана с конкретным телом и с конкретным обществом, а потому предполагает рождение, детство, отрочество, юность, зрелость, старость и смерть, а также различные социальные роли, которые формируются через воспитание и образование. Увлекаясь борьбой с воображаемым противником, философ рискует потерять интерес к изучению ценностного отношения человека к окружающему миру и своему месту в нем. По этой причине нам представляется весьма актуальным анализ механизмов преемственности ценностей, который будет полезен как с точки зрения развития философии, педагогики, истории, психологии, так и с точки зрения конкретного человека, стремящегося найти свое место в конкретном обществе.

Преемственность ценностей всегда предполагает обращение к авторитету, а потому исследование механизмов преемственности должно учитывать веру и разум преемника ценностей и их носителя. В целом разум и вера могут быть учтены в категории «ценностное отношение». В масштабах истории имеет место широко известный механизм преемства ценностей – традиция, предполагающая передачу обладающих наибольшей ценностью истин от одного поколения к другому. При внешней смене поколений их авторитет не уменьшается и не исчезает, если ценностное отношение между поколениями сохранено и тщательно оберегается. Пытаясь ответить на поставленные вопросы, рассмот-

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект № МК-2493.2011.6 «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей»).

рим трансформацию ценностей в философии и образовании в контексте рационализма Нового времени.

Исторически Абсолют всегда был рациональной категорией: Логос как разумное слово, смысл, порядок у эллинов, Логос как цельность и органичность знания в Средневековье, Логос как мысль и логика в Новое Время. Современная наука, взяв за основу понимание логики Г. В. Ф. Гегелем как абсолютно-конкретного единства всех категорий, сегодня также состоит из разного рода «логий». Всякий раз Логос рационально абсолютизировался для достижения конкретных результатов (так, например, в науке абсолютизация, как придание статуса исключительности какому-либо свойству объекта, является одним из способов решения поставленной проблемы). На примере философии эпохи Просвещения и философии Нового времени вообще можно утверждать, что абсолютизация и рационализация способствовали ценностной трансформации понятий «вера» и «разум», «наука» и «религия», а также синтезированию на основе их противопоставления понятий «фанатизм» и «идеология».

Заслуживает внимания предложение П. А. Гольбаха о специализированном воспитании, предоставляющем гражданам альтернативные возможности достижения успеха в жизни. Так, будущим воинам, государственным служащим, торговцам и ремесленникам философ предлагает «внушать» уникальные ценности, соответствующие выбранному ими пути. Можно сказать, что идея просвещения в понимании французского мыслителя предполагает такое образование, которое сделает народ разумным, а потому и законопослушным [2, с. 246–248]. Разум здесь предполагается в качестве средства ограничения всяческих страстей, которые приобретают такую опасную социальную форму, как фанатизм. Однако природа такого разума качественно иная, нежели в случае его исторических предшественников: в большей степени он ориентирован на привитие чувства привязанности к социальным институтам и ценностям, долга, основанного на спокойствии и материальном достатке, страхе к потере всяческих земных благ.

Ж.-Ж. Руссо приводит множество примеров того, как «разум», «ученость», «просвещенность» становятся препятствием для реализации человеком своего предназначения. «Астрономия родилась из суеверий; красноречие – из честолюбия, ненависти, лести, лжи; геометрия – из скупости; физика – из праздного любопытства, – все они и даже сама мораль вместе с ними – из чело-

веческой гордыни» [4, с. 37]. Мыслитель не только отмечает, что наука и искусство обязаны своим происхождением нашим порокам, но и обращает внимание на множество опасных путей, угрожающих в процессе научных исследований. Его критика направлена на спекулятивный разум, породивший множество теорий, обосновываемых только с помощью абстракций рациональной логики, а также на недальновидных политиков, променявших «добрые нравы и обычаи добрых граждан» на приводящий к праздности и деградации мнимый прогресс.

Так, говоря о воспитании и образовании, Ж.-Ж. Руссо отмечает, что даже в Греции учителя стремились сделать ученика в первую очередь благонравным, но никогда – ученым. Ученость как препятствующие добродетели красноречие и интеллектуализм справедливо осуждается им, но еще большая опасность видится им в возможностях спекулятивной философии и безразличных механизмов. «Нечестивые писания Левкиппа и Диагора погибли вместе с ними – еще не было изобретено искусство увлекать странные причуды человеческого разума; но благодаря типографским литерам и тому применению, какое мы им находим, опасные заблуждения Гоббсов и Спиноз сохраняются навеки» [4, с. 48]. На самом деле, научно-технический прогресс всегда позволяет тиражировать не только истинные, но и ложные идеи, не проверенные временем и не поддерживаемые авторитетной линией преемственности. «Бэконы, Декарты и Ньютоны – эти наставники человеческого рода, сами не имели никаких наставников; – и какие педагоги привели бы их туда, куда вознес этих людей их могучий гений?» [4, с. 49] – вопрошает Ж.-Ж. Руссо. Его простая формула – «душа незаметно приходит в соответствие с тем, что ее занимает» [4, с. 49], – объясняет парадокс не только эпохи Просвещения, но и всей спекулятивной философии: забвение собственных обязанностей и цели любой добродетели только способствует постепенной деградации человечества, утратившего понимание механизмов преемственности ценностей.

И. Кант весьма серьезно исследовал вопрос о прогрессе человечества, главным образом опираясь на этическую сторону проблемы. Посвятив много лет исследованию пределов человеческого познания, философ не отвергал надежд на прогрессивное движение человечества в истории. Его идеи представлены в статьях «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «О предполагаемом начале человеческой истории» (1785) и «Возобновление вопроса: находится ли род человеческий

в постоянном движении к лучшему?» в книге «Спор факультетов» (1798). По мнению мыслителя, вера людей в прогресс является своеобразным стимулом трудиться во имя блага человечества, что способствует скорейшему воплощению этой идеи в жизнь [см.: 3]. Однако цена ложности такого предположения слишком велика, ведь миражи прогресса могут быть действительной теоретической ширмой для эксплуатации и порабощения в скрытых формах. Великая французская революция санкционировала такой взгляд на историю, согласно которому качественное изменение жизни возможно в кратчайшие сроки.

В контексте обсуждаемого вопроса интересно использование Г. В. Ф. Гегелем понятия *Buldung* (нем. «образование»). Образование (во многом синонимичное в ценностном и функциональном смыслах идее просвещения) и есть процесс становления духа, которое сегодня нужно понимать в качестве формирования личности [см. подробнее: 5, с. 24–28; 389–410]. Существенным является то отношение, которое характерно для *Buldung* как образования личности. В этом случае личность – это «благородное сознание»: «Оно есть героизм служения – добродетель, которая жертвует единичным бытием для всеобщего и тем самым вводит последнее в наличное бытие; оно есть лицо, которое отказывается от владения и наслаждения собой и совершает поступки действительно в пользу существующей власти» [1, с. 393]. Благодаря служению личность приобщается к некой общности и в этом приобщении, отрекаясь от «сознания, погруженного в наличное бытие», осознает себя гражданином и приобретает уважение других, а государственная власть становится не только истинной, но и признанной. Углубляя анализ такого ценностного отношения, как служение, мыслитель обращает наше внимание на то, что пожертвование наличным бытием, совершаемое при служении, только тогда будет полным, когда оно лишено страха смерти. Страх смерти как одна из форм проявления инстинкта самосохранения есть не что иное, как эгоизм и наличное бытие. «Постоянная опасность самой смерти, которую переживают, оставляет некоторое определенное наличное бытие и тем самым некоторое особенное “для себя”, которое делает двусмысленным и подозрительным совет ради общего блага и на деле сохраняет за собой собственное мнение и особую волю по отношению к государственной власти» [1, с. 394]. Отмечая, что немецкий философ именуется такое сознание низменным и характеризует его постоянной готовностью к бунту, напомним, что речь идет о *Buldung* – образовании.

В контексте «Феноменологии духа» (1807) образование может быть рассмотрено и как профессиональное, и как духовное, однако в любом случае государственная власть должна быть гарантом достижения каждым гражданином не противоречащих законам желаемых целей. По справедливому мнению Г. В. Ф. Гегеля, «истинное пожертвование для-себя-бытием есть поэтому лишь то пожертвование, в котором оно отдает себя так же полно, как в смерти, но в этом отношении в равной мере и сохраняется» [1, с. 394–395]. Однако, по нашему мнению, такое пожертвование возможно только тогда, когда государственная власть будет способна избавить человека от страха смерти. Естественно, в этом случае государственная власть должна заботиться о том, чтобы граждане получали не только профессиональное, но и духовное образование, способствующее обретению собственного предназначения и самоосознанию себя в уникальном духовном статусе.

Подчеркнем, что идеи Просвещения способствовали Великой французской революции, а идеи немецкого идеализма, начиная с «коперниканского переворота» И. Канта и заканчивая абсолютным идеализмом Г. В. Ф. Гегеля, способствовали революции в философии: критицизм и новаторство, отвергающие опыт предшествующей философии, способствовали резкому изменению ценностных ориентиров. При этом в обоих случаях призыв к действиям был мотивирован не религиозными основаниями, а исключительно рациональными. В целом можно заключить, что просвещение, рационализм и абсолютизм Нового времени, пытаясь разрешить противоречие между религией и наукой, способствовали синтезу на их основе идеологии. Идеология как эффективное средство формирования общественного сознания и управления им принимала такую форму, которая устраивала и науку, и религию. Подмена религии идеологией является, по нашему мнению, наиболее существенным регрессивным фактором трансформации ценностей того времени.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Акад. проект, 2008. – 767 с.
2. Гольбах П. А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / П. А. Гольбах. – М. : Соцэкгиз, 1963. – 563 с.
3. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Соч. В 8 т. Т. 7. – М. : ЧОРО, 1994. – С. 57–136.
4. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре : Трактаты / Ж. Ж. Руссо. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 544 с.
5. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. – М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2010. – 672 с.

**ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ДИАЛОГА
МЕЖДУ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ
РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
И СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

В статье рассматривается проблематика современной гносеологической традиции в связи с понятием истины. На примере двух случаев затруднений экспликации категории истины, имеющих место в современных подходах к развитию науки и в современной логике, выявляются необходимость обращения к онтологическому началу и потребность расширения исходных принципов современной эпистемологии. Далее указывается на онтологическую традицию в теории познания русской религиозной философии, обращение к наследию которой представляет собой перспективный подход к решению современных эпистемологических проблем.

В истории философии новоевропейская культура открыла новую эпоху в развитии теории познания. Новоевропейская традиция, преодолев средневековый подход к категории истины с характерным для него онтологизмом, ограничивается гносеологической рефлексией в деле разыскания истины, когда «из области оснований бытия истина перемещается в сферу основания знания» [4, с. 170]. До настоящего времени развитие современной эпистемологии происходило в русле положенных новоевропейской культурой интенций. Однако современный этап в ее развитии характеризуется наличием некоторого рода затруднений, свидетельствующих об исчерпанности новоевропейской традиции и потребности обращения к гносеологическим концепциям, основанным на онтологическом подходе к категории истины.

Проблема такого рода возникла в современной философии в связи с затруднением в экспликации категории истины. В данном исследовании будут рассмотрены два случая такого рода затруднений, имеющих место в современной логике и в современных подходах к пониманию развития научного знания. Начнем с последнего.

Наиболее непосредственное понимание происходящего в науке развития сводится к представлению о постепенном приближении к истине. На такого рода представлениях основывается кумулятивистский подход к развитию научного знания. Однако этот подход вместо предполагаемого его принципами включения прошлого в настоящее разрушает прошлое. Как отмечает

Л. А. Маркова: «История подстраивается под вновь утвердившиеся в естествознании идеи. Именно поэтому А. Койре писал, что с возникновением каждой новой фундаментальной теории история переписывается заново. Кумулятивистские концепции развития науки, которые исходят из понимания истории как процесса непрерывного, поступательного, на самом деле являются наиболее разрушительными по отношению к прошлому. Последнее для них представляет интерес только в той мере, в какой оно присутствует в современном знании» [2, с. 43–44].

В ответ на невозможность последовательной экспликации прямолинейного подхода к развитию науки явился тезис о несоизмеримости теорий. Этот вариант решения проблемы позволяет сохранить необходимое для каждой эпохи своеобразие, но ценой утраты значения у самого процесса смены исторических эпох и обесмысливания развития, происходящего в результате этой смены. «И мы вместе с Куном, Фейерабэндом и Поппером должны были бы считать, что переход от аристотелевской физики к физике Ньютона не означал никакого прогресса в развитии познания и ничего не добавил к истинному описанию мира: просто от одного набора истин, от одной онтологической модели мы перешли к другому набору истин. Сегодня о мире мы знаем не больше, чем знали о нем Аристотель или Ньютон, просто мы знаем о нем *другое*» [3, с. 24].

В связи с проблематичностью наиболее распространенных вышеуказанных подходов к развитию научного знания в современной философии науки намечаются попытки решить эту проблему путем введения более общего понятия по отношению к содержащимся в истории развития науки единичным теориям. В данном случае образование такого рода понятия проводится по аналогии с принятым в логической семантике А. Тарского, где метаязык, в котором мы обсуждаем синтаксические и семантические свойства выражений объектного языка, не только включает в себя все выражения объектного языка и их переводы, но содержит еще имена этих выражений и их переводы, отсутствующие в объектном языке.

А. Л. Никифоров предлагает подход, основанный на аналогии с логической семантикой А. Тарского: «Может быть, отношение между старой и новой парадигмами можно уподобить отношению между объектным языком и метаязыком и рассматривать новую парадигму по отношению к старой как некую метатеорию: она в некотором смысле включает в себя онтологию старой пара-

дигмы, очерчивает ее границы и объясняет, почему утверждения старой парадигмы были истинными относительно этой онтологии» [3, с. 24].

Рассмотренные характеристики метатеории в более общем и предельном виде могут быть сведены к представлению об «объемлющем», к которому все научные утверждения, имевшие место в истории науки, относятся как относительные истины к истине абсолютной. При этом истина, получающая статус относительной или частной истины обладает следующими особенностями.

Каждая частная истина является истиной только по отношению к содержащему ее объемлющему. Но эта же самая частная истина по отношению к другим содержащимся в «объемлющем» частным истинам уже не является истиной. Физика Аристотеля, как и физика Ньютона, могут быть осмыслены в качестве относительных истин о мире по отношению к современной философии науки, объемлющей метафизические основания как античной науки, так и науки Нового времени. Но взятые в отдельности от объединяющего их «объемлющего» эти частные истины не сопоставимы между собой, а следовательно, и с самим понятием истины. Очевидно, что такое рассмотрение проблемы для устранения указанного противоречия предполагает дифференциацию между двумя видами истин: истины суждений и объемлющей их истины бытия.

Рассматривая поставленную таким образом проблему «объемлющего», А. Ю. Антоновский предлагает сместить приоритеты в социальную область, открывая тем самым новую перспективу в развитии теории познания. Анализируя сложившуюся проблематичность в экспликации категории истины, А. Антоновский усматривает суть возникших затруднений в узости самого понятия истины. «Итак, кажется, очевидно неплодотворным и парадоксальным является подход, где некоторый традиционный термин, в данном случае “истина”, задает область единого объекта, который нам уже как-то дан, и осталось найти лишь его определение, теоретические поиски которого рождают самостоятельные объектные комплексы, которые все почему-то упорно пытаются объединить верховным понятием истины» [1, с. 80].

Антоновский предлагает для более конструктивного подхода к понятию истины ввести более общее по отношению к нему понятие, которое, включая в себя первое, является определяющей его областью «объемлющего». Антоновский предлагает начать со знания, которое при этом понимается им как непосредственно

включенные в коммуникативную эмпирию житейские ситуации и интуиции, исходя из которых, можно будет ставить вопрос о собственно знании и истине. Далее он указывает на уже предпринимавшиеся попытки подобного расширенного подхода к категории истины, которые проводились в логике.

Здесь мы переходим ко второму, рассматриваемому в данном исследовании случаю затруднения в экспликации категории истины, имеющему место в современной логике. Как и в вышерассмотренном случае, перспектива решения проблемы связывается с введением понятия, более общего по отношению к принятым. В данном случае в качестве такого понятия выступает представление о наблюдателе второго порядка. И как будет показано ниже, особенность, конституирующая данное понятие, состоит в его онтологическом характере, в отличие от более низших по отношению к нему и содержимых им гносеологических компонентов. Рассмотрим это подробнее.

Антоновский, развивая предлагаемый им подход к категории истины, ссылается на логиков Э. Гетгера и П. Клайна, которые предложили модернизировать трехэтапную схему признаков знания путем включения в правила рациональности вывода еще один четвертый элемент, который у П. Клайна имеет следующий вид: «Мы знаем, что не существует истинного суждения, такого, что если бы S обладал соответствующими свидетельствами в его пользу в момент времени t_1 , p перестало бы казаться S обоснованным» [1, с. 84].

В основу произведенной таким образом модернизации был положен принцип различия истины знания и знания истины. «Отныне из знания исключаются истинные пропозиции, к которым исследователь пришел в результате случайного совпадения с реальным положением дел, и именно благодаря этому исключению понятие знания обогащается входящим в него новым элементом. Содержание понятия знания увеличилось, а объем (количество истинных пропозиций, входящих в знание) уменьшился» [1, с. 85].

Таким образом, за пределами этой усовершенствованной четырехэтапной схемы знания оказываются случайно-истинные суждения, которые принадлежат недостаточно осведомленному наблюдателю, основывающему их на частичных данных, которые могут даже не иметь непосредственного отношения к сути высказываемого суждения. Однако не исключено, что такие необоснованные суждения будут, тем не менее, совпадать с реальностью.

На прецедентах подобного совпадения Гетьер основывает свой известный парадокс: «Смит и Джонс претендуют на занятие вакантной должности. Смит высказывает следующее суждение: “Должность получит тот, у кого в кармане 10 пенсов”. Знание именно этого суждения оказывается под вопросом. Смит располагает рядом свидетельств в пользу этого суждения: знает, что Джонс имеет 10 пенсов и к нему благоволит начальство. И в конце концов, действительно, должность получает “человек, у которого в кармане 10 пенсов”, но только этот человек ... сам Смит, который, как оказалось, не ведая об этом, в свою очередь имел в кармане 10 пенсов» [1, с. 82].

Парадокс Гетьера выявляет размытость границы между истиной и заблуждением, что основывается на взаимопроникновении двух планов бытия – конкретного и отвлеченного. Одно и то же отвлеченное суждение может быть с равным правом применимо к разным объектам конкретного бытия (в данном случае двум разным людям – Джону и Смигу). Поэтому, как показывает Гетьер, решение вопросов, связанных с конкретным бытием, не может ограничиваться сферой абстрактных категорий, которые являются слишком общими по отношению к нему. Об этом и свидетельствует удивление Смита, который оказался одновременно правым и заблуждающимся. В статье Антоновского указывается на способ, позволяющий избежать подобного рода парадоксальных ситуаций. Он основывается на дифференциации «случайно-истинных» и «неслучайно-истинных» суждений. Возможность такой дифференциации возникает после введения понятия о наблюдателе второго порядка, владеющего всецелым пространственно-временным и личностным контекстом событий. Однако очевидно, что понятие об образе такого рода владения выходит за рамки отвлеченных категорий, которыми располагает наблюдатель первого порядка. Введение нового понятия о наблюдателе нового качества предполагает соответствующее введение понятия о новом качестве интеллектуальных категорий. Требуемое преобразование категорий мышления, на наш взгляд, может быть осуществлено путем расширения узкого гносеологического подхода к познанию, утвердившемуся с новоевропейской эпохи.

На это указывает сам принцип дифференциации «случайно-истинных» и «неслучайно-истинных» суждений, основанный на разведении отвлеченных гносеологических и конкретных онтологических начал с предпочтением последних.

Таким образом, второй из рассмотренных нами случаев проблематичности экспликации категории истины обнаруживает назревшую в современной философии потребность обращения к онтологизму в познании, утраченному новоевропейской эпохой. Кроме того, о необходимости такого обращения свидетельствует и первая проблема из рассмотренных в данном исследовании.

Действительно, развитие приведенного в статье Антоновского понятия о метатеории необходимо выводит за пределы теоретичности в целях сообщения ему того нового качества, на которое и указывает приставка «мета». Преимущество конкретного онтологического перед отвлеченным гносеологическим, явствующее из рассмотрения парадокса Гетгера, дает основание предположить о необходимости развития представлений о метатеоретичности именно в таком направлении. Таким образом, понятия о наблюдателе второго порядка и метатеоретичности оказываются сходными по своей специфике, которая состоит в потребности имплицировать онтологическое начало.

Онтологическое понимание истины, придающее соответствующий характер гносеологическим концепциям, характерно не только для философии предшествующей Новому времени эпохи. В русской религиозной философии четко прослеживается гносеологическая традиция, отстаивающая преимущество онтологического начала. В данной традиции отношение познающего субъекта к познаваемому объекту представлено отличным от новоевропейского подходом образом, открывающим новые возможности для решения современных эпистемологических затруднений. Традиция интуитивизма в русской религиозной философии вскрывает глубочайшую основу познания, которая состоит в неразрывной связи субъекта со всем остальным бытием. В работах Н. О. Лосского показано, как познаваемый объект, даже если он составляет часть внешнего мира, включается непосредственно в сознание познающего субъекта и поэтому постигается в том виде, в каком он существует сам по себе. В. С. Соловьев также считал знание живым непосредственным общением с бытием, при котором мысль познающего субъекта должна двигаться не от сознания к бытию, а, напротив, от бытия к сознанию. С. Л. Франк пытался найти онтологическое обоснование интуиции как непосредственного постижения действительности.

Таким образом, актуальность гносеологического подхода русской религиозной философии для проблем современной эпистемологии позволяет признать перспективность диалогических отношений между традициями этих культур.

Литература

1. Антоновский А. Ю. О различии истины и знания (или о том, где в знании кроется социальность) // Понятие истины в социогуманитарном познании / под ред. А. Л. Никифорова. – М. : ИФРАН, 2008.
2. Маркова Л. А. Истина в классической и неклассической науке // Понятие истины в социогуманитарном познании / под ред. А. Л. Никифорова. – М. : ИФРАН, 2010. .
3. Никифоров А. Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / под ред. А. Л. Никифорова. – М. : ИФРАН, 2010.
4. Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2001. – 692 с.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕТОДИКЕ ЛИНГВИСТИКИ

Сопредседатель: Малова Н. С., канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков (Иркутский государственный университет)

БАШКАТОВА Т. Б.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРЕЗЕНТАЦИЙ POWER POINT НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В контексте сегодняшнего дня наиболее остро встает вопрос об использовании инновационных методов преподавания. К одним из таких методов следует отнести использование презентации. Следует отметить, что презентация является не только одним из важнейших маркетинговых и PR-инструментов, но также и неотъемлемым инструментом учебного процесса. Презентация может представлять собой сочетание текста, компьютерной анимации, графики, видео, музыки и звукового ряда. Каждая грамотно сделанная презентация имеет сюжет, сценарий и структуру, организованную для удобного восприятия информации. Но необходимо помнить, что каждая презентация должна четко выполнять поставленную цель: помочь донести до студентов требуемую информацию об изучаемой теме.

Компьютерную презентацию можно отнести к электронным учебным пособиям, но здесь следует иметь в виду, что электронные учебные пособия рассматриваются как самостоятельные средства обучения, а презентация – вспомогательное, используемое преподавателем на уроке и требующее его комментариев и дополнений.

Актуальность создания и применения на уроке электронных презентаций бесспорна, но считаем необходимым отметить и тот факт, что это очень интересно и нашим студентам. Педагог начинает говорить с ними «на одном языке». Повышается его статус в глазах учеников. А, как следствие, возрастает мотивация, что находит отражение в более качественном и продуктивном выполнении домашних заданий. «Медианавыки, приобретенные нашими учениками в обыденной жизни, все больше выигрывают

как учебный потенциал и неизбежно должны учитываться как учебные условия при планировании медиаресурсов на уроке» [1].

Существует мнение, что весь урок не должен быть завязан на презентации. С нашей точки зрения существует множество аспектов для принятия подобного решения, но хочется сказать, что именно преподаватель ответственен за урок и он определяет, какую учебную функцию возьмет на себя данное медиасредство. Однако при организации эффективного медиаобучения учитель должен быть готов к изменению ролей: от сценариста урока к ведущему медиаинициированных учебных процессов. Наряду с этим медиасредства могут облегчать и дополнять преподавательскую деятельность, но не могут и не должны делать ее излишней. Необходимо помнить о том, что медиасредство (презентация) – это вспомогательное техническое средство, инструмент в руках преподавателя и учеников. Медиасредства могут выполнять различные функции на определенных этапах урока: мотивировать, информировать, интенсифицировать, активизировать, расширять, индивидуализировать, запоминать, обогащать.

В руках ученика медиасредства активизируют и поддерживают лично ориентированный, дифференцированный и деятельностный процесс самообразования. Пусть ученикам дано традиционное задание провести исследование и оформить его, но в форме презентации они сделают его с огромным интересом, так как использование компьютера предоставляет совершенно новые и более широкие возможности работы с текстом, графикой и звуком.

И пусть задание будет на повторение, на то, что давно и глубоко изучено. Уже известное по-новому проявляется в изображениях, звуковом ряде, размещенных на медианосителе. Таким образом, не превращаясь в совсем не интересное повторение, медиасредства (презентации) поддерживают способность к запоминанию и углублению когнитивного (знаниевого) уровня.

Учащиеся при этом осваивают работу с компьютером, работают в одной из самых сейчас распространенных программ PowerPoint, учатся выбирать главное, концентрировать свою мысль.

Доклады и рефераты, которые сдают учащиеся, как правило, не звучат на уроке из-за отсутствия времени. Презентации же можно или включить в урок (в объяснение учителя), представить в виде визуального ряда при проверке домашнего задания, что займет мало времени, и учащиеся с удовольствием просмотрят новые презентации.

Зная, что работа студентов будет востребована, будет оценена не только преподавателем, но и группой, они более серьезно относятся к такому домашнему заданию.

А это еще одна явная польза от такого рода домашних заданий. Здесь хочется сказать и о повышении мастерства преподавателя, который, начав работу по созданию презентаций к своим урокам, обязательно столкнется с нехваткой интересных изображений, видеофрагментов и т. д. Поэтому первым, и самым существенным, этапом в переходе на новый вид работы будет создание банка изображений, анимации, видеофрагментов по предмету.

Сбор такого банка – процесс довольно трудоемкий, но является основополагающим в систематической работе по созданию и применению электронных презентаций. Студенты здесь – первые помощники.

Однако педагогическое сообщество в Интернете располагает рядом сайтов, на которых можно с легкостью найти огромное количество самых разнообразных презентаций. Полагаем, что данный обмен опытом особенно хорош, с точки зрения обмена презентациями, посвященными грамматике иностранного языка, так как всегда интересен обмен опытом. Это такие сайты-форумы как pedsovet.su, pedsovet.ru, englishteachers.ru и т. д.

Многие творческие преподаватели имеют свои сайты, где активно делятся своим опытом и своими презентациями. Например, <http://www.nota.triwe.net/download.html> и др.

Будучи преподавателем иностранного языка, хочется упомянуть о специфике работы с иностранными учебными пособиями. Работа с учебниками, изданными за рубежом, является неполноценной, если преподаватель не использует Интернет в учебном процессе, так как на каждый языковой уровень на сайте издания (учебника) есть целый ряд интерактивных упражнений, работа с которыми значительно оптимизирует учебный процесс. Группа работает как команда, нет «спящих» студентов, повышается эффективность восприятия материала.

Заговорив об использовании Интернета, необходимо сказать, что это новая, высокотехнологическая ступень в преподавании английского языка, так как существуют специальные интернет-ТВ-каналы, на которых идет круглосуточное обучение английскому языку на английском. Можно просматривать различные образовательные видеокурсы, имеется доступ к документальным фильмам на английском языке.

Компьютерные системы обучения позволяют получить непосредственную и детальную обратную связь об уровне знаний, и это может быть значительно быстрее, чем «красные чернила» преподавателя. Впрочем, достойно обсуждения использование медиасредств, по меньшей мере, при обычном тестировании.

И здесь неизбежно встает вопрос о медиадидактических компетенциях педагога. Анализируя причины недостаточного употребления медиасредств на уроке, мы приводим ряд отзывов педагогов: неуверенность в обращении с техникой и программами; боязнь технических поломок во время занятия; боязнь очень высоких расходов, связанных с использованием медиасредств на уроке; отсутствие методической подготовки для применения медиасредств; незнание имеющихся ресурсов; незначительная эффективность медиазанятий [2]. Но мы, преодолев подобные болячки, с уверенностью заявляем, что нет ничего невозможного.

Известно, что использование любой визуальной информации на занятии имеет положительный эффект. И именно презентация открывает новые горизонты для творчества педагога.

Примечания

1. Кочегарова Л. В. К вопросу о медиадидактике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.it-n.ru/Attachment.aspx?Id=10251>.

2. Леонова Е. В. Презентации методик обучения употреблению грамматических структур английского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.english.ru/presentations>.

БЕЛЬДИНСКАЯ В. П.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

История зарождения модульного обучения относится к середине 40-х гг. Теоретическое обоснование и развитие эта теория получила в работах зарубежных ученых Дж. Рассела, Б. и М. Гольдшмидт, К. Курха, Г. Оуенса.

В 1974 г. на конференции ЮНЕСКО (Париж) было рекомендовано «создание открытых и гибких структур образования и профессионального обучения, позволяющих приспособливаться к изменяющимся потребностям производства, науки а также адаптироваться к местным условиям». Модульное обучение отвечало этим требованиям наилучшим образом. В нашей стране модульное обучение стало внедряться в конце 80-х гг. благодаря трудам П. А. Юцявичене и ее учеников.

В Московском государственном университете им. Ломоносова в рамках проекта ФПРО в 2005 г. и национального проекта в 2006 г. проводились научные исследования по теме: «Методологические основы системы модульного формирования содержания образовательных программ, совместимой с международной системой классификации учебных модулей».

Авторы данного исследования видят цель модульного обучения в «создании наиболее благоприятных условий развития личности путем обеспечения гибкости содержания обучения, приспособления к индивидуальным потребностям личности и уровню ее базовой подготовки посредством организации учебно-познавательной деятельности по индивидуальной учебной программе» [1].

В данной статье будут рассмотрены только некоторые аспекты модульного обучения: дидактические принципы, на которых базируется модульное обучение, и алгоритм построения модуля как функциональной единицы внутри модульной программы.

Исследователи методологических основ модульного обучения [2] под модулем понимают автономную организационно-методическую структуру учебной дисциплины, которая включает в себя дидактические цели, логически завершенную единицу учебного материала (составленную с учетом внутрипредметных и междисциплинарных связей), методическое руководство (включая дидактические материалы) и систему контроля.

Дидактические цели модуля можно классифицировать по виду (познавательные и операционные) и по уровню (интегрирующие и частные – по П. Юцевичене [3]).

Решение интегрирующей цели обеспечивает конкретный модуль. Каждая интегрирующая дидактическая цель состоит из частных дидактических целей. Решение частных дидактических целей обеспечивают конкретные учебные элементы, составляющие модуль.

Следует отметить, что при постановке цели преподаватель адресует к студентам, например: «После выполнения этого задания вы сможете...».

Теория модульного обучения, как и любая дидактическая теория, базируется на дидактических принципах, которые определяют ее общее направление, цели, содержание, способы организации и управления познавательной деятельностью:

1. В соответствии с принципом структуризации обучение строится по отдельным функциональным узлам – модулям, предназначенным для достижения конкретных дидактических целей.

Модуль является одновременно банком информации и методическим руководством по ее усвоению. В связи с этим содержание модуля должно отвечать требованиям последовательности, целостности, компактности, автономности. Эффективность усвоения модуля будет во многом зависеть от того, каким образом скомпонована информация и поставлены задачи. Учебный материал должен быть представлен в наглядном, удобном для использования виде.

Каждая наука по-своему компоует информацию, знание. Существуют следующие модели компоновки знаний: логическая модель, продукционная модель, фреймовая модель, модель семантической сети и др.

Модель семантической сети опирается на представление знаний с использованием графов, блок-схем, рисунков. Как правило, гуманитарная информация обобщается, систематизируется в виде графов, генеалогических деревьев и т. д. Специфика науки объясняет, почему математики предпочитают логические и продукционные модели, а биологи, химики, медики отдают предпочтение фреймовым (от *frame* – рамка) моделям, хотя они могут использовать любую другую модель. Однако без модели семантической сети не обойтись при изучении любой дисциплины.

Авторы материалов по методологическим основам системы модульного формирования содержания образовательных программ рекомендуют каждый модуль «открывать» блок-схемой, представляющей в сжатом виде содержание обучения, изображающей в компактной и удобной для усвоения форме весь теоретический материал модуля.

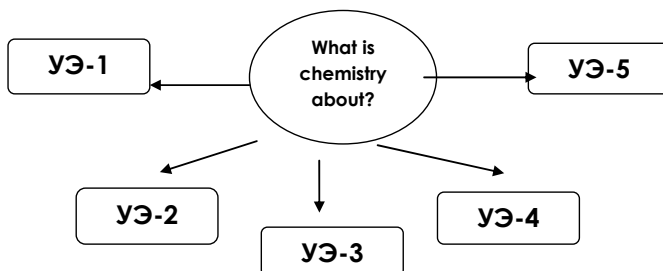
В нашем случае был разработан модуль для студентов-бакалавров II курса химического факультета по теме «Chemistry» на базе оригинального текста «What is chemistry about?», взятого из учебника для английских школьников.

Интегрирующая задача модуля заключалась в следующем:

1. Пополнить свой словарный запас по теме Chemistry.
2. Овладеть чтением трудных транскрипционных знаков.
3. Систематизировать правила чтения гласных (на материале слов из текста модуля).
4. Изучить грамматическую тему: «Неличные формы глагола». (Теоретические материалы прилагаются.)
5. Научиться находить и переводить неличные формы глагола (Present and Past Participles, Gerund, Infinitive) в тексте и до-

полнительных тренировочных упражнениях (с английского на русский и наоборот).

Блок-схема, представляющая в сжатом виде содержание данного модуля, может выглядеть следующим образом:

Text: «What is chemistry about?»

УЭ-1

Vocabulary – а) закрепить знакомые слова;

б) выучить и научиться пользоваться новыми словами.

Transcription – освоить трудные для освоения (произношения) звуки.

Reading Rules – классификация слов с гласной в ударном слоге.

Заполнение таблицы – четыре типа слога, используя слова из текста.

Test

УЭ-2

Grammar:

а) **изучение** грамматической темы: неличные формы глагола (Verbals) (теоретический материал прилагается);

б) **нахождение и перевод** неличных форм глагола в тексте;

в) **выполнение** тренировочных упражнений по переводу структур с неличными формами глагола с английского на русский и с русского на английский;

г) **Test.**

УЭ-3

Составление конспекта в виде схемы из опорных слов.

УЭ-4

Изложение содержания текста, используя конспект.

УЭ-5

Подведение итогов и анализ своего учебного маршрута.

Принцип проблемности

Решение познавательных задач дает новые знания и способствует формированию новых умений.

Н. Ю. Посталюк [4] считает, что проблемные задачи позволяют развивать у студентов способность к «видению проблемы», самостоятельность, гибкость, диалектичность мышления, критичность, умение оценивать, обобщать и т. д. Эффективность проблемного обучения доказана в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. В последние годы наблюдается интеграция проблемного и других дидактических систем, в том числе и с модульным. Автор теории проблемно-модульного обучения М. А. Чошанов [5] считает, что такая дидактическая система «приобрела не только новое целостное качество, выраженное в нацеленности на формирование профессиональной компетентности будущего специалиста, но и “как губка” впитала преимущества составляющих ее теорий».

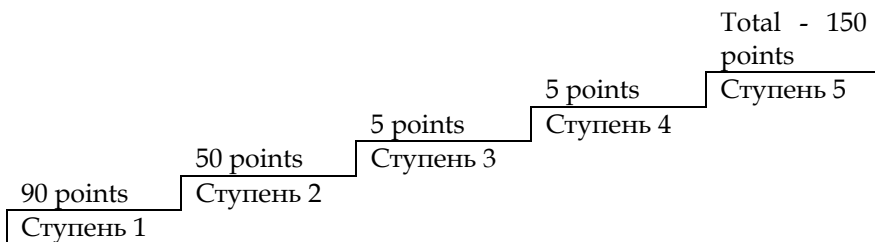
3. **Принцип вариативности** или дифференциации, который авторы методологических исследований трансформировали в принцип **адаптивности**, считая, что этот термин, кроме уровневой дифференциации учебного содержания, позволяет отразить такие грани, как использование всевозможных дидактических форм, методов и средств обучения, их целесообразный выбор и оптимальное сочетание.

4. **Принцип реализации обратной связи** – этот принцип позволяет организовать управление учебным процессом благодаря созданию системы контроля и самоконтроля усвоения учебного материала модуля.

Контроль осуществляется постоянно. Прежде чем приступить к работе с модулем, проводится **входной контроль** с целью определить готовность обучаемых к усвоению учебного материала модуля. И по результатам входного теста рекомендуется (предлагается) уточнить свой маршрут изучения материала модуля.

При разработке блока контроля (**текущий контроль** – в конце каждого учебного элемента, **рубежный** – в конце модуля) текущий контроль может осуществляться в форме самоконтроля по имеющимся в модуле дидактическим тестам или заданиям. Причем в каждом конкретном случае можно выработать собственные критерии оценки результатов с учетом специфики индивидуальности обучаемых. Особенно это актуально при заочной форме обучения. Там, где это возможно, целесообразно использовать общепринятые критерии оценки качества усвоения материала.

В нашем модуле оценка качества (уровня) усвоения учебного материала была предложена в виде «Лестницы успеха».

Ступень 1

Vocabulary (70 points), Transcription (15 points), Reading rules (по пятибалльной шкале) = 90 points

Ступень 2

Grammar – Verbals (Test 1–25 points, Test 2–25 points) = 50 points

Ступень 3

Составление опорного конспекта (оценка – по пятибалльной шкале) = 5 points

Ступень 4

Изложение содержания текста (используя опорный конспект) – по пятибалльной шкале = 5 points

Ступень 5

Подведение итогов и анализ своего учебного маршрута.

Total = 150 points

Модули, в которых есть система самоконтроля и самоорганизации, дают *возможность информационно-контролирующую роль преподавателя трансформировать в собственно-координационные функции обучающегося*. В результате общение между преподавателем и студентом переходит в плоскость субъект-субъектного партнерского учебного сотрудничества.

Доля самостоятельной работы при использовании технологии модульного обучения значительно увеличивается, что способствует формированию навыков самостоятельной работы с информацией, умения заниматься самообразованием. Студенты учатся учиться. Это большой плюс, учитывая очень ограниченное количество учебных часов.

Вышеперечисленные принципы и процедуры их реализации являются основой для отбора содержания и для алгоритмизации структурирования содержания модуля.

Примечания

1. Методологические основы системы модульного формирования содержания образовательных программ и совместимой с международной системой классификации учебных модулей : материалы науч. исслед., выполненных МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках проекта ФПРО 2005 г. и национального проекта 2006 г.; Юцявичене П. А. Теоретические основы модульного обучения : дис. ... д-ра пед. наук. Вильнюс, 1990. 46 с.

2. Там же.

3. Юцявичене П. А. Указ. соч. С. 32.

4. Посталюк Н. Ю. Творческий стиль деятельности: педагогический аспект. Казань, 1989. С. 24.

5. Чошанов М. А. Теория и технология проблемно-модульного обучения в профессиональной школе : автореф. дис... д-ра пед. наук. Казань, 1996. С. 17

ВЛАДИМИРЦЕВА А. Г.

ЕЩЕ РАЗ О ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛАХ

Фразовые глаголы – это, несомненно, один из тех камней, о который спотыкается иностранец, изучающий английский язык. Как отмечают сами англо-американские лингвисты, иностранцу легче употребить однословный глагол, особенно если он схож с глаголом в его родном языке, чем фразовый (напр., eliminate вместо do away with, continue a story вместо take up a story, assemble вместо put together, calculate вместо work out, indicate вместо point out, select вместо pick up, etc.). Овладение же подобными выражениями (phrasal verbs), умение и навык правильного употребления их в контексте (устном и письменном), есть, по мнению этих лингвистов, приближение к овладению натуральным английским языком (are among the distinguishing marks of a native-like command of English), поскольку именно комбинации типа: put out, take off, give in, clear up и т. п. являются неотъемлемой частью английской речи, особенно разговорной (part of the common coin of everyday colloquial exchange). Есть мнение, что в основе этого явления лежит тенденция носителей языка отдавать предпочтение англо-саксонской фразе, а не романскому однословному эквиваленту.

Логично предположить, что составные глаголы возникли и установились как единица языка уже в течение среднеанглийского периода, когда однословные глаголы потеряли свои окончания и усилилась роль предлогов и наречий.

Что же это за феномен – фразовый глагол, без знания которого невозможно овладение английским языком?

Термин «фразовый глагол» впервые был предложен лингвистом Генри Брэдли (Henry Bradley, 1845–1923), и затем употреблен в лингвистической литературе в 1925 г. лингвистом Л. П. Смитом (Logan Pearsall Smith, 1865–1946). Под этим термином имелись в виду комбинации глагола, как правило, односложного, с адвербиальной частицей (combinations of verbs and adverbial particle). Наряду с иными терминами, определяющими данные комбинации (глагол с послелогом, multi-verbs и т. п.), термин «фразовый глагол» явно приобрел наиболее устойчивое употребление, судя по создающимся словарям именно «фразовых глаголов» (Phrasal Verbs).

Фразовые глаголы как единица языка оказались удобными в употреблении, ибо, по мнению лингвистов, с одной стороны, они дают возможность избежать монотонности в речи, создаваемой однословными глаголами (ср. investigate – look into, surrender – give in, encounter – come across, deceive smb – take smb in), с другой, они способны образно выражать самые тонкие оттенки мысли (A little shiver **snaked down** Kate's back ...; But there **was** still something **off** about Peter Bondurant. He could feel it...; Fresh, wet snow. Heavy and sticky, it clung to his pant legs and **worked down** into his shoes. The fatigue and the alcohol **pulled at** her as she got up and headed for the door.; as tedious as rote memorization was, Marco was finding an old pleasure in it. He found anything for that matter – and not miss a one.).

Если «инициаторами» были такие краткие глаголы, как **come, get, go, look, make, put, take**, то в современном английском языке в качестве ключевого глагола практически может быть любой краткий глагол. И в этом легко убедиться, заглянув в словарь фразовых глаголов или любой литературно-художественный или публицистический текст. (The housekeeper looked worried that she'd **screwed up**; She **filled them in on** what she'd learned; After work I just **zunk out** in front of television; By four o'clock I was **itching for** the meeting to end; The feeling that was **creeping up** on him, more and more lately, was fear; A cloud appeared over a popular president, paving the way for Arthur Morgan to **stumble** his way **into** the White House. Now that he was **stumbling out**, he relished the idea...; «Get out of the way!» she **yelled out.**; I've **xed out** the names of the people who've said they're not coming. – x out = to cover words with x's).

Однако очень скоро лингвисты начинают отмечать чрезмерную увлеченность созданием и употреблением фразовых гла-

голов. Например, Фаулер [5, с. 23] пишет: «This useful resource is now being abused... This preference is largely of U.S. origin but we have proved ready pupils». («Этими нужными языковыми средствами в настоящее злоупотребляют. Большая часть фразовых глаголов появляется в варианте английского языка, а мы – готовые к их восприятию».)

В ходе коммуникации образуются окказиональные глаголы по аналогии с существующими (e.g. **work away** = work continuously). This morning I was **working away** happily, when suddenly the screen of my computer went blank. И: While you were **sunning away** on the beach, we had to work hard for the company.

Особой любовью при создании фразовых глаголов пользуется компонент 'up'. В книге С. Б. Берлизон [1, с. 15] приведено шутивное стихотворение журналиста Юджина Филда (Eugene Field), посвященное сочетаниями с 'up' в повседневной речи:

An Overworked Word.

We wake up and make up
We rake up and fake up,
And use the word up when we
can.

We drink up and think up,
We kick up and shrink up,
And do up a shirt or a man.

We slack up and back up,
We stack up and whack up,
And hold up a man or an ace;
We bear up and cheer up,
We steer up and clear up,
And work up ourselves or a case.

We walk up and talk up,
We stalk up and chalk up,
And every where's up to
be heard;

We wet up and set up
But hanged if we let up
On up, the much over-
worked word.

Есть много и других, более современных шуток и высказываний про глаголы с 'up' (например, следующий короткий отрывок из длинного текста, посвященного «two-letter word up», из работы английского лингвиста «Crazy English»: «We seem to be pretty mixed **UP** about **UP**. To be knowledgeable about the proper uses of **UP**, look the word **UP** in the dictionary. In a desk-sized dictionary, it takes **UP** almost 1/4th of the page and can add **UP** to about thirty definitions. If you are **UP** to it, you might try building **UP** a list of the many ways **UP** is used. It will take **UP** a lot of your time, but if

you don't give **UP**, you may wind **UP** with a hundred or more. When it threatens to rain, we say it is clouding **UP**. When the sun comes out we say it is clearing **UP**. When it rains, it wets the earth and often messes things **UP**. When it doesn't rain for a while, things dry **UP**. One can go on and on, but let's wrap it **UP**, for our time is **UP**, so... it is the time to shut **UP**.»

Постоянное появление новых глаголов отражается в словарях и пособиях. В книге «English Phrasal Verbs in Use» отмечены как сами новые глаголы, так и причины их появления и сферы употребления. «Many new phrasal verbs are invented in English every year. Some are invented because of social change and the need to develop words to describe new phenomena. These new phrasal verbs are particularly common in informal language, and are frequently used by the media and young people so as to sound up-to-date and lively». Новые фразовые глаголы «particularly used by the media and young people»: **be parted out** = have had enough of parties – After a whole week of birthday celebrations, I feel totally parted out; **big up smth** = praise smth very highly – He bigged up a new film; **bliss out** (on smth) = become or make someone totally happy or relaxed – They blissed out on music; **buy into smth** = completely believe in a set of ideas – I don't really buy into all that homeopathic medicine stuff; **chill out** = relax completely, or not allow things to upset you – Chill out! Life's too short to get so stressed; **sex up smth** = make smth seem more exciting than it really is – Sports promoters are trying to sex up cricket for the younger generation; **bounce back** = not to get the destination and be sent back – I discovered that all the e-mails I sent yesterday bounced back; **veg out** = relax by doing nothing – I wish I have loads of money – I'd go and veg out in the Caribbean».

Среди новообразований немало слов, относящихся к сленгу, особенно в американском варианте. Например, упоминавшиеся выше глаголы *sex up smth*, *screw up*. А также: **scarf down smth** = to eat or drink smth very quickly – Who scarfed down all the sandwiches?; **scarf up** = to take all of smth quickly and eagerly – Eager fans scarfed up the concert tickets in just two hours. (Am.E. scarf <Br.E scoff) **hang with** = to spend time with someone – Who that guy I saw you hanging with?; **zone out** = stop thinking about anything – She was in a bad way – zoned out on drugs, alcohol, or both.

Какие бы трудности ни вызывало изучение фразовых глаголов, нельзя забывать, что без знания их речь иностранца не может быть естественной, ибо употребление однословного эквивалента в разговорной речи зачастую делает эту речь официальной (for-

mal) и малопонятной. Ср. **abandon** вместо **give up** (He has given up all the hope), **accelerate – speed up** (The government is trying to speed up new anti-terrorist laws.), **calculate – work out** (I had to work out how much the food would cost altogether), **eliminate – do away with** (We have done away with all the old rules), **tolerate – put up with** (I won't put up with rudeness). Английские лингвисты отмечают: «The student may learn grammar and, with time, acquire an adequate vocabulary, but without a working knowledge of such idioms as to put out, to get along, to call for, to look up, to look over, etc., his speech remains awkward and stilted» [9, с. 29].

«Phrasal verbs are verbs, not idiomatic curiosities. They are an essential part of spoken and written English at all levels, and no student who hopes to master the language can afford to overlook them.» [3, с. 48]. В то же время чрезмерное увлечение фразовыми глаголами делает речь иностранца смешной и нелепой. Именно поэтому нужно тщательное изучение и понимание их.

У фразовых глаголов как языковых единиц есть своя ниша в системе языка: они занимают позицию между свободным словосочетанием и идиомой. От свободного словосочетания они дистанцируются семантической цельностью, а от идиом – подвижностью своей двух-трехкомпонентной структуры и, чаще всего, выводимостью значения целого из значения частей. Тем не менее, внутри своей системы по семантическому признаку эти глаголы подразделяются на две основные группы: неидиоматичные (*non-idiomatic*) (**ascribe smth to smth** – приписывать что-то чему-то – He ascribed his phenomenal success to being in the right place at the right time) и идиоматичные (*idiomatic*), требующие особого осмысления (**jazz up** – сделать что-то более привлекательным – A nice colorful scarf will jazz this jacket up a bit.; **dress up** – разодеться, вырядиться – All dressed up with nowhere to go – ср. рус. «остаться с чистой шеей»; **dress down** – одеться попроще – It was clear he didn't want any attention. He was dressed down as one of the common folk in a parka and a crumpled-looking hat.). При этом, если в комбинации глагол + предлог смыслообразующим, как правило, является глагол, то в комбинации глагол + наречие/адвербиальная частица смысл чаще зависит от второго компонента (*call back, call by, call down, call for, call forth, call in, call off, call on, call out, call over, call round, call up, etc*). Необходимо отметить и разную акцентную характеристику этих комбинаций: адвербиальная частица всегда ударна. И этот признак требует особого внимания, ибо игнорирование его приводит к неправильному пониманию высказывания.

Относительно позиционного положения адverbиальной частицы существуют определенные рекомендации: 1) если дополнение выражено местоимением, оно вклинивается между компонентами фразового глагола (Your hat is old. Take it off); 2) если дополнение выражено существительным, принимается во внимание следующее: при акценте на существительном оно следует за фразовым глаголом (Take off your hat) (Сними свою ШЛЯПУ); при акценте на адverbиальной частице оно вклинивается между компонентами (Take your hat off) (СНИМИ свою шляпу).

Целый ряд глаголов являются непереходными и не принимают дополнений (slow down, stay out, steal away, etc.). При этом присутствие или отсутствие дополнения, как и вид его (somebody, something, т. е. одушевленный – неодушевленный предмет), может быть смыслообразующим. Например, ср. **peel off smth/ peel smth off** – 1. to take off a wet or light piece of clothing : He took off his thick coat and peeled off his gloves. 2. To take some money from a large pile of banknotes that you are holding in your hand: He peeled off five banknotes and handed them to me. **Peel off** – to move away from the group that you are traveling with and start travelling in another direction: One of the planes peeled off and circled around to the left. **Sort out smth** – разобрать, привести в порядок: My first task was to sort out a pile of papers. **Sort out smb** – дать нагоняй, наказать за плохое поведение: Do that again, and I'll sort you out. **Sort yourself out** – разобраться в себе, со своими делами: Just give me five minutes to sort myself out and I'll be with you.

Структурно среди фразовых глаголов можно также выделить две группы:

- глаголы, всегда или преимущественно употребляемые в пассивном залоге: be booked up, caught up with, cut out for, done for, done up, fed up with, get carried away with, mixed up with smb, snowed under, taken aback, taken up with smth, etc. При изучении языка эта группа требует особого внимания;

- глаголы-восклицания, глаголы-предупреждения (exclamations and warnings): Belt up (=shut up)! Lighten up! Look out! Watch out! Mind out! Come on! Steady on! Fire away! Hang on/ hold on! Spit it out! Step on it! Come off it! Keep it up! Go on! Hurry up! Cheer up! etc. С этой группой следует быть осторожней, поскольку многие из них – на грани сленга или грубости.

Как уже отмечалось выше, употребление фразовых глаголов характерно для всех аспектов речи и разговорных тем. Это дает возможность сгруппировать их и по тематическому принципу.

Например, Cambridge Phrasal Verbs Dictionary выделяет следующие тематические группы [5, с. 12]: Emotions, Everyday life, Health and illness, Making and repairing, Phrasal verbs in conversations, Politics, Relationships, Sport and fitness, Studying, Technology, Thinking, Travel, Work.

Фразовому глаголу как единице языка присущи все характеристики этой единицы, в том числе полисемия, синонимия, антонимия.

Компактность единицы и удобство ее употребления, особенно в разговорной речи, приводят к частоте ее употребления, что способствует развитию полисемии. Например, в словаре Cambridge Phrasal Verb Dictionary [3, с. 167] у глагола put up отмечено 13 значений, put out smth – 8, take up – 9, take in – 10, get down – 13, и т. д.

Глаголы легко выстраиваются в синонимические и антонимические ряды. Наконец, фразовые глаголы в силу своей структуры и семантической выразительности легко становятся основами для образования других частей речи – существительных, прилагательных, глаголов. Особенно это характерно для СМИ и, в частности, газетного стиля. Напр., **to load down – a download – to download** (Harry Potter falls under spell of downloads; Until recently JK Rowling had not even downloaded an e-mail book, let alone allowed her Harry Potter titles to be distributed digitally.), **to bail out – bail out** (Irish banks propose to share pain of bail-out), **to face off – a face off** (Still everything to play for in face-off with Brazil), **to go ahead – a go-ahead** (We have to get the go-ahead from our director before we start it), **to stand by – a standby** – (I keep a pizza in my fridge as a standby), etc.

Итак, фразовый глагол с его перспективной порождающей моделью – действительно особая единица английского языка, требующая особого внимания со стороны изучающих этот язык.

Литература

1. Берлизон С. Б. Сочетания типа make up, make for в современном английском языке / С. Б. Берлизон. – М. ; И : Просвещение, 1964. – 254 с.
2. Cambridge International Dictionary of English. – Cambr. Univ. Press, 1995. – 678 p.
3. Cambridge Phrasal Verbs Dictionary. – Cambr. Univ. Press, 2011. – 634 p.
4. McCarthy M. English Phrasal Verbs in Use / Michael McCarthy, Felicity O'Dell. – Cambr. Univ. Press, 2009. – 336 p.
5. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage / H. Fowler. – N. Y. and Oxford : Oxf. Univ. Press, 1965. – 286 p.
6. Macmillan English Dictionary (for Advanced Learners) // Macmillan Education. – Oxford, 2002. – 688 p.

7. The Ultimate Phrasal Verb Book, Carl W. Hart, Barren's Educational Serial. – N. Y., 2009.– 584 p.
8. Hoag Tami. Ashes to Ashes / Tami Hoag. – London : Orion Books Ltd, 1999. – 214 p.
9. Grisham J. The Broker / John. Grisham. – N. Y. : A Dell Book, 2008.– 188 p.
10. Financial Times. – 2011. – June.

ГЕРАСИМОВА Т. Г.
ЛЕБЕДЕВА Л. А.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УСВОЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Одним из приоритетных направлений психолого-педагогических исследований, нацеленных на совершенствование учебного процесса, является разработка способов алгоритмизации обучения. Как известно, всякий мыслительный процесс состоит из ряда умственных операций, многие из которых не осознаются. Психологи подчеркивают, что для эффективного обучения эти операции надо выявлять и специально им обучать. Это так же необходимо, как и обучение самим правилам. Без овладения операционной стороной мышления знание правил зачастую бесполезно, поскольку, не совершив ряда определенных интеллектуальных операций, мы оказываемся не в состоянии их применить.

Алгоритмизация обучения способствует структурированию информации, которая осваивается лучше, чем обычная, неструктурированная. Установлено, что методика смыслового структурирования позволяет быстро внедрять знания в подсознание. Алгоритмы учебных действий способствуют лучшей организации обучения студентов, в силу чего познавательная деятельность становится ясной и более продуктивной. Нет необходимости использовать метод проб и ошибок там, где есть четкие предписания того, что необходимо делать. Кроме того, с помощью алгоритмических предписаний осуществляется управление процессом учения, в котором преподаватели и студенты выступают как единое целое.

В настоящее время в связи с переходом системы высшего образования на новые федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения особенно актуальным становится вопрос организации и оптимизации управления самостоятельной работой студентов.

Следует заметить, что в вузах нелингвистического профиля количество часов, предусмотренных на самостоятельную работу студентов (СРС) согласно ФГОС, составляет 50 % от общего времени, отводимого на весь базовый курс иностранного языка. Вполне закономерен вопрос об эффективности приемов и методов обучения студентов во внеаудиторное время. Наиболее действенным, как показала практика, средством организации и управления СРС являются обучающие программы, являющиеся элементами программированного обучения, основывающейся на выделении алгоритмов.

В чем же суть алгоритмизации обучения?

Под алгоритмом обучения понимают такое логическое построение, которое вскрывает содержание и структуру мыслительной деятельности обучаемого при решении задач данного типа и служит практическим руководством для выработки навыков или формирования понятий [1].

Различают несколько видов алгоритмов [2]:

- алгоритмы поиска, которые обеспечивают правильное вычленение признаков и безошибочное, быстрое выявление в тексте тех мест, где надо применить один из разрешающих алгоритмов;
- разрешающие алгоритмы, служащие разграничению сходных написаний, категорий и форм;
- обобщающие алгоритмы, основное преимущество которых состоит в том, что они помогают с самого начала изучения материала формировать правильные и полные обобщения, учат тому, как наиболее экономно и правильно находить ответ при решении учебно-познавательных задач. Эффективность использования обобщающих алгоритмов в значительной степени определяется их простотой и доступностью, уровнем сходства всех способов описания моделей в общей цепочке: правило – алгоритм – схема устного рассуждения, графическая фиксация умственных действий.

Обучение с использованием алгоритмической технологии осуществляется циклами, причем каждый состоит из ряда этапов:

- 1) актуализация соответствующей мотивации обучаемого;
- 2) осознание схемы ориентировочного действия;
- 3) выполнение действия с помощью моделей, схем, чертежей;
- 4) внешне-речевой этап (обобщение, автоматизация действий);
- 5) этап внутренней речи;
- 6) переход действия в умственный план.

Выделяют следующие позитивные стороны технологии алгоритмизации [3]:

- индивидуальный темп работы каждого студента;
- сокращение времени формирования умений и навыков за счет демонстрации образцового выполнения разучиваемых действий;
- высокая автоматизация выполняемых действий;
- доступный контроль действия в целом и его частей;
- оперативная коррекция обучения.

Алгоритмизация обучения не без оснований оценивается как прогрессивное направление, однако приходится констатировать, что не все учебные действия подлежат алгоритмизации, а только те, в которых можно определить четкую структуру решения задач определенного типа [4]. Хорошо поддаются алгоритмизации практически все грамматические явления английского языка. Возможен алгоритмический подход при выработке студентами навыков аудирования иноязычной речи, при обучении чтению и реферированию аутентичных текстов. Разработаны и с успехом применяются на практике программированные пособия, в основе которых алгоритмы, облегчающие усвоение, например, грамматики или фонетики.

Следует признать, что на сегодняшний день нет четкого представления о том, как надо работать над лексическими навыками с использованием алгоритмической технологии. Проблемы, возникающие при составлении алгоритмов усвоения англоязычных слов, вызваны рядом факторов, обуславливающих специфику английского языка, а именно:

- сложной семантической структурой слов
- их текстуальной обусловленностью
- несовпадением значений слов в английском и русском языках
- высокой степенью идиоматичности
- омонимией и полисемией
- наличием предложных словосочетаний – так называемых «фразовых глаголов»
- нелинейным построением лексики

Несмотря на все перечисленные трудности, с которыми приходится сталкиваться при разработке алгоритмов усвоения лексического материала, уже созданы и апробированы обучающие программы, заслуживающие внимания заинтересованных лиц. В настоящее время научным коллективом Центра лингвист-

тических исследований им. А. А. Худякова введен в промышленную эксплуатацию лексический модуль «Лингваториум» [5], который отличается от существующих систем обучения лексике тем, что использует лингвистические технологии и ресурсы при синтезе упражнений, а также планирует обучающие действия по адаптивному алгоритму, основанному на многоуровневой модели лексической памяти. В Московском государственном областном университете в алгоритмической обработке контрактов и международных соглашений успешно используют контекстологический словарь [6] как инструмент алгоритмического распознавания лексики.

В рамках программы поиска наиболее эффективных путей работы с лексическим материалом на кафедре иностранных языков ИГУ проводятся исследования алгоритмического разрешения лексической многозначности общеупотребительной и терминологической лексики, ведется работа по составлению контекстологического словаря по различным специальностям.

Литература

1. Беспалько В. П. Программированное обучение. Дидактические основы. М. : Высш. шк., 1970. С. 34.
2. Гальперин П. Я. Программированное обучение и задачи коренного усовершенствования методов обучения // К теории программированного обучения. М., 1967. С. 16.
3. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М. : Моск. ун-т, 1975. С. 11.
4. Нистоцкая В. Что такое программированное обучение? Инновационные методики обучения // ШколаЖизни.ру : интернет-журн. 2011. С. 4.
5. Сушилилин А. А. Роль и функции контекстологического словаря в алгоритмической обработке контрактов и международных соглашений (на материале английского языка) [Электронный ресурс]. – URL: elibrary.ru.
6. Чухарев-Худилайнен Е. М. Многоуровневая модель лексической памяти в обучающей системе // Прикладная лингвистика в науке и образовании : сб. тр. VI Междунар. науч. конф. 5-7 апр. 2012 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, каф. приклад. лингвистики. СПб. : Кн. дом, 2012. С. 299-302.

КОГНИТИВНЫЙ СУБЪЕКТ, КОГНИТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ, НАБЛЮДАТЕЛЬ

Когнитивное пространство – это ментальный мир, представляющий собой место для переработки и хранения в категоризованном виде интериоризованных знаний, являющихся результатом познания действительного и других возможных миров. Когнитивное пространство – это антропоцентричная категория. Оно существует в человеке и для человека. В связи с антропоцентричностью когнитивное пространство предполагает наличие субъекта познания.

В философии термин «субъект» используется для обозначения «объективированного Я, т. е. индивида, которому противопостоит, противопоставляется объект и который направляет на этот объект свое познание или действие» [12, с. 441]. Если имеется в виду действие, то речь идет о субъекте действия. Если имеется в виду познание, то говорят о субъекте познания [12, с. 441]. Последнего назовем когнитивным субъектом. Его наличие является одним из условий формирования когнитивного пространства.

Когнитивный субъект – это человек, познающий мир и систематизирующий знания о мире в своем когнитивном пространстве. Он обладает воспринимающим устройством, благодаря которому получает информацию о мире, хранит ее в памяти и преобразует в знания.

Наряду с термином «когнитивный субъект», существуют термины «когнитивная личность» [11 и др.] и «наблюдатель» [4; 6; 8; и др.].

В состав термина «когнитивная личность» входит понятие личности. С позиции психологии личность – это конкретный живой человек, обладающий сознанием и самосознанием. Структура личности – это целостное системное образование, совокупность социально значимых психических свойств, отношений и действий индивида, сложившихся в процессе онтогенеза и определяющих его поведение как поведение сознательного субъекта деятельности и общения [9, с. 238]. В общественных науках личность рассматривается как «особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения» [1, с. 263].

Понятие «личности» раскрывает социально-психологическую сущность человека, формирующуюся в результате усвоения че-

ловеком общественных форм сознания и поведения, общественно-исторического опыта человечества (личностью мы становимся под влиянием жизни в обществе, воспитания, обучения, общения, взаимодействия) [11, с. 21]. Личность является сформировавшейся, когда она начинает вести себя опосредованно (преодолевать собственные непосредственные побуждения ради чего-то другого) и руководить своим поведением на основе осознанных мотивов-целей и принципов [9, с. 239].

С. Л. Рубинштейн личность характеризует как сознательного субъекта, который осознает не только окружающее, но и себя в своих отношениях с окружающим. Личность должна осознавать себя как «я», которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца. По убеждению ученого, ребенок не сразу становится личностью. В течение первых лет он не осознает себя как «я», называет себя по имени и существует для самого себя как объект для других людей, а не как самостоятельный субъект. Осознание себя как «я» является результатом развития самосознания личности [10, с. 513–514].

А. Н. Леонтьев раскрывает понятие личности, сравнивая его с понятием «индивид». Индивид – это генотипическое образование, его формирование продолжается в онтогенезе (прижизненно), он приобретает конкретные особенности на разных стадиях своего развития (т. е. возникают сплавы между врожденными и приобретенными реакциями). Человек (и животное) рождается индивидом. Однако человек начинает формироваться как личность, вступая в общественные отношения [7, с. 173–180]. Индивид, таким образом, вызывает в ходе онтогенетического развития, а личность, помимо этого, формируется под влиянием социальной среды. «Личность, – пишет А. Н. Леонтьев, – есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития» [7, с. 176].

Итак, личностью является человек, обладающий сознанием и самосознанием, несущий ответственность за свое поведение. Такие качества обычно приписываются человеку, который принимается в качестве равноправного члена социально-культурного сообщества. Ребенок изначально не обладает самосознанием и не способен присваивать себе все, что он делает, следовательно, личностью он не является [7; 10]. Вместе с тем он обладает способностью воспринимать информацию и обладает когнитивным пространством.

Таким образом, термин «когнитивная личность» имеет более узкое употребление, чем термин «когнитивный субъект». Последний используется как термин, не дифференцирующий субъекта познания по возрастному или социальному критериям. Термин «когнитивная личность» уместен, когда субъект познания отвечает требованиям, предъявляемым к личности.

Когнитивный субъект или субъект познания, прежде всего, является субъектом восприятия. Восприятие является сложной системой процессов приема и переработки информации, обеспечивающей организму отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире. Восприятие и ощущение являются отправной точкой процесса познания [2]. Когнитивное пространство выступает как результат синтеза ощущений: зрительных, слуховых, осязательных, вкусовых и обонятельных [5].

В своей теории Дж. Гибсон субъекта восприятия называет наблюдателем [6].

Наблюдателем является тот, кто наблюдает, следит глазами за кем-либо или чем-либо [3, с. 570]. Наблюдать означает: 1) внимательно следить; 2) видеть, замечать, встречать; 3) изучать, исследовать; 4) осуществлять надзор, наблюдение за кем-либо [3, с. 570]. Принимая во внимание трактовки 1, 2, и 4, наблюдателя можно охарактеризовать как субъекта визуальной деятельности, где он выступает как частный случай когнитивного субъекта. Однако если обратиться к 3-й трактовке данного понятия, то наблюдатель будет выступать не только как субъект визуальной перцепции, но и как субъект, включающий в себя другие виды восприятия. Термин «изучить» означает: 1) постичь учением, усвоить в процессе обучения; 2) научно исследовать, познать; 3) внимательно наблюдая, ознакомиться, понять [3, с. 387], а термин «исследовать» трактуется как: 1) подвергнуть научному изучению; 2) осмотреть для выяснения, изучения чего-н. [3, с. 402].

Итак, наблюдателем является не только наблюдающий, видящий субъект, но и познающий, это также подтверждает в своем исследовании Т. Л. Верхотурова, определяя наблюдателя как «перцептивно-когнитивный субъект, осуществляющий концептуализацию и категоризацию действительности» [4, с. 6], где понятие «наблюдатель» трактуется через понятие «когнитивный субъект», что позволяет рассматривать эти термины как синонимы.

Итак, все три термина – «когнитивный субъект», «когнитивная личность», «наблюдатель» – имеют сходные значения. Вместе с тем термин «когнитивная личность» имеет весьма избиратель-

ное значение, поэтому он может быть использован только в тех исследованиях, в которых когнитивная личность соответствует понятию личности как таковой.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Восприятие>.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки : монография / Т. Л. Верхотурова. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 289 с.
5. Восприятие [Электронный ресурс]. – URL: <http://psi.webzone.ru/st/017900.htm>.
6. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М. : Прогресс, 1988. – 464 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
8. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 95–142.
9. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь; под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 808 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.
11. Самыгин П. С. Социальная психология / П. С. Самыгин, С. И. Самыгин, Е. П. Ларькова. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 345 с.
12. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 576 с.

***ЕРШОВА И. В.
МИРОНОВА Е. И.***

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НЕЗНАЧИМЫХ» СЛОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Обучение адекватному переводу – одна из целей обучения иностранному языку в вузе. Уметь точно понять смысл прочитанного текста по специальности, разобраться в деталях – все это имеет важное значение, а иногда и первостепенную важность для будущего специалиста в той или иной области.

Не секрет, что при обучении переводу важную роль играют навыки студента соединять набор переведенных слов в единое целое. Конечно, вопросы знания грамматики и точных значений слов играют важнейшую роль. Но хочется остановиться и на другом аспекте проблемы адекватного перевода, имеется в виду использование слов, значение которых кажется минимальным. Это так называемые «соединяющие» слова, слова-сигналы.

Эти слова вводят новые понятия и идеи, помогают при перечислении фактов, соединяют мысли, заостряют внимание читателя. Это наши друзья и враги. Их иногда трудно заметить в предложении, но бывает и так, что их присутствие затрудняет понимание мыслей автора, а при переводе по первому основному значению в словаре может случиться так, что вместо внятного текста получится набор трудносвязуемых несочетаемых слов.

Бывает и так, что одно «незначимое» слово может помочь соединить отдельные предложения в стройную систему, в то же время замена одного «соединительного» слова другим может привести к разному восприятию переводимого.

Особо следует отметить «паралингвистическую» функцию слов-соединений. Их адекватное уместное употребление придает иноязычной речи определенный колорит и при обучении переводу на них также следует заострить внимание.

Для начала рекомендуется выделить подобные слова в особую табличку и пополнять ее по мере обучения языку. Соединительные слова и слова-сигналы можно расположить по их функциям: начинающие предложения, вводящие новую информацию, используемые для подведения итогов, предваряющие перечисление фактов и т. д.

Некоторые зарубежные авторы полагают, что все вышеперечисленные приемы и обычная тренировка студента в распознавании и употреблении подобного рода слов не всегда приводят к хорошим результатам [1]. Они предлагают альтернативный подход, основанный на чтении и переводе, и применяемый к студентам разных уровней.

При обычных методах, т. е. когда студентов обучают соединять пары предложений при помощи «незначимых» слов, заполняя пропуски, обучаемые начинают воспринимать соединительные слова как суперклеи на все случаи жизни, и не всегда достаточно ясно представляют специфику их назначения.

При чтении возможно достичь следующих моментов:

- студенты определяют частотность употребления этих слов;
- они осознают, что эти слова имеют специфическое значение;
- студенты определяют их место в предложении.

Выделяется три стадии работы над подобными словами [2]. Эти стадии подходят и для обучения переводу подобных слов.

1. «Перемешанные» предложения, когда студенты восстанавливают истинный порядок перемешанных частей текста в группах или парах. При этом обучаемые должны обосновать свои

результаты, указав те ключевые слова, которые помогли им выполнить задание.

2. Графическое изображение связей. Работа преподавателя заключается в постановке вопросов, стимулирующих работу студентов, а студенты в свою очередь устанавливают систему связей слов в единое целое. Графическая работа стимулирует развитие языковой догадки, а это помогает правильному переводу.

3. Соединительные слова в контексте. На этой стадии работа идет над переводом текста по специальности. «Незначимые» слова отдельно выделяются и анализируются (их частотность употребления, их функции, например «суммирует сказанное»; их положение в предложении, их взаимозаменяемость или специфическое значение).

При работе с текстом также хороши упражнения в трансформации:

- перевод текста, обращая внимание на соединения;
- замена «незначимых» слов и перевод полученного;
- замена «незначимых» слов с целью изменения смысла написанного, т.е., например, выразить данным предложением сомнение, сделать данное предложение выводом из вышесказанного и т. д.

Подобная работа может помочь студентам научиться правильно воспринимать большие куски незнакомого текста и правильно их переводить с учетом употребления «незначимых» слов.

Table. Cue words

1. Namely именно
2. First во-первых (во-вторых)
3. Next
- As follow, the follow далее
4. That is (that is to say) то есть
5. For example, for instance
e.g. например
6. So, thus таким образом
7. as a result, consequently следовательно
8. despite, in spite of несмотря на
9. if, unless если
10. also, too, as well as тоже
11. and, again, besides кроме того
12. in fact, as a matter of fact,
Really, indeed, actually фактически, действительно
13. hence, then, that's why, поэтому, однако

14. but, and, still, while, though хотя
15. on the one hand с одной стороны
16. on the other hand с другой стороны
17. rather than скорее чем
18. as, because, for, since потому что
19. due to, thanks to, because of из-за
20. as fro, as to, as regards относительно
21. except, save, but кроме

Литература

1. Hayward K., Wilcoxon H. Connectives in Context // Forum. 1998. Vol. 32, N 3. P. 27–34.
2. Geddes M. How to listen. BBC, 1989. P. 3.

ЗИМИНА Л. П.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПОПОЛНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Анализируя фразеологические единицы с точки зрения современного состояния немецкого языка, нельзя не обнаружить некоторые тенденции их развития, связанные с процессом их возникновения, в нашем случае с процессом возникновения фразеологических антонимов.

Необходимо, однако, сразу же заметить, что изучение возникновения антонимических связей вообще, и во фразеологии в частности, представляет большие трудности. Эти трудности заключаются в том, что пути возникновения фразеологических антонимов в большинстве случаев неизвестны и трудно определимы, особенно во временной плоскости. Кроме того, в специальных этимологических словарях фразеологическим единицам почти не уделяется внимания, в толковых и фразеологических словарях, а также в различных фразеологических сборниках этимологические пометы встречаются крайне редко, однако и они далеко не совершенны, так как они только регистрируют какую-либо форму той или иной фразеологической единицы и не дают описания ее развития.

Поэтому в данной статье мы не стремимся воссоздать общую целостную картину возникновения фразеологических антонимов, что абсолютно невозможно при современном состоянии этимологических исследований, а пытаемся выявить лишь некоторые, в той или иной мере поддающиеся определению, тенден-

ции развития антонимических связей во фразеологии, способствующие пополнению фразеологического состава немецкого языка.

Материал, которым располагает автор статьи, показывает, что возникновение фразеологических антонимов связано с возникновением самих фразеологических единиц и является результатом тесного взаимодействия внутренних, т. е. языковых, и внешних, т. е. внеязыковых, факторов.

Можно наметить следующие пути возникновения фразеологических антонимов немецкого языка.

Фразеологические антонимы могли возникнуть одновременно в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний в одной ситуации и в одной сфере действительности как отражение двух противоположных сторон одного и того же действия или состояния, что является подтверждением непреложного закона мышления о том, что понятия, как правило, рождаются парами.

Опираясь на данные работы Ф. Зейлера «Deutsche Sprichwörterkunde», объясняющего источники происхождения некоторых фразеологических единиц, можно предположить, что таким путем возникло много одноструктурных фразеологических антонимов. Подобные фразеологические антонимы могли возникнуть из разных областей жизни, например: из области искусства (die erste Geige spielen «играть первую скрипку, играть ведущую роль» – die zweite Geige spielen «играть вторую скрипку, играть незначительную роль»), из области транспорта (den Karren in den Dreck schieben «испортить, запутать какое-л. дело» – den Karren aus dem Dreck ziehen «выправить, наладить какое-л. дело»), из области карточной игры (alle Trümpfe in der Hand behalten «иметь все козыри в руках» – die Trümpfe aus der Hand geben «выпустить из рук свои козыри»). Источником происхождения фразеологических антонимов могли быть различные жизненные ситуации, например: ловля птиц (ins Garn gehen «попасться в сети, в ловушку» – durchs Garn gehen «ускользнуть из ловушки»), рыцарские турниры (mit offenem Visier «с поднятым забралом, открыто, прямо» – mit verschlossenem Visier «с опущенным забралом, скрыто, коварно»). Некоторые фразеологические антонимы имеют своим источником происхождения Библию, например: mit seinem Pfunde wuchern «наживаться на своем таланте» – sein Pfund vergraben «зарыть свой талант».

Одновременное возникновение фразеологических антонимов в результате метафорического переосмысления свободных

словосочетаний в одной определенной среде или ситуации является действенным фактором пополнения фразеологической антонимии современного немецкого языка. Об этом можно судить по фразеологическим новообразованиям XX в., инвентаризированным словарем Г. Кюппера «Wörterbuch der deutschen Umgangssprache». Ср., например: gerade Tour «ehrliche Handlungsweise» – krumme Tour «unredliches Vorgehen, Unehrlichkeit», grünes Licht für «Zubilligung der Handlungsfreiheit» – rotes Licht für «Versagung der Handlungsfreiheit».

Как видно по данным словаря Г. Кюппера, одним из продуктивных источников возникновения фразеологических антонимов, как и многих фразеологических единиц вообще, служит техника, переосмысление терминологических словосочетаний. Так, переосмысленными терминологическими словосочетаниями являются фразеологические антонимы: schnell schalten «schnell begreifen» – langsam schalten «langsam begreifen», den Strom abschalten «einschlafen» – den Strom einschalten «aufwachen». С появлением телефонов-автоматов и их устройством связывается возникновение фразеологических антонимов: bei ihm fällt der Groschen fix «er begreift rasch» – der Groschen fällt langsam (pfennigweise, spät) «man begreift langsam».

Фразеологические антонимы могли возникнуть одновременно, причем второй антоним мог образоваться, минуя стадию переосмысления свободного словосочетания. В появлении второго антонима из фразеологической антонимической пары большую роль играет в данном случае семантическая аналогия по контрасту, которая заключается во влиянии структурно-семантической модели одного фразеологического антонима на образование другого. Результатом семантической аналогии по контрасту является то, что незаполненное место в паре одноструктурных фразеологических антонимов может с течением времени заполниться.

Критериями новообразования одного из фразеологических антонимов по семантической аналогии по контрасту от имеющейся в языке фразеологической единицы послужили следующие:

Во-первых, нефиксированность данного антонима ни в одном из просмотренных словарей и фразеологических справочников, так как мы исходим из допущения, что в основном фразеологические единицы регистрируются словарями, хотя не исключаем и того факта, что словари не всегда отражают реального богатства фразеологического фонда того или иного языка и могут в

некоторых случаях отставать от регистрации тех или иных фразеологизмов.

Так, к фразеологической единице *j-n in die Zange nehmen* «взять кого-л. в работу, в оборот» не зарегистрировано антонима *j-n aus der Zange lassen* «оставить кого-л. в покое, отстать от кого-л.» ни в одном из просмотренных лексикографических источников, хотя его появление в языке вполне очевидно, о чем свидетельствуют примеры его употребления в литературе. Ср., например, контексты с этими фразеологическими антонимами у Ганса Фаллады в романе «Jeder stirbt für sich allein»:

«Ich werde ihm nicht eine Mark geben, sonst denkt er, ich habe Angst vor ihm und läßt mich nie wieder aus der Zange».

Aber der Weg erwies sich als Fehlweg, auf der Post nahmen sie ihn mächtig in die Zange.

Во-вторых, различная датировка фразеологических единиц из антонимической пары по словарю Г. Кюшпера.

Так, появление фразеологической единицы *j-n an der Leine haben* «*j-n streng beaufsichtigen, j-m wenig Freiheit lassen*» датировано 1850 г., а ее антонима *j-m Leine lassen* «*j-m größere Freiheit gewähren*» – 1956 г. Аналогичное прослеживается у фразеологических антонимов: *j-n in die Tinte bringen* «*j-n in eine peinliche Lage bringen*» (Lit.: 1854) – *j-m aus der Tinte helfen* «*j-m aus einer peinlichen Lage helfen*» (Lit.: 1957), *aus der Haut fahren* «*außer sich sein, kommen*» (Lit.: 1250) – *in die Haut fahren* «*zu sich kommen*» (Sold.: 1940).

Среди производных фразеологических антонимов, возникших по семантической аналогии по контрасту, видное место занимают фразеологические единицы, образованные путем замены лексических антонимов или антонимичных предлогов, например: *die Flügel heben* «воспрянуть духом» по аналогии с *die Flügel hängen lassen* «опустить крылья, опустить руки, упасть духом», *unschwer ins Gewicht fallen* «иметь небольшое значение» по аналогии с *schwer ins Gewicht fallen* «иметь большое значение», *die Hände aus dem Schoß nehmen* «приняться за работу, действовать, предпринимать что-л.» по аналогии с *die Hände in den Schoß legen* «сидеть сложа руки, бездельничать».

Наиболее активными лексическими средствами создания производного фразеологического антонима по семантической аналогии с производящим являются антонимичные предлоги *in* и *aus*, в особенности *aus*, причем особенно легко образуются антонимы от устойчивых сочетаний с лексически опустошенными глаголами типа *kommen, bringen, geraten, gelangen, treten, sein,*

setzen, stellen и др. Например: in die Patsche kommen, geraten, laufen, fallen «сесть в лужу, попасть впросак» – aus der Patsche (heraus) sein, kommen «выйти, выпутаться из затруднительного положения»; in (auf) Nummer Sicher sein, sitzen «сидеть в тюрьме» – (wieder) aus Nummer Sicher (raus) kommen «выйти из тюрьмы»; in j-s Macht sein «быть в чьей-л. власти» – aus j-s Macht kommen «выйти из-под чьей-л. власти».

Анализ фразеологических новообразований позволяет сделать вывод, что возникновение одноструктурных фразеологических антонимов в результате семантической аналогии по контрасту возможно на основе только одного типа наличной фразеологии, а именно мотивированной с точки зрения соотношения целостного значения фразеологической единицы со значениями ее отдельных компонентов, в первую очередь со значениями стержневых слов, составляющих основу образной структуры подобных единиц. Где такая мотивированность отсутствует, возникновение одноструктурных фразеологических антонимов не наблюдается. Немаловажным фактором такого образования фразеологических антонимов является также общеупотребительность и устойчивость производящего фразеологизма: он должен быть известен и понятен всем носителям языка.

Образование фразеологических антонимов по структурно-семантической аналогии является одним из возможных путей образования фразеологических антонимов на основе наличной фразеологии. Следствием процесса фразеологической деривации может явиться также:

1. Возникновение фразеологических антонимов из пословиц. Один антоним возникает из первой части пословицы, другой – из второй.

Так, из пословицы Die Suppe ausessen (auslöffeln), die man sich (selbst) eingebrockt hat «Расхлебывать заваренную самим же кашу» образовались фразеологические антонимы: sich, j-m eine Suppe einbrocken «заварить кашу, натворить дел, задать хлопот кому-л.» – die (eine) Suppe auslöffeln (ausessen, ausfressen) «расхлебывать кашу, улаживать что-л.».

2. Возникновение фразеологических антонимов на базе антонимичных вариантов одной и той же фразеологической единицы.

Таким образом образовалась немалая часть фразеологических антонимов с варьируемыми компонентами – прилагательными. Например, на основе фразеологической единицы in j-s Hände fallen «попасть кому-л. в руки» посредством включения в

ее компонентный состав прилагательных возникли антонимы *in rechte Hände fallen* «попасть в нужные руки» – *in falsche, unrechte Hände fallen* «попасть в другие руки»; на основе фразеологизма *j-n auf die Spur bringen* «навести кого-л. на след» образовались таким же образом антонимы *j-n auf die richtige Spur bringen* «навести кого-л. на верный след» – *j-n auf die falsche Spur bringen* «навести кого-л. на ложный след».

Проведенный анализ выявления некоторых тенденций возникновения фразеологических антонимов немецкого языка охватил в основном одноструктурные единицы, а также частично разноструктурные, имеющие в своем лексическом составе общие компоненты. Что же касается возникновения собственно разноструктурных фразеологических антонимов типа *alles in Hülle und Fülle haben* «жить в довольстве, в достатке» – *von der Hand in den Mund leben* «жить в нужде», то здесь необходимо отметить лишь тот факт, что они являются результатом семантического противопоставления совершенно разных по своему лексическому составу, грамматической структуре и образности фразеологизмов, возникших в разное время, различными языковыми путями (в результате разных процессов фразеологизации переменных словосочетаний) и из разных жизненных сфер и ситуаций.

Литература

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М. : Аквариум, 1995.
2. Agricola E. Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch 14. Auflage / E. Agricola, H. Görner, R. Küfner. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1992.
3. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7 / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1994.
4. Friederich W. Moderne Deutsche Idiomatik / W. Friederich. – München : Max Hueber Verlag, 2001.
5. Grimm J. Deutsches Wörterbuch. Bd. 1–16 / Jakob Grimm, Wilhelm Grimm. – Leipzig : S. Hirzel, 1854–1960.
6. Klappenbach R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag, 1982.
7. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. 1–3 / H. Küpper. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1987.
8. Paul H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – Halle (Saale) :VEB Max Niemeyer Verlag, 1961.
9. Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde / F. Seiler. – München : Beck, 1922.

КОНЦЕПЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В языке имена собственные обычно противопоставляются именам нарицательным по содержательным критериям и по выполняемым функциям. Считают, что имена собственные, в первую очередь, выполняют номинативную функцию, а имена нарицательные – семасиологическую (содержательную) [2, с. 27; 15, с. 29–30]. Выполнение семасиологической, или содержательной, функции обусловлено наличием у имен нарицательных значения или понятия. Под понятием понимается «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в П. как общие и специфические признаки, соотношенные с классами предметов и явлений [19, с. 383–384].

Именам собственным, в отличие от имен нарицательных не свойственно понятие в указанном смысле [6; 15; 20; 12; 27; 29 и др.]. Е. М. Галкина-Федорук, в частности, пишет, что «имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком» [6, с. 53]. По словам М. В. Никитина, имя собственное «ничего не сообщает об обозначаемой вещи» [12, с. 36]. П. Кристоферсен обращает внимание на наличие артиклей перед именами нарицательными, что свидетельствует о переходе от абстрактного имени к конкретному. Отсутствие артикля перед абстрактными именами и именами собственными является свидетельством того, что абстрактные имена и в речи остаются абстрактными, а собственные имена всегда конкретны, поскольку они обозначают лишь один объект. П. Кристоферсен сравнивал собственные имена с номерами, которые даются осужденным: как бы ни были похожи двое, они не получают одного номера. Номера идентифицируют, но не описывают. Собственное имя – это символ, непосредственно идентифицирующий отдельный индивид [27]. С. Крипке также не связывал имена собственные с конкретным значением, называя их ярлыками, указывающими на один и тот же объект в различных возможных мирах [29, р. 48].

Отсутствие понятия у имени собственного, его связь с единичным объектом и четко выраженная идентифицирующая функция выделяются А. В. Суперанской в качестве его основных характеристик [20, с. 124]. Данные характеристики имени собственного были выявлены ею на основе сравнения имен собственных и имен нарицательных:

	Имя собственное (ИС)	Имя нарицательное (ИН)
1	ИС даются индивидуальным объектам (субъектам)	ИН дается классу объектов, имеющих определенную черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс
2	ИС четко определяют и ограничивают именуемые объекты	ИН не определяют и не ограничивают именуемые объекты
3	ИС не связаны непосредственно с понятием	ИН связаны с понятием
4	ИС характеризуются идентификационной функцией	ИН характеризуются классифицирующей функцией

Кроме упомянутой теории имени собственного как «пустого знака», в соответствии с которой имена собственные – это ничего не значащие (в семантическом смысле) слова, ярлыки, этикетки, различительные знаки, присваиваемые единичным предметам для отграничения одного предмета или явления от другого, известна теория о том, что имена собственные – это особый класс специальной лексики, обладающий специфическим значением [18]. При таком подходе, как отмечает Е. А. Хамаева, имена собственные вообще «выпадают» из дихотомии *имена собственные – имена нарицательные* [24, с. 15]. В качестве доказательства принадлежности имени собственного к специальной лексике обычно указывают на такие свойства онимов, как их написание с заглавной буквы, особенности их склонения и словообразования.

Известна также точка зрения, согласно которой имена собственные не принадлежат к классу существительных [2; 25; 28]. В. Д. Бондалетов, в частности, считает, что денотативное, сигнификативное и структурно-языковое отношения свойственны как именам нарицательным, так и именам собственным. Различие состоит в том, что названные типы отношений у имен собственных специфичны. Именно поэтому они образуют особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка [2, с. 26–27]. А. Л. Шарандин также утверждает, что имена собственные – это самостоятельный класс слов, особая часть речи [25, с. 122]. Р. Коутс полагает, что собственные имена целесообразно рассматривать как особое категориальное образование, поскольку все они объединены единым признаком, каким является «собственность» [28, с. 133].

Широкое распространение получила теория имени собственного, в рамках которой признается, что имена собственные

обладают семантическим содержанием, а, следовательно, у них есть и денотат, и сигнификат [1; 4; 7; 9; 13; 16; 26]. Под сигнификатом имени собственного понимают всю ту информацию, которая может быть извлечена из имени в отрыве от его реального носителя [7, с. 18].

Для антропонимов общим категориальным признаком является их соотнесенность с семей «человек» [1, с. 15; 16, с. 103]. Для топонимов такой семей, по-видимому, будет «место».

В семантике антропонимов А. А. Живоглядов также различает «пол». На материале английских антропонимов он показывает, что отнесенность личных имен к мужскому или женскому полу достигается противопоставлением «чистых основ» (*Paul, Andrew – Ann, Jane*), суффиксальных элементов (*Gerald – Geraldine*) и финалий. Типичными финалиями мужских имен являются: –ford, –son, –win, –nald, –er. К типичным финалиям женских имен относятся: –bel, –ette/etta, –linde, –illa, –elle [9, с. 71]. По мнению Т. В. Бакастовой, признак «пол» имен собственных вступает в противоречие с существованием имен, для которых данный признак не является релевантным. Например, имена *Alexis, Christian, Faith* могут употребляться для именованья как женского, так и мужского пола [1, с. 15].

Некоторые исследователи в составе антропонима выделяют сему «национальность» [7; 26]. По этому поводу Т. В. Бакастова пишет следующее: «Выделение национального признака в языковом значении имени собственного также едва ли можно признать существенным, потому как, если под этим понимать национальность носителя имени, то в силу тесных международных и межнациональных контактов, человек может получить имя, свойственное другой антропонимической системе <...>, а если национальный признак имени собственного определить диахронически, исходя из его генеалогии и этимологии, то опять же, в силу экстралингвистических исторических фактов, выявить его подчас бывает невозможно» [1, с. 15]. Для аргументации своей точки зрения Т. В. Бакастова обращается к примеру с именем *Чарльз* и подчеркивает тот факт, что данное имя может быть применено для наречения как англичанина, американца, так и жителя африканского происхождения [1, с. 15]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на возражения со стороны Т. В. Бакастовой по поводу выделения в составе личных имен семы «национальность», она все же признает вероятностный фактор при именовании лица той или иной национальности.

По мнению Д. И. Ермолович, в семантическую структуру имени собственного входят не только «пол» и «национальность», а также такие семы, как «региональная принадлежность» и «отнесенность к определенной исторической эпохе» и др. [7, с. 18].

Е. М. Верещагин считает, что в семантике имен собственных можно выделить «возраст». Например, имена *Октябрина, Майя, Никель* могут противопоставляться по возрасту таким традиционным именам, как *Игорь, Олег, Павел*. В именах, по его утверждению, носителями языка осознается происхождение имени. Такие имена, как *Герман, Альберт, Эдуард* воспринимаются как иностранные, а *Владимир, Вячеслав, Мстислав* как славянские или русские. В обыденном сознании некоторые имена (*Иван, Михаил, Екатерина, Ирина*), заимствованные из греческого и еврейского языков, осознаются как славянские. Имена могут иметь социальную окраску: *Иван, Сидор, Емельян* ассоциируются с крестьянскими именами; *Евгений, Вера, Роберт, Вадим* – с городскими; *Олег, Ярослав, Игорь, Владимир, Ольга* – с княжескими; *Иона, Исаакий, Никон, Зосима* – монашеские имена; *Савва, Фома, Гордей, Олимпиада, Васса* – купеческие. Имена несут информацию об употребительности (модные, редкие, устаревшие). Существуют имена с живой внутренней формой, противопоставляемые именам с «темной» внутренней формой (*Владимир, Лев*, но *Сергей, Борис*). Ряд личных имен получил нарицательный смысл. Например, имя *Иван* – это символическое имя русского. Имена можно также оценить с точки зрения стилевой принадлежности: *Михайло, Данило* – просторечные [4, с. 170–174]. Что касается стилевой принадлежности, то здесь, как подчеркивает А. А. Сивцова, особая роль в русском языке принадлежит деривационным средствам и возможностям ономастической сочетаемости (*Ванька, Ванюша, Иван, Иваныч, Иванович, господин/товарищ Иванов*), что способствует выражению многообразия эмоционально-экспрессивных оттенков [17, с. 14].

В топонимах обычно выделяют семы предметности, единичности, соотнесенности с земной поверхностью, таксономичности (гора, болото, озеро и др.), сему координат и др. [8, с. 67–71].

Хотя и признается за именем собственным наличие сигнификата, выражаемого в его особом семном составе, считают, что «информация, которую может сообщить сигнификат имени, признается довольно скудной. Кроме того, она может быть проинтерпретирована ошибочно» [24, с. 19].

Существует также теория, согласно которой имена собственные обладают сигнификатом, который в принципе представляет собой текст, наполненный определенным содержанием [3; 4; 5; 10; 11; 14; 17].

Способность имени собственного обладать сигнификатом такого рода исследователи объясняют возможностью отдельных имен накапливать содержательную информацию в процессе их функционирования [3; 4; 10; 11; 14]. Одни исследователи связывают накопление информации именем собственным с речью [3; 21], другие – с процессом их бытования в истории [14] и культуре [4; 11; 14].

А. А. Белецкий и О. И. Соколова считают, что содержание имени собственного напрямую связано с речью [3; 21]. По мнению О. И. Соколовой, именно особенности функционирования имен собственных обуславливают особенности их семантики. Специфика сигнификативного значения собственных имен и нарицательных состоит в следующем: понятие, выражаемое именем нарицательным, формируется в языке; понятие, выражаемое именем собственным, формируется в речи [21].

Как следует отметить, статус имени собственного будет различным в языке и речи. В связи с данной дихотомией некоторые исследователи различают языковой и речевой подход к изучению имен собственных. При языковом подходе имена собственные являются знаками, лишенными какой-либо семантики и функционирующими в качестве ярлыков, которые присваиваются объектам именования. При речевом подходе предполагается некоторое знание объекта именования и соотнесение имени с конкретным денотатом. Здесь под значением понимается конкретное содержание, приобретаемое единицей языка в речи [16].

Н. В. Петрова связывает наличие содержания у имени собственного с *Миром Действия* и *Миром Ценностей* (данные термины заимствованы у А. Н. Уайтхеда [23]). Для того чтобы имя собственное приобрело значение, необходим этап перехода имени из Мира Действия в Мир Ценностей. Процесс накопления информации под определенным обозначением связан, таким образом, с текстом истории или текстом культуры [14].

Е. М. Верещагин, В. В. Молчановский [4; 5; 11] объясняют способность имен собственных накапливать информацию их бытованием в культурной среде. Согласно теории Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова этот процесс бытования онимов в культурной среде ведет к образованию национально-культурного компонен-

та значения у имен собственных, что обусловлено кумулятивной (культуроносной, накопительной) функцией языка [4; 5]. Особенностью этой функции является то, что язык «не просто передает некоторое сообщение, но и обладает способностью отражать, фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком действительности» [5, с. 10].

Кумулятивная функция имеет прямое отношение к фоновым знаниям. Фоновые знания определяются как знания, являющиеся элементами культуры той или иной языковой общности, сопутствующие речевому общению и необходимые коммуникантам для того, чтобы коммуникация была успешной [22, с. 354]. Фоновые знания обыкновенно рассматриваются как особая разновидность пресуппозиции. Под пресуппозицией понимаются знания, которые известны участникам общения и которые делают речь осмысленной и адекватно воспринимаемой [22, с. 254].

Итак, существующие в настоящее время концепции имени собственного включают концепцию имени собственного как «пустого» знака, концепцию имени собственного как знака с особым значением, концепцию имени собственного как особой части речи, концепцию имени собственного как однозначного знака. Последняя существует в двух разновидностях: как концепция имени собственного, обладающего семантической структурой, и концепция имени собственного как текста.

Литература

1. Бакастова Т. В. Семантизация имени собственного в целом художественном тексте (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Бакастова. – Одесса, 1987. – 138 с.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А. А. Белецкий. – Киев, 1972.
4. Верещагин Е. М. Лингво-страноведческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
5. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингво-страноведение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., доп. и перераб. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
6. Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1956.
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
8. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи (с приложением правил практической передачи имен и названий с 26 европейских и восточных языков) / Д. И. Ермолович. – М. : Р-Валент, 2005. – 416 с.

9. Живоглядов А. А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики : дис.... канд. филол. наук / А. А. Живоглядов. – М., 1986. – 197 с.
10. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972.
11. Молчановский В. В. Использование лингвострановедческого потенциала топонимической лексики русского языка при работе над текстом // Лингвострановедение и текст. – М. : Рус. яз., 1987. – С. 159–167.
12. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
13. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
14. Петрова Н. В. К проблеме энциклопедического имени собственного / Н. В. Петрова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. Языкознание. – 2011. – № 1(13). – С. 269–275.
15. Реформатский А. А. Топонимика как лингвистический факт / А. А. Реформатский // Топонимика и транскрипция. – М. : Наука, 1964. – С. 9–34.
16. Семенова Т. Н. Семантика индивидуализации и ее отражение в тексте : дис. ...д-ра филол. наук / Т. Н. Семенова. – М., 2001. – 345 с.
17. Сивцова А. А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова : автореф. дис.... канд. филол. наук / А. А. Сивцова. – Калининград, 2008. – 24 с.
18. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков) : дис. ... д-ра филол. наук / С. Н. Смольников. – СПб., 2005. – 392 с.
19. Степанов Ю. С. Понятие // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2000. – С. 383–385.
20. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Высш. шк., 1973. – 366 с.
21. Соколова О. И. Личное имя собственное как прецедентный феномен [Электронный ресурс] / О. И. Соколова. – URL: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v5_aro5htm..
22. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов : в 2 т. / О. С. Тихонов [и др.] – Т. 2. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 677 с.
23. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. – М. : Прогресс, 1990. – 718 с.
24. Хамаева Е. А. Антропонимы в ономастической системе мифологического типа : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Хамаева. – Иркутск, 2012. – 200 с.
25. Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология / А. Л. Шарандин. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. – 313 с.
26. Шеремет Л. Г. Значение и стилистический потенциал английских имен собственных (именование людей) : дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Шеремет. – Л., 1984. – 172 с.
27. Christophersen P. The Articles. A Study of their Theory and Use in English / P. Christophersen. – Copenhagen-London, 1939. – 245 p.
28. Coates R. A New Theory of Properhood / R. Coates // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences (Uppsala, 19–24 August 2002). – Uppsala: Sprakoch folkminnesinstitutet, 2005. – Vol. 1. – P. 127–137.
29. Kripke S. A. Naming and Necessity / S.A. Kripke. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1980. – 172 p.

**ОРКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ:
МИФОЛОГИЯ, МИФОТВОРЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ
ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА**

Произведения жанра фэнтези характеризуются соединением мифологического и мифотворческого компонентов [3]. Одним из подтверждений этому является представленный в настоящей статье лингвистический анализ существа с номинацией «orc» («орк»). Цель статьи заключается в том, чтобы выявить интертекстуальную и авторскую природу данного феномена и проследить его развитие в рамках жанра фэнтези.

Орки появились в жанре фэнтези благодаря Дж. Р. Р. Толкину. Для обозначения данных существ писатель использовал две номинации: сначала – в произведении «Хоббит, туда и обратно» – номинацию «goblin» («гоблин»), позднее – в трилогии «Властелин колец» – номинацию «orc» («орк»).

Первая номинация свидетельствует об интертекстуальной природе феномена «орк» и отсылает нас к западноевропейской мифологии, в которой гоблины представляют собой злобных существ, враждебно настроенных к людям и к окружающему миру в целом [2, с. 228].

Предположительно слово «goblin» (ME – «gobelyn»; OF – «gobelin»; Low L – «gobelinus»²) имеет тот же источник, что и германское слово «kobold», а именно: средневерхненемецкое «kobel» [7, с. 244]. Связь гоблинов с германскими кобольдами отмечается и в энциклопедии «Волшебные существа»: «В этих подземных пещерах обитал странный вид живых существ, которых одни называли гномами, другие кобольдами, а третьи гоблинами» [2, с. 228]. Согласно английской мифологии гоблины представляют собой злобных существ, обитающих глубоко под землей, в горных пещерах. Им присуща безобразная внешность и боязнь солнечного света. Деятельность гоблинов часто связана с горным делом и изобретением различных орудий и устройств [2, с. 228–229].

Гоблины из произведений Дж. Р. Р. Толкина имеют ряд сходных черт с гоблинами мифологическими, что вновь подтверждает их интертекстуальную природу. Одной из таких черт является их безобразная внешность, о которой свидетельствует использо-

² ME – Middle English – среднеанглийский; OF – Old French – старофранцузский; Low L – Low Latin – нижнелатинский языки.

вание автором при описании гоблинов лексем с отрицательной коннотацией: «awful» («ужасные»), «ugly-looking» («уродливые»), «rough» («грубые»), «dirty» («грязные»).

Интертекстуальная связь с мифом реализуется на пространственном уровне за счет места обитания гоблинов, которым являются недра гор: It was deep, deep, dark, such as only goblins that have taken to living in the heart of the mountains can see through [1, с. 206].

Гоблины привычны к темноте и не любят солнечный свет, от которого они слабеют: They [goblins] don't like the sun: it makes their legs wobble and their heads giddy [1, с. 303].

Они могут прокладывать туннели и добывать руду не хуже опытных гномов, а также изготавливать различные виды оружия, орудия труда и пыток: They can tunnel and mine as well as any but the most skilled dwarves. Hammers, axes, swords, daggers, pickaxes, tongs, and also instruments of torture, they make very well [1, с. 212–213].

Некоторые изобретения гоблинов доставляют много неприятностей всему миру. Это – механизмы и взрывоопасные вещества для умерщвления людей: they invented some of the machines that have since troubled the world, especially the ingenious devices for killing large numbers of people at once, for wheels and engines and explosions always delighted them [1, с. 213].

Во «Властелине Колец» гоблины получают ряд уникальных авторских характеристик, вследствие чего требуют новой номинации. В качестве таковой Дж. Р. Р. Толкином была избрана номинация «orc».

В первую очередь, необходимо обратить внимание на то, что данная номинация не является изобретением писателя. Слово «orc» восходит к англосаксонскому языку, в котором имеет такие варианты написания, как «ork», «orc-furs» и «orc-neas». Значение слова «orc» и его англосаксонских вариантов – «чудовище-людоед», «демон ада» (англ.-сакс. hildeþofol) [5, с. 764]. Существует также точка зрения, согласно которой английское слово «orc» происходит от латинского «orca», что значит «морское чудовище, морская рыба» [7, с. 414]. Подтверждением последней точки зрения служат следующие словарные дефиниции:

1. Orc – a fierce sea-monster, a killer whale [9, с. 752].
2. Orc – a killer whale, sea or other monster [8, с. 717].

Сам Дж. Р. Р. Толкин высказывал предположение о том, что англосаксонское слово «orc» в значении «чудовище-людоед» и «демон ада» и латинское слово «orc» в значении «морское чудовище» не являются родственными. Писатель, по его собственному

утверждению, заимствовал номинацию «orc» не из латинского, а из англосаксонского языка, а именно из эпоса «Беовульф» [10], в котором упоминается слово «orcneas» в значении «злой демон» [6]. Как и в «Беовульфе», орки из трилогии Дж. Р. Р. Толкина никаким образом не связаны ни с морем, ни с другими водоемами. Они – злобные антропоморфные существа с отвратительной внешностью, что подтверждается использованием в их описаниях лексем «angry» («сердитый»), «evil» («злой»), «hideous» («отвратительный»), «malice» («злобный», «преступный»), «ugly» («уродливый»), «foul» («зловонный»), «dirty» («грязный»), а также наличием у орков качеств, традиционно соотносимых с неприятной внешностью: yellow fangs (желтые клыки), foul breath (зловонное дыхание), filthy jowls (мерзкие пасти), slant eyes (косые глаза), hairy ears (волосатые уши), long arms hanging almost to the ground (длинные руки, свисающие почти до земли), clawlike hands (когтистые руки), hairy arms (волосатые кисти рук), crook legs (кривые ноги), bowed backs (горбатые спины). Местом обитания орков, как и гоблинов, является подземный мир, а именно недра гор: They [orcs] are ugly malice creatures, dwelling in the heart of the mountains [11, с. 76].

Орки, несомненно, многое унаследовали у гоблинов, о чем пишет сам Дж. Р. Р. Толкин в своем письме Н. Митчисон от 25 апреля 1954 г.: «орки многим, как мне кажется, обязаны легендам о гоблинах, слово “гоблин” используется в “Хоббите” как перевод» («Orcs owe, I suppose, a good deal to the goblin tradition, «goblin» is used as a translation in «The Hobbit») [10].

Помимо характеристик, присущих гоблинам, орки обладают собственной историей и наречием. Они были созданы Темным Властелином по имени Саурон из тел покалеченных эльфов путем применения черной магии [13, с. 511]. Орки представляют собой наполненных злобой созданий, которые ненавидят даже себе подобных: And these creatures, being filled with malice, hating even their own kind [13, с. 511].

Орки никогда не имели собственного языка, однако со временем на основе исковерканных языков других народов у них сформировалось особое грубое наречие, или жаргон, предназначенный для проклятий и оскорблений: It is said that they had no language of their own, but took what they could of other tongues and perverted it to their own liking; yet they made only brutal jargon, scarcely sufficient even for their own needs, unless it were for curses and abuse [13, с. 511].

Дж. Р. Р. Толкин создал также особую разновидность орков с номинацией «uruk-hai» («урук-хай»), которая переводится с наречия орков как «народ орков» [13, с. 511]. Урук-хай были выведены магом Саруманом для военных целей. Они похожи на обычных орков, однако значительно больше по размеру, смуглые, косоглазые, с крупными конечностями: *There were four soldiers of greater stature, swart, slant-eyed, with thick legs and large hands* [12, с. 20].

Основной особенностью урук-хаев является их невосприимчивость к свету, позволяющая им путешествовать и сражаться днем: *We are the Uruk-hai: we do not stop the fight for night or day, for fair weather or for storm. We come to kill, by sun or moon. What of the dawn?* [12, с. 184].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что орки были созданы Дж. Р. Р. Толкином как интеграция мифологического и мифотворческого компонентов.

Следует подчеркнуть, что область существования данных феноменов не ограничивается произведениями их создателя. После того, как книги Дж. Р. Р. Толкина стали широко известны во всем мире, а жанр фэнтези начал свое стремительное развитие, орки стали прецедентным феноменом для новых авторов, работающих в данном жанре. Так, в качестве действующих лиц орки фигурируют в цикле произведений «Хранитель мечей», принадлежащем известному российскому писателю Н. Д. Перумову.

Интертекстуальная связь с орками Дж. Р. Р. Толкина устанавливается за счет собственно номинации «орк» и таких дифференцирующих признаков, как безобразная внешность [4, с. 160] и грубая речь [4, с. 111].

Прецедентный феномен «орк» неизбежно подвергается влиянию авторской картины мира. К авторским характеристикам орков из произведений Н. Д. Перумова относится такая черта их внешности, как зеленый цвет кожи [4, с. 58]. Писатель также сделал орков более очеловеченными. Им не чужды воинская честь (для орка «показать спину врагу – покрыть себя вечным позором» [4, с. 69]) и чувство гордости (например, они гордятся своими клыками [4, с. 71]). Оркам приписываются такие качества, как стойкость, доблесть и храбрость [4, с. 85, 212]. У них также есть свои обычаи, приметы и поговорки. Например, свою нечистоплотность орки оправдывают такой поговоркой: *Кто смывает свою грязь – тот смывает свое счастье* [4, с. 107].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что орки представляют собой прецедентный феномен двойственной

природы, объединяющий в себе мифологический и мифотворческий компонент, и эволюционирующий от произведения к произведению, выступая в качестве средства внутрижанровой интертекстуальной связи в рамках жанра фэнтези.

Литература

1. Английский язык с Джоном Р. Р. Толкиеном: «Хоббит» / John Ronald Reuel Tolkien. The Hobbit. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – Ч. 1. – 573 с.
2. Волшебные существа : энциклопедия. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 512 с.
3. Кулакова О. К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. К. Кулакова. – Иркутск, 2011. – 22 с.
4. Перумов Н. Д. Странствия мага // Цикл «Хранитель Мечей». – М. : ЭКСМО-Пресс ; Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – Т. 1. Кн. 2. – 384 с.
5. Anglo-Saxon Dictionary : based on the manuscript collections of the late J. Bosworth / edited and enlarged by T. N. Toller. – London : Oxford University Press, 1973. – 1302 p.
6. Beowulf [Electronic Resource]. – URL : <http://www.humanities.mcmaster.ca/~beowulf/main.html> (дата обращения: 2 февраля 2010 г.).
7. Etimological Dictionary of the English Language / W. W. Skeat. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – 780 p.
8. The Concise Oxford Dictionary of Current English / Edited by J. B. Sykes. – Dehli : Oxford University Press, Dehli Calcutta Madras, 1987. – 1264 p.
9. Chamber's Twentieth Century Dictionary / Ed. by W. Geddie. – Glasgow : The Villafield Press, 1959. – 1378 p.
10. Tolkien J. R. R. Letters [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – URL : http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/139008/The_Letters_of_J.R.R.Tolkien.pdf (дата обращения: 6 января 2012 г.).
11. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring / J. R. R. Tolkien. – N. Y. : Ballantine Books Inc., 1965. – 527 p.
12. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Two Towers / J. R. R. Tolkien. – N. Y. : Ballantine Books Inc., 1965. – 447 p.
13. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Return of the King / J. R. R. Tolkien. – N. Y. : Ballantine Books Inc., 1965. – 544 p.

РЕАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ОБЪЕКТА КАК ФАКТОР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Интертекстуальные взаимодействия между категориально обособленными типами текстов текстового пространства, основанные на механизме переключения кода, определяют понятие кодовой интертекстуальности. В качестве средства взаимодействия художественного и научного текстов нами рассматривается термин. Термин – это слово или словосочетание, отражающее научное и практическое понятие, значение которого является профессионально дефинированным [1, с. 15].

В задачу настоящей статьи входит доказательство положения о том, что использование терминов в художественном произведении обусловлено объективными факторами, среди которых особо выделим фактор реального окружения.

В век научно-технического прогресса автоматизированные производственные процессы, машины, различные виды аппаратуры, способы управления данными средствами и аппаратурой прочно вошли во все сферы человеческой деятельности и стали неотъемлемой частью его реального окружения. В современном мире техника – это способ человеческого бытия, «с помощью которого человек освобождает себя от природных потребностей и преодолевает сопротивление мира на пути осуществления собственного проекта бытия» [4, с. 589].

Постоянное увеличение масштабов применения технических средств во всех отраслях жизни современного общества является причиной объективного фактора актуализации кодовых включений в виде научно-технических терминов в художественном произведении.

В настоящее время жизнь человека немислима без современных средств передвижения, таких как машины, самолеты, морские и речные суда:

1. She had not dressed and was lying in bed when she heard him grinding the starter on the car that he used to take to the station [5, p. 212].

2. Our boat was the lightest feather of a thing that ever sat upon water. It had a complete flush deck with only a small hatch near the bow and this hatch it had always been our custom to batten down when about to cross the Strom by way of precaution against the chop-

ping seas. But for this circumstance we should have foundered at once – for we lay entirely buried for some moments. How my elder brother escaped destruction I cannot say, for I never had an opportunity of ascertaining. For my part, as soon as I had let the foresail run threw myself flat on deck, with my feet against the narrow gunwale of bow and with my hands grasping a ring-bolt near the foot of the foremast [8, p. 176].

Терминология автомобилестроения для обозначения составных компонентов автомобилей достаточно прочно вошла в лексикон современного общества. Смотрите, в частности, пример 1, в котором не только упоминается средство передвижения «car» («легковой автомобиль»), но и термин «starter» – («стартер»), обозначающий его составную часть. В примере 2 непосредственно указывается еще на одно из распространенных средств передвижения – «boat» (судно), которое описывается в принятых для этого вида транспорта терминах: «deck» («палуба»), «hatch» («люк»), «bow» («носовая часть судна»), «foresail» («фок»), «gunwale» («планшир»), «foremast» («фок-мачта»), «ring-bolt» («рым-болт»).

Телевидение является самым доступным и распространенным средством массовой информации, обеспечивающим людей сведениями из всех областей человеческой деятельности, являясь в то же время удобным средством времяпровождения. Объективность внедрения терминов из области, входящих в терминологический аппарат такой области знаний, как телекоммуникации (один из разделов радиофизики), являются нередким явлением в современных художественных произведениях:

3. На следующий день вышла из строя коллективная телевизионная антенна, установленная на крыше дома по улице Муранова. Почти сразу же подъехала «техничка», специалисты-телевизионщики поработали минут тридцать на крыше, после чего заявили, что где-то самовольно подключено кабельное телевидение и это создает помехи для приема сигнала на коллективную антенну [3, с. 175].

Использование терминов из области телекоммуникаций («телевизионная антенна», «коллективная антенна», «прием», «сигнал», «кабельное телевидение») следует соотносить с объективным фактором терминов. Это обусловлено тем, что телевидение играет значительную роль в современном социуме, а терминология, применяемая в данной области знаний, знакома, понятна и широко применяется любым современным человеком.

Проникновение терминов из области компьютерных технологий является не случайным. Оно вызвано возрастающей ролью компьютерной техники в жизни современного общества:

4. – Когда вы в последний раз обновляли своего «доктора»?

– «Доктора»? – не понял Владимир Александрович.

– Программу «антивирус» – пояснила она.

– Я так и думала, – вздохнула она. – У вас вирус на всех дискетах. Вы с ним живете уже три месяца. Вы, наверное, к старым файлам редко возвращаетесь? [3, с. 113].

Как известно, основой для создания многих компьютерных терминов является английский язык, что обусловлено, по мнению Е. Н. Галичкиной, местом рождения и становления компьютерной информатики, а также местонахождением компьютерных фирм, распространяющих программные продукты и аппаратное обеспечение [2, с. 13]. В вышеприведенном примере кодовая интертекстуальность создается терминами английского происхождения, которые достаточно прочно вошли в каждодневный быт простого пользователя: «дискета», «файл». Лексикон современного пользователя обогащается и за счет терминов из области компьютерных технологий, «образованных на основе метафорического/метонимического переосмысления общепотребительных лексических единиц» [2, с. 12], как, например, «обновить», а также за счет терминов, заимствованных из других наук. Термины «вирус», «антивирус», а также название профессии «доктор», изначально принадлежавшие медицине, перейдя в разряд компьютерных терминов, приобрели иное значение.

Большое разнообразие терминов из области экономики, представленных в художественных текстах, обусловлены объективными причинами, поскольку экономика представляет собой целую систему всего жизнеобеспечения человека.

5. He had a freshman job with a firm that manufactured cash registers. His salary was small, and he and Esther began their married in a cold-water tenement in the East Sixties [6, p. 123].

6. Frederic had not written this script, but for some reason connected with the evasion Annabel's income tax, he had been put on the pay-role as an adviser to the «film» [9, p.36].

7. At the cashier's desk sits Bogle, cold, sordid, slow, smouldering, and takes your money. Behind a mountain of toothpicks he makes a change, files your check, and ejects at you, like a toad, a word about the weather [7, p. 30].

В примерах 5 и 6 содержится хорошо знакомая каждому члену современного общества терминологическая лексика, применяемая в налогообложении и государственных выплатах гражданам: «salary» («заработная плата»), «income tax» («подходный налог»). В примере 7 кодовая интертекстуальность создается за счет терминов, обозначающих деньги и их эквиваленты: «money» – «деньги», «change» – «сдача», «check» – «чек».

Итак, включение терминов из разных наук в художественный текст может быть обусловлено фактором его реального окружения. Включение терминов из научно-технических текстов связано с быстрым ростом научно-технического прогресса, а также компьютеризацией современного общества. Экономические терминологические включения в художественном тексте фиксируют зависимость современного человека от товарно-денежных отношений, обеспечивающих его существование в современном обществе.

Литература

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высш. шк., 1986.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: На материале жанра компьютерных конференций : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Астрахань, 2001.
3. Марина А. Б. Стилист / А. Б. Маринина. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
4. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2009.
5. Cheever J. A. Woman without a Country / J. Cheever – М. : Progress Publishers, 1980.
6. Cheever, J. A The Day that the Pig Fell into the Well / J. Cheever – М. : Progress Publishers, 1980.
7. O'Henry. The Brief Debut of Tildy / O'Henry. – Minsk : Harwest, 2006.
8. Poe E. A. A Descent into the Maelstrom / E. A. Poe. – Snt Peterburg : Karo, 2007.
9. Spark, M. The Public Image / M. Spark. – М. : Progress Publishers, 1976.

ЛЕМЕШКО Ю. Р.

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРФОРМАНСА В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Перформанс является одним из современных, инновационных понятий в междисциплинарном и лингвистическом знании. Поэтому необходимым представляется осуществить обзор существующих работ, которые позволяют установить те аспекты и положения, которые выявляются в данном феномене.

Перформанс – изначально искусствоведческий термин, обозначающий форму современного искусства, возникший в соотношении понятий «театральный спектакль – акция – перформанс». Особую значимость он приобретает в связи с исследованием форм массовой публичной медийной коммуникации. Расширение употребления понятия «перформанс» основано при этом на его реальном употреблении в практике массовых коммуникаций [10].

В настоящее время понятие «перформанс» исследуется в работах различного направления: искусствоведении, коммуникативистике, семиотике, дискурсивной лингвистике, теории коммуникации, социологии.

1. Представляется важным, прежде всего, представить термин «перформанс» так, как он осмысливается в искусствоведении. В западном искусствоведении термин «перформанс» появился в словарях уже в 70-х гг., в русских словарях этот термин появился после 1991 г.

Перформанс (англ. *performance* – представление, выступление) – «одна из форм искусства действия. Получила широкое распространение в искусстве 60–70-х гг. Состоит в исполнении определенных, заранее спланированных действий перед собравшейся публикой...» [2].

В работах исследователей перформанса нет четкого определения данного феномена, но тем не менее выделяются его формообразующие принципы, которые выявляются во всех «жанровых» проявлениях данного вида искусства. Отмечаются такие его характеристики, как: временное развитие действия; тактильность; игровой момент; наличие некой цели и сценария; серийность; актуальность (наличие новизны); эпатажность; наличие персонажного автора или дискурса и заимствованный, «персонажный» язык. Также одним из ключевых принципов перформанса является документирование действия [4].

2. В теории коммуникации и массовой коммуникации перформанс рассматривается прежде всего как выполнение установленного ритуала.

В семиотике разработано и уточнено понятие «ритуала» как особого знакового образования, служащего целям передачи опыта от поколения к поколению. В ритуале обязательно наличие трех компонентов разной семиотической природы: 1) ритуальное (символическое) действие; 2) мифологическое представление; 3) словесные формулы [8, с. 280].

На Западе широкое распространение получила теория перформанса Ричарда Шехнера, объединившая различные типы коллективного коммуникативного поведения. Р. Шехнер определяет перформанс как «деятельность, производимую индивидуумом или группой в присутствии и для другого индивидуума или группы» [1]. Согласно Р. Шехнеру, под это достаточно общее и широкое определение подпадает как театр, так и церемония свадьбы и т. п., где центральным понятием становится сама аудитория и моделирование ее поведения в разных видах перформанса. Р. Шехнер выделяет типы аудитории: случайную (аудиторию театрального представления) и интегрированную (становятся те, кто обязан присутствовать на данном перформансе (например, родственники на свадьбе)). Выделяемые типы аудитории очень важны, поскольку перформанс представляет собой комплексное коммуникативное действие, где становится равноценной как роль действующих лиц, так и самой аудитории [1].

В работе Г. Г. Почепцова выделяется как особая форма массовой коммуникации перформансная коммуникация, которая определяется «как синтез вербальной и визуальной коммуникаций, располагающая свое сообщение в пространстве» [11, с. 177]. Отметим, что это довольно широкий характер такого определения, не уточняющий его природу. Г. Г. Почепцов связывает данное явление с такими характеристиками, как: ритуальность, сценарность, публичность (вовлеченность зрителя в действие), театральность. Также Г. Г. Почепцов выделяет три разновидности коммуникативного пространства, в котором развивается перформанс: ритуальное, символическое, демократическое [12].

3. В дискурсивной лингвистике предтечей употребления понятия «перформанс» является теория речевых актов (ТРА), прежде всего, потому, что определяет высказывание не как логическую структуру, выражающую «законченную мысль», и представляет тем самым некоторую пропозицию – описание, акт, речевое действие и воздействие.

Перформанс, согласно своему определению, базируется на основе «перформатива», понятие, которое исследователь предложил называть предложения/высказывания (Примерами такого типа могут быть: *Приветствую вас, Завещаю, Обещаю* и т. д.), которые представляют собой не просто *сообщение* о совершении (performance) действия, но и осуществление говорящим данного действия, т. е. «произнесение высказывания и есть осуществление действия» [9, с. 27].

Перформативность как логико-философское понятие равнозначности слова и действия приобрело большое значение в современной гуманитаристике, а в последние годы приобретает еще большее значение для культурологических и социальных дисциплин.

Терминологическая близость понятий «перформативность» и «перформанс» привела к их смешению. В контексте культурно-научной интерпретации понятие перформативности отделяется от ТРА Дж. Остина и акцент переносится на описание динамического процесса исполнения различных видов действий и их интерпретацию как артефактов культуры. В этой связи перформативность рассматривается как процесс, с помощью которого осуществляется какое-то культурное событие, обладающее перформативными свойствами ситуационности и неповторимости, и поэтому рассматривается как конститутивный признак культуры. В этом проявляется тенденция современной гуманитаристики, заключающаяся в трансформации введенного Дж. Остином понятия перформативности в понятие перформанса, и смыслом которой, является расширение понятия перформативности и его приложимости к любому выражению (действию, высказыванию), которое вплетено в коммуникативный акт как действие или как непосредственное исполнение действия [13, с. 14].

В этом направлении исследования перформанса важны фундаментальные исследования в трудах Дж. Л. Остина, Дж. Серля, Э. Бенвениста, Д. Вандервекена, П. Грайса, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, И. М. Кобозевой, А. Вежбицка, З. Вендлера, Ю. С. Степанова, а также исследования аналитической философии (Ж. Витгенштейн, Ю. Хабермас, М. Фуко, Я. Хинтикка); концепция игры как одной из первичных форм деятельности человека (Й. Хейзинга, М. М. Бахтин, У. Эко).

Также понятие перформанса упоминается в рамках политического дискурса. Анализ современного речевого ритуала и коммуникативных ролей; различные аспекты политического языка: состав общественно-политического словаря, политические метафоры, специфическая политическая аргументация, идеологический аспект, отдельные политико-культурные концепты, идеологемы представлены в работах Е. И. Шейгал, В. И. Карасика, А. Н. Баранова, Н. А. Купиной, А. П. Чудинова, Д. Б. Гудкова.

4. В исследованиях медийного дискурса феномен перформанса рассматривается в связи с развитием понятий о манипулятивных возможностях средств массмедиа, процессов символизации,

мифологизации и метафоризации действительности. Особое внимание уделяется изучению функционально-прагматических средств различных форм массовой коммуникации для организации политического, экономического, идеологического дискурсов в аксиологическом и технологическом планах, выявлению наиболее эффективных стратегий, средств воздействия в совокупности речевых (дискурсивных) и иного рода средств (паралингвистических, визуальных и т. д.) в трудах Т. А. ван Дейка, Г. Г. Почепцова, Т. Г. Добросклонской В. З. Демьянкова, М. Р. Желтухиной и др.

5. Существует также ряд монографий и диссертаций в области исследования перформанса. Среди них следует отметить обращения к проблематике перформанса, носящие характер историко-культурных ситуаций XX–XXI вв. в работах Ю. В. Кривцовой, Э. Д. Коркия, Е. Ю. Андреевой, Е. А. Бобринской, В. В. Савчуком, В. С. Турчиным, М. В. Катковой. Анализ категории перформативности как универсальной лингвистической категории [Ю. Б. Грязнова, И. В. Четыркина, А. А. Романов, Л. А. Романовой, О. М. Бунчук]; в сравнительно-сопоставительном аспекте [Н. А. Азадова] устанавливается, что основным средством выражения перформативности во всех языках являются перформативные глаголы в перформативном употреблении.

Исследования в русле массово-информационного и политического дискурса, изучение политического имиджа в дискурсе масс-медиа (О. А. Пономаренко) рассматриваются как проблема театрализации политики восприятия политических событий через призму зрелищности и развлекательности, конструирования политической действительности при помощи СМИ (В. А. Коваленко).

Справедливо отметить, что представленный обзор не является полным, так как крайне сложно даже просто назвать все современные публикации, имеющие отношение к феномену перформанса. Но данный обзор отражает интерес, вызванный явлением перформанса, который проявляется к нему в современном гуманитарном знании.

Литература

1. Schechner R. Performance theory. – N. Y. etc., 1988
2. Бобринская Е. А. Концептуализм. / Е. А. Бобринская. – М. : Галарт, 1994. – 216 с.
3. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства [Электронный ресурс] / Ю. Гниренко. – 1999. – URL: www.gif.ru

5. Деготь Е. Performance – искусство действия // Декоративное искусство. – 1991. – № 5. – Спец. вып.
6. Кикодзе Е. Новый русский перформанс // Комод. – 1999. – № 8. – 65 с.
7. Крючкова В. А. Антиискусство, теория и практика авангардических движений / В. А. Крючкова. – М., 1985. – 176 с.
8. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – М. : Издат. центр «Академия», 2007. – 432 с.
9. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–130.
10. Почепцов Г. Г. Медиа. Теория массовых коммуникаций / Г. Г. Почепцов. – К.: Альтапрес, 2008. – 416 с.
11. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
12. Почепцов Г. Г. PR для профессионалов [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов. – 2003. – URL: www.kprf.ru/library/classics/manuals/4210.html
13. Романов А. А. Притяжение перформатива. Очерки теории перформативности от Дж. Остина до наших дней / Романов А. А., Л. А. Романова. – М. : Ин-т языкознания РАН, «АгросферА» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.
14. Романова Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка / Л. А. Романова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. – 180 с.
15. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Т. 2. – М., 1999.
16. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 254 с.
17. Шарков, Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. – М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2010. – 592 с.
18. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / У. И. Шейгал. – М. : Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

МАЛОВА Н. С.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

За последние несколько десятков лет изучение иностранных языков стало обязательным не только для школьников и студентов, но также становится таковым для жителей Европы в целом, что прежде всего связано с созданием ЕС, когда Европа стала одной большой семьей. В 2002 г. Европейский Совет в Барселоне призвал к дальнейшим действиям по овладению базовыми умениями владения иностранными языками, а именно начать обучение детей в раннем возрасте двум иностранным языкам [1; 2]. Для того, чтобы это стало возможным, нужен иной подход к обучению иностранным языкам: он должен быть экономным по времени с тем, чтобы не перегружать и так напряженную программу

обучения. В отличие от других подходов к обучению иностранным языкам, содержательный интегрированный подход используется лишь как среда для обучения определенному содержанию, а содержание, в свою очередь, используется как ресурс для обучения иностранному языку. Таким образом, студенты начинают практически пользоваться иностранным языком одновременно с его усвоением, что способствует значительному повышению мотивации. Поэтому содержательный интегрированный подход к обучению иностранным языкам считается одним из инновационных путей как достижения цели обучить двум иностранным языкам помимо родного языка, так и улучшения качества обучения. По всей Европе проводятся многочисленные инновационные проекты с использованием содержательного интегрированного подхода. К самым ярким из них можно отнести Europe, 25 (Испания), Drama as a Teaching Method (Латвия, Германия), Language Learning through Film Education (Ирландия), Business Ethics (Ирландия), Language and Environment (Германия, Эстония), Science in English (Швеция) и др. [3, с. 3; 5, с. 2, 7]. Все эти меры призваны к тому, чтобы каждый европеец имел бы достаточный для коммуникации уровень языковой компетенции на двух иностранных языках, занимался бы повышением уровня своей иноязычной компетенции всю свою жизнь, а также чтобы улучшить уровень преподавания иностранных языков и создать обстановку, более благоприятную для изучения и использования иностранных языков.

Содержательный интегрированный подход к обучению сводится к обучению предмету обязательной программы (истории, географии и т. п.) в среде иностранного языка. Такой многогранный подход может иметь целый ряд преимуществ [4, с. 5]:

- 1) создание межкультурных знаний и понимание разных культур;
- 2) развитие умений межкультурной коммуникации;
- 3) совершенствование уровня владения иностранным языком, включая выработку необходимых компетенций;
- 4) развитие интереса и выработка дружелюбных отношений к другим языкам и культурам;
- 5) возможность изучать предмет с другой точки зрения;
- 6) возможность больше контактировать с иностранным языком;
- 7) отсутствие необходимости в дополнительных учебных часах;
- 8) возможность дополнять другие предметы, а не конкурировать с ними;

9) возможность разнообразить методы и формы обучения на занятиях;

10) увеличение мотивации у обучающихся и уверенности как в знании иностранного языка, так и изучаемого предмета.

Таким образом, содержательный интегрированный подход направлен на то, что дать обучаемым представление о новых идеях и понятиях по предметам обязательной программы средствами иностранного языка. Особо следует отметить, что с таких позиций каждый преподаватель является своего рода преподавателем языка. основополагающие принципы, к которым сводится работа в аудитории, можно представить следующим образом: 1. Язык используется и как средство обучения, и как средство коммуникации. 2. Содержание определяет те языковые средства, которые подлежат усвоению. Поэтому занятие, на котором используют содержательный интегрированный подход, не является ни чисто языковым, ни занятием по какому-либо предмету, которое просто ведется на иностранном языке. Успешное занятие с использованием данного подхода должно включать следующие элементы: а) содержание, что предполагает поступательное движение по приобретению знаний, умений и понимания какого-либо предмета обязательной программы; б) коммуникацию, т. е. использование языка, чтобы научиться во время научения тому, как пользоваться языком; в) познание, т. е. развитие умений мыслить, что связывает формирование понятий (абстрактных и конкретных), понимание и язык; г) культуру, что предполагает рассмотрение материала, подлежащего усвоению, с альтернативных позиций, а также осознание себя и других, отличных от тебя людей.

Каждое занятие с использованием содержательного интегрированного подхода должно сочетать работу по всем видам речевой деятельности: аудированию, чтению, говорению и письму, при этом аудирование рассматривается как стандартная деятельность по вводу информации, необходимой для изучения иностранного языка, чтение является основным источником информации (для чтения используется только значимый материал), при говорении упор делается на быстроту речи (реакции), правильность носит подчиненный характер, письмо представлено серией лексических заданий, с помощью которых улучшается знание грамматики. Если говорить об отличиях занятий с использованием содержательного интегрированного подхода от стандартных занятий по иностранному языку, то их можно свести к следующему: 1) происходит интеграция языка и умений как рецептив-

ных, так и продуктивных; 2) занятия часто базируются на текстах для чтения или аудирования; 3) языковое наполнение структурно не оформлено; 4) языковой материал функционален и определяется рамками изучаемого предмета; 5) к языковому наполнению подходят с лексических, а не с грамматических позиций; 6) при выборе формата задания учитывается то, какой стиль обучения более свойственен данной группе обучаемых. Таким образом, главное отличие такого занятия от стандартного занятия по иностранному языку заключается в исследовании языка, основанного на предмете изучения. В остальных же отношениях между такими занятиями наблюдается большое сходство, если преподаватель использует гуманистический, коммуникативный и лексический подходы к обучению иностранному языку.

Занятие по иностранному языку в рамках содержательного интегрированного подхода в одинаковой мере опирается на содержание и на язык и строится по следующему сценарию [6. с. 4]:

1. Обработка текста

Текст при этом сопровождается иллюстрациями с тем, чтобы обучаемые наглядно представляли все, о чем читают. Желательно также и наличие структурных маркеров в тексте (заголовки, подзаголовки, диаграммы). Как только определяют основное содержание текста, можно перейти к анализу организации текста.

2. Идентификация и организация знаний

Очень часто тексты сопровождаются диаграммами, которые помогают обучаемым провести категоризацию идей и информации в тексте. Структура текста используется для того, чтобы стимулировать процесс обучения, а также способствовать разработке заданий, которые развивают необходимые умения с точки зрения языка и формируют основы знания содержания изучаемого предмета.

3. Языковая идентификация

От обучаемых ожидают, что они смогут воспроизвести основную информацию из текста своими словами. Чтобы облегчить выполнение такой задачи, преподаватель выделяет основной вокабуляр и категоризирует его с функциональной точки зрения. Поэтому обучаемые будут нуждаться в словах и выражениях, которые нужны для сравнения и контраста, расположения и описания. Обучаемому необходимо также владение определенными дискурсными маркерами, устойчивыми словосочетаниями и пр.

4. Задания для студентов

Как и на стандартном занятии по иностранному языку, на занятии при использовании содержательного интегрированного подхода при выборе заданий надо учитывать конкретную цель обучения, особенности данной группы обучаемых в отношении их стиля научения, их предпочтения.

К заданиям, предусматривающим развитие умений рецептивных видов деятельности (чтение, аудирование), можно отнести следующие:

- 1) прослушайте/прочитайте и сделайте отметки на диаграмме, графике, таблице и т. д.;
- 2) прослушайте/прочитайте и заполните таблицу;
- 3) прослушайте/прочитайте и запишите специальную информацию (даты, цифры и пр.);
- 4) прослушайте/прочитайте и перегруппируйте информацию;
- 5) прослушайте/прочитайте и определите местоположение говорящего/описываемого места и т. д.;
- 6) прослушайте/прочитайте и пометьте этапы процесса / инструкции / последовательность событий и т. д.;
- 7) прослушайте/прочитайте и заполните пропуски.

К заданиям, предусматривающим развитие умений продуктивных видов деятельности, можно отнести следующие:

- 1) вопросно-ответные формы работы, нахождение терминов и дача их определений и пр.;
- 2) задания по заполнению пробелов в информации (на основе листа вопросов);
- 3) игры, цель которых заключается в том, чтобы догадаться о значении слова и пр.;
- 4) проведение опроса с помощью вопросника;
- 5) презентации обучаемых по пройденным темам.

Итак, отличие рассматриваемого подхода от других подходов к обучению языку заключается в том, что преподаватель иностранного языка также является преподавателем какого-либо предмета из обязательной программы. Язык в данном случае рассматривается как среда, с помощью которой осуществляется познание и коммуникация.

Литература

1. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Promoting Language Learning and Linguistic Diversity: An Action Plan 2004- 2006. - Brussels, 24.07.2003 COM (2003) 449 final - 9p.

2. Forum for Across the Curriculum Teaching. – URL: www.factworld.info.
3. Comenius Project TL2L. – URL: www.wcml.at.
4. Science Across the Curriculum. – URL: www.scienceacross.org.
5. Content and Language Integrated Project. – URL: www.cilt.org.uk/clil.
6. CLIL – how to do it. – URL: www.teachingenglish.org.uk/clil.

ПЕТРОВА Н. В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКАЗОК КАК ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ

Определить термин «сказка» не просто, что обусловлено развитием сказки в диахронии.

Как менялось время, так и менялась сказка. На ранней стадии своего развития сказки отражали миропонимание древних людей и, как следствие, содержали магический и мифологический смысл. С течением времени сказки утратили мифологический смысл, получив статус фольклорных произведений [15, с. 356]. Мифология и фольклор – это разные формы освоения мира человеком. Мифология – это исторически первая форма коллективного сознания народа, состоящая из совокупности мифов, образующих целостную картину мира, в которой элементы религиозного, практического, научного, художественного познания еще не различимы и не обособлены друг от друга [14, с. 83]. Под мифом здесь понимается «древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле, передающее представления людей о мире и месте человека в нем; создание коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающее действительность в виде конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием как вполне реальные» [20, с. 90]. Фольклор представляет собой «исторически первое художественное (эстетическое) коллективное творчество народа» [14, с. 83]. Основное отличие мифологии от фольклора состоит в том, что миф – это «священное знание о мире и предмет веры», а фольклор – это «искусство, художественно-эстетическое отображение мира, и верить в его правдивость не обязательно» [14, с. 83].

В настоящее время существует множество литературных сказок, которые, в отличие от народных сказок, имеют конкретного автора и несут в себе индивидуально-авторское понимание сказочных сюжетов. В связи с бытованием авторских сказок несколько изменилось представление о сказке как об исключительно фольклорном жанре. По определению Л. Н. Прохоровой, литера-

турная сказка – это сложный жанр, относящийся к письменному дискурсу, который включает совокупность характеристик, входящих как в прототипическую модель жанра фольклорной сказки, так и в структуры других категорий литературного дискурса [16, с. 8]. Иными словами, литературная сказка, с одной стороны, сохраняет общие свойства жанра народной сказки, с другой – привносит нечто новое, индивидуальное.

Под термином «сказка» также объединяются разнообразные виды устной прозы: устные рассказы о животных, волшебные истории, сатирические анекдоты и др. [15, с. 356]. К списку сказок также можно добавить многочисленные модификации сюжетов сказок, существующие в письменной форме в виде рассказов, повестей, романов.

Стремление учесть при толковании сказки ее исторические изменения содержится в статье из «Литературной энциклопедии». Сказка в доклассовом обществе определяется как рассказ мифологического характера, выполняющий на ранних стадиях развития человеческого общества производственные и религиозные функции. Сказка на более поздних ступенях своего развития – это жанр устной художественной литературы, имеющий содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением [18].

Полагаем, что на данном этапе развития сказки ее толкование как устного или письменного³ художественного произведения с необычным содержанием и специфическим композиционно-стилистическим построением следует отнести к прототипическому, поскольку именно такое представление о сказке является определяющим при понимании сказки человеком современным.

В настоящей работе сказка рассматривается в качестве прототекста. Прототекст – это первичный текст, на основе которого создается другой текст. Как следует отметить, тексты сказок обладают высокой степенью воспроизводимости, поэтому вместо термина «прототекст» представляется также возможным использовать термин «прецедентный текст». Прецедентный текст, по Ю. Н. Караулову, представляет собой текст, обладающий хрестоматийностью и общеизвестностью, эмоциональной и познавательной ценностью, реинтерпретируемостью, проявляющейся в его многократной интерпретации (вопроизводимости) в различ-

³ В письменной форме существуют многочисленные литературные сказки.

ного рода текстах, что в итоге ведет к тому, что такой текст становится «фактом культуры» [12, с. 217].

Новый текст по отношению к сказке как прецедентному тексту выступает как вторичный текст. Под вторичным текстом, вслед за С. В. Ионовой, будем понимать «интертекстуальное явление парадигматического типа, образующееся путем преобразования текста-основы» [10, с. 156].

Взаимодействие первичного и вторичного текста, прежде всего, осуществляется на основе интерпретации. Интерпретация – это истолкование, разъяснение смысла, значения текста [19]. Она представляет собой, как говорит В. Е. Хализев, «избирательное и в то же время творческое (созидательное) овладение высказыванием (текстом, произведением)» [23, с. 109].

Утвердилась точка зрения о том, что интерпретируемый текст получает дополнительный (новый) смысл. Это обусловлено рядом причин. Поскольку интерпретация – это субъективная категория, она неизбежно влечет за собой сотворчество автора и интерпретатора. Сотворчество предполагает право интерпретатора на свою «реплику». Эта «реплика» может значительно перерастать рамки интерпретируемых произведений. Анализируя «S/Z» Р. Барта [4], И. П. Ильин отмечает, что по своему объему эта работа приблизительно в шесть раз превосходит разбираемую в ней бальзаковскую новеллу «Сарразин» [9, с. 162]. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело ни с неким новым дополнительным смыслом к созданному автором тексту, а с самостоятельным произведением.

В акте сотворчества сталкиваются мир автора и мир интерпретатора. Между этими мирами, как отмечает В. З. Демьянков, нет тождества [8, с. 62], из чего следует, что тождественное понимание текста интерпретатором в принципе невозможно. Различие в мирах часто обусловлено объективными причинами: каждый культурный контекст не только «принимает» созданные в прошлом тексты, но и преломляет их через социально-психологические, идеологические, философские, национально-культурные призмы. Сам объект интерпретации, особенно художественный текст, обычно обладает многозначностью и скрытой неисчерпаемостью смысла, что также приводит к различным толкованиям текста.

По этому поводу Ю. М. Лотман пишет следующее: «Для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия. В естественной ситуа-

ции практически непостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т. е. фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность<...>. Даже утверждение, что оба участника коммуникации пользуются одним и тем же естественным языком (английским, русским, эстонским и т. д.), не обеспечивает тождественности кода, так как требуется еще единство языкового опыта, тождественность объема памяти. К этому следует присоединить единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивидуальность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному коллективу, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и воспринимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени. Из этого неизбежно вытекает относительность идентичности исходного и полученного текстов» [13, с. 13–14].

Наличие множества интерпретаций текста согласуется с известным понятием о «смерти автора» [3; 21]. Это понятие подчеркивает собственную жизнь созданного произведения, которое является семантическим полем свободного творчества интерпретатора.

Свобода творчества интерпретатора – это все же относительное понятие. Так, Х.-Г. Гадамер, с одной стороны, признавал и отстаивал необходимость личностного прочтения текста, утверждая, что интерпретация состоит не из воссоздания первичного авторского смысла, а в создании собственного текста, поскольку у интерпретатора есть личный опыт, который и задает алгоритм понимания; с другой стороны, Х.-Г. Гадамер говорил о «неком общем поле», которое способно соединить и автора, и интерпретатора [7, с. 48].

Поскольку восприятие опосредовано языком, считал М. Хайдеггер, то в языке следует искать универсальную роль в процессе постижения смысла. В частности, он писал, что язык – это «единственный способ обнаружения и раскрытия бытия» [22, с. 37]. Данной мысли созвучно следующее высказывание: «Отдавая должное воспринимающему текст сознанию, трудно согласиться с тем, что смысл привносится им в текст, а не извлекается из него» [24, с. 85].

Филологическая герменевтика, занимающаяся проблемой интерпретации текстов, как раз исходит из того, что опорой при извлечении смысла следует искать непосредственно в тексте.

Именно текст ставит предел множественности интерпретаций. Этот предел, как считает Л. Г. Бабенко, кроется в системно-структурной организации текста, в семантике используемых в нем языковых единиц. Именно они являются основой объективности интерпретации текста [2, с. 46].

Данные характеристики текста действительно ставят определенный предел интерпретации, однако, как следует еще раз подчеркнуть, нельзя при этом сбрасывать со счетов человеческий фактор в лице читателя. Восприятие текста зависит от его текстовой компетенции. Текст объективен, читательское восприятие индивидуально. Следовательно, системно-структурная организация текста и семантика используемых языковых средств не может обладать абсолютной гарантией объективной интерпретации. Речь может идти только об относительной объективности при опоре на язык и структурно-семантическую организацию текста.

Далее интерпретацию определим как вторичный текст, полученный в результате толкования сказки как прототекста. При интерпретации обычно сохраняется формальная и сюжетная составляющая сказки. Основной упор делается на вскрытие ее подтекста. Под подтекстом понимается «внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл высказывания, текста» [1, с. 331]. Подтекст, как отмечает И. Р. Гальперин, связан с восприятием информации одновременно в двух плоскостях [6, с. 45]. Имеется в виду ментальная деятельность, благодаря которой человек способен воспринимать информацию как на поверхностном (вербально выраженном), так и на глубинном (вербально невыраженном, скрытом) уровнях текста. Основой для восприятия глубинного уровня произведения служат вербально выраженные языковые средства, извлекаемые с поверхностного уровня текста.

Примером интерпретации может служить толкование сказки Ш. Перро «Красная Шапочка» Э. Берном [5, с. 202–203]. Поскольку интерпретация – это мыслительная деятельность, или, выражаясь словами В. А. Канке, интерпретация – это «мышление по поводу тех или иных фактов» [11, с. 187], она связана с постановкой вопросов, возникающих у интерпретатора, когда он пытается установить причинно-следственные связи описанных событий.

В результате прочтения сказки Э. Берн вычленяет ряд вопросов, сопровождая некоторые из них комментариями:

- Какая мать пошлет дочь в лес, в котором встречаются волки?
- Почему мать сама этого не сделала или не пошла с Красной Шапочкой?

- Что делает мать, избавившись на целый день от Красной Шапочки?

- Если бабушка настолько беспомощна, почему мать оставила ее так далеко жить одну в хижине?

- Если Красной Шапочке все же нужно идти, то почему мать не предупредила ее, что не нужно останавливаться и разговаривать с волками (из сказки ясно, что Красная Шапочка не знает, насколько это опасно?) Похоже, матери все равно, что случится с Красной Шапочкой. Возможно, она даже хочет от нее избавиться.

- Как могла Красная Шапочка видеть волчьи глаза, зубы, уши, лапы и думать, что перед ней ее бабушка? Почему она не убежала как можно быстрее? И какая она злая, если набивает брюхо волку камнями!

Результатом поиска ответов на поставленные вопросы являются следующие выводы:

- Мать, очевидно, хочет «случайно» избавиться от дочери, при этом иметь возможность сказать: «Разве это не ужасно? В наши дни нельзя даже погулять в лесу, чтобы волк...» и т. д.

- Волк, вместо того чтобы питаться кроликами и прочей мелочью, явно живет выше своих возможностей. Он должен понимать, что это добром не кончится. Следовательно, он сам напрашивается на неприятности. Очевидно, он в молодости начитался Ницше или чего-то еще в этом духе (если он может говорить и завязывать на голове чепец, почему бы ему не уметь читать?), и его девиз что-то вроде: «Живи с опасностями и умри со славой».

- Бабушка одна и не запирает дверь. Очевидно, она надеется, что произойдет что-нибудь интересное, что-то такое, чего не могло бы случиться, если бы она жила с семьей. Может, именно поэтому она не живет с родственниками или хотя бы по соседству. Очевидно, она еще достаточно молода.

- Красная Шапочка говорит волку, где он снова может ее встретить и даже ложится с ним в постель. Она явно играет в «Насилуют!» и остается вполне довольной происшествием.

- Эта история направлена против бедного волка. Мораль этой истории не в том, что невинные девушки должны держаться подальше от леса, в котором встречаются волки. Напротив, волки должны сторониться невинно выглядящих девушек и бабушек. Короче, волк не должен гулять по лесу в одиночку.

Кроме выводов, у Э. Берна остается еще один вопрос, обращенный к аудитории: С такой матерью и после такого опыта кем станет Красная Шапочка, когда вырастет?

Итак, взаимодействие сказки, как прецедентного текста, со вторичным текстом, ведущее к смене авторства, может осуществляться на основе механизма интерпретации. Интерпретация – это толкование сказки, направленное на вскрытие ее подтекста.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. – М. : Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 264 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Барт Р. S/Z. / Р. Барт. – М. : РИК «Культура»; Ad Marginem, 1994. – 303 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Вы сказали «здравствуйте». Что дальше? Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – Екатеринбург: ЛИТУР, 1999. – 576 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая категория // Вопр. языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–68.
9. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
10. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов / С. В. Ионова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 380 с.
11. Канке В. А. Философия. Исторический и системный курс / В. А. Канке. – М. : Логос, 2001. – 244 с.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера-история / Ю. М. Лотман. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
14. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
15. Померанцева Э. Сказка // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев С. В. Тураев. – М., 1974. – С. 356–357.
16. Прохорова Л. П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки (на материале английских литературных сказок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Прохорова. – Иркутск, 2003. – 18 с.
17. Рикер П. Герменевтика, этика, политика / П. Рикер. – М. : АО «КАМИ», 1995. – 160 с.
18. Сказка // Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_literature
19. Словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www/textologia.ru/slovari/litetaturovedcheski-terminology/?q=456>

20. Словарь литературоведческих терминов / С. Н. Белокурова. - СПб. : Паритет, 2006. - 320 с.
21. Фуко М. Что такое автор? // Современная литературная теория. Антология / сост. И. В. Кабанова. - М. : Флинта: Наука, 2004. - С. 70–91.
22. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. - М. : Республика, 1993. - 448 с.
23. Хализев В. Е. Теория литературы : учеб. для вузов / В. Е. Хализев. - М. : Высш. шк., 2000. - 398 с.
24. Щирова, И. А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы / И. А. Щирова, З. Я. Тураева. - СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. - 156 с.

СЕРЕБРЯКОВА-ЕЛИСАФЕНКО А. В.

МЕТОДИКА «ОБУЧЕНИЯ ПО СТАНЦИЯМ» КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Личностно-ориентированное обучение помогает преподавателю активизировать возможности каждого обучаемого, создавать такое психолого-педагогическое пространство, которое позволяет повысить успешность обучения одаренного студента, построить индивидуальную траекторию развития для не слишком активного ребенка, помочь подросткам с ослабленным здоровьем адаптироваться в учебном процессе [1].

Основными принципами личностно-ориентированного подхода, по определению доктора педагогических наук проф. И. С. Якиманской, являются [2]:

- использование субъективного опыта подростка;
- предоставление ему свободы выбора при выполнении задания;
- накопление знаний, умений и навыков не в качестве самоцели, а как важного средства реализации юношеского творчества;
- обеспечение на занятии личностно значимого эмоционального контакта студента и преподавателя на основе сотрудничества, мотивация достижения успеха через анализ результата учебного труда и самого учебного процесса.

Роль педагога заключается в том, чтобы дать возможность каждому подростку проявить себя: преподаватель теперь выступает в качестве организатора и координатора учебной деятельности [3].

Организация разнообразной учебной среды на занятии способствует не только повышению учебной мотивации обучающихся, но и созданию атмосферы сотрудничества, взаимного доверия между студентом и преподавателем [4]. У студентов снижается тревожность перед занятием и во время него, создается ком-

фортная обстановка, повышается успеваемость. Личностно-ориентированная учебная среда обеспечивает на занятии такую обстановку, когда студенту сложно получить двойку.

Переход к личностно-ориентированному обучению – процесс достаточно длительный, с большим количеством сложностей, требующий больших усилий со стороны преподавателя. Усилия эти должны быть направлены на преодоление своих собственных стереотипов в преподавательской деятельности, изменение своего менталитета. Это особенно важно при освоении технологии подготовки и проведения личностно-ориентированного занятия.

Замысел такого занятия заключается в создании условий для максимального влияния образовательного процесса на развитие индивидуальности студента. Организация учебного занятия предполагает:

- 1) применение педагогических приемов для актуализации и обогащения субъектного опыта студента;
- 2) проектирование характера учебного взаимодействия на основе учета личностных особенностей обучающихся;
- 3) использование разнообразных форм общения;
- 4) создание для студентов ситуации успеха;
- 5) проявление доверия и толерантности в учебных взаимодействиях;
- 6) стимулирование студентов к осуществлению коллективно-го и индивидуального выбора вида задания, формы его выполнения;
- 7) избрание приемов и методов педагогической поддержки в качестве приоритетных способов деятельности преподавателя на занятии.

В числе современных педагогических технологий, используемых при подготовке личностно ориентированных занятий, особого внимания заслуживает **методика станционного обучения**. Эта методика отвечает главным принципам личностно-ориентированного обучения. На наш взгляд, эту методику следует считать одним из перспективных направлений в современной системе образования.

Методика станционного обучения особенно эффективна при подготовке и проведении занятий, закрепления пройденного материала, занятий-практикумов, а также контроля усвоения новой темы.

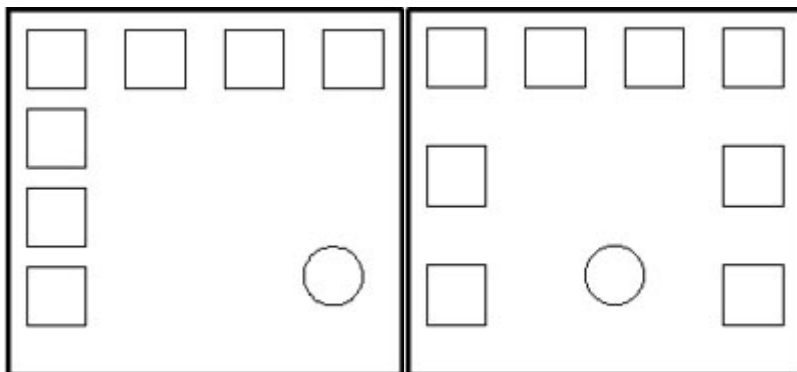
При проведении занятия по методике станционного обучения следует выделять три этапа:

- 1) подготовительный;
- 2) процессуальный;
- 3) рефлексивный.

Подготовительный этап – самый длительный и трудоемкий для преподавателя, так как требует от него много сил и времени. На подготовительном этапе преподаватель выбирает учебную тему, определяет цели урока. Преподаватель продумывает, сколько станций следует включить в занятие. Количество станций зависит от сложности, объема заданий и времени на их выполнение: чем сложнее задание, тем больше времени потребуется на его выполнение, тем меньше станций должно быть запланировано на уроке.

Что же такое станция? Это определенное место в учебном кабинете (обычно это отдельный стол, на котором установлена табличка с номером и названием станции), где ученик может выполнить задание этой станции. Самым удачным можно считать вариант, когда размер кабинета позволяет расставить столы так, чтобы учащиеся, переходя от стола к столу, т. е. от станции к станции, могли бы выполнять задание, находясь на этой станции, но тогда у каждого стола должны быть предусмотрены в достаточном количестве посадочные места, карандаши, фломастеры, бумага и прочее, необходимое для выполнения задания. Стол преподавателя должен быть расположен так, чтобы все обучающиеся находились в поле его зрения [5].

Примерные схемы расположения станций:

Но поскольку в практике преподавателя такие возможности крайне редки, можно расставить таблички с номерами и названиями станций на одном или двух столах, расположив их в пе-

редней части аудитории, у доски. В таком случае студенты будут подходить к «станции», брать карточку с заданием этой станции и выполнять его на своем месте. Нужно только предупредить студентов, что они не могут приступить к выполнению задания следующей станции, не выполнив задания предыдущей.

Важный момент в подготовительном этапе – это разработка сопроводительного листа (я называю его маршрутной картой). Маршрутная карта – это лист с номерами и названиями станций, полями для ответов на каждой станции. В этот лист учащиеся вписывают свои ответы, наклеивают в нужном порядке разрезанные на отдельные фрагменты тексты или выполняют творческие задания, которые указаны на станциях. В этой же маршрутной карте выставляются баллы при самоконтроле учащихся после завершения маршрута. В правом нижнем углу маршрутной карты студенты пишут сумму баллов, полученных на всех станциях, а затем по разработанной преподавателем шкале переводят сумму баллов в оценку.

Большое внимание надо уделять подготовке дидактического материала, который должен быть интересным и посильным для выполнения за отведенное время. Задания на станциях могут быть самыми разными. Например, прочесть текст и ответить на вопросы, вставить нужную видовременную форму глагола в предложение, нарисовать то, что описано в предлагаемом тексте, решить кроссворд и т. д. В процессе подготовки к уроку обязательно составляется лист ответов (ключей) к заданиям на станциях, который необходим для самоконтроля учащихся. Лист ключей выдается ученикам только тогда, когда они завершат прохождение станций. Ключи могут быть продемонстрированы на интерактивной доске для всей группы сразу. При проверке работ можно организовать взаимоконтроль.

Процессуальный этап – это непосредственно занятие, на котором обучающиеся, переходя от станции к станции, выполняют задания. Студенты сами решают, работать ли им индивидуально, в парах или в малых группах. Право выбора остается за студентами. Если дети решают работать группой (4-5 человека), то они получают одну маршрутную карту на группу, а если студент идет по станциям индивидуально, то каждый студент имеет свою карту. Порядок следования от станции к станции дети выбирают сами. Их ограничивает лишь время, отведенное преподавателем для прохождения станций. Причем преподаватель не ограничивает время выполнения задания на каждой станции. Он

только сообщает ученикам, сколько времени отводится на выполнение заданий всех станций в целом. Поэтому целесообразно иметь в аудитории часы, ориентируясь на которые студенты сами смогут выбрать нужный темп работы.

Английский, как и любой другой язык – это средство общения. Поэтому преподаватель должен предусмотреть станцию, на которой обучающиеся должны проявить свои речевые навыки, например, составить диалог с напарником или высказаться по определенной теме. В таком случае преподаватель находится на этой станции в качестве слушателя. Студенты после подготовки диалога или устного рассказа проговаривают подготовленное задание перед преподавателем. Но преподаватель может включить в занятие станцию, на которой он сам является партнером студента по учебной деятельности, его собеседником. Именно на этой станции преподаватель имеет возможность поработать индивидуально со студентом или малой группой обучающихся, выявить языковой уровень этих ребят, проанализировать ошибки в речи обучающихся, провести коррекцию этих ошибок, на этой станции преподаватель выставляет в маршрутную карту баллы, полученные обучающимся при собеседовании.

Преподавателю нельзя забывать и о станции релаксации, на которой задание будет легким, студент выполнит это задание без особого напряжения, а полученный результат вселит веру в возможность успеха для каждого студента. Станция релаксации может вообще не содержать учебного задания, за которое ученик должен получить какие-то баллы. На этой станции можно поместить задание, выполнив которое, студент получает просто какую-то маленькую награду или приз. Например, нужно из предложенных карточек с английскими буквами составить слово, а это слово и будет обозначать название приза, этот приз находится в коробке на столе преподавателя. Показав составленное слово преподавателю, студент получает отгаданный приз.

Процессуальный этап может длиться целое занятие или часть занятия. Это зависит от количества станций и трудности заданий, предложенных преподавателем. Если процессуальный этап занимает часть занятия, то следующий рефлексивный этап проводится на этом же уроке. Если процессуальный этап занял все занятие, то рефлексивный этап проводится на следующем занятии. В том случае, если на станциях были задания творческого характера, то проверка этих заданий и их оценка выполняется самим преподавателем, а рефлексивный этап проводится на сле-

дующем занятии, так как преподавателю нужно время для проверки творческих письменных работ обучающихся и их анализа.

Рефлексивный этап предусматривает самоконтроль и самооценку. Студентам раздаются листы ключей к заданиям, которые они выполняли на станциях. Они сверяют свои ответы с правильными и вписывают в маршрутные листы заработанные ими баллы.

Затем им предлагается шкала перевода баллов в оценку. Таким образом, ребенок проводит самооценку своего труда. Роль преподавателя на данном этапе заключается в том, чтобы проанализировать типичные ошибки обучающихся, провести коррекционную работу. Если работа на станциях заняла все занятие, то рефлексивный этап можно проводить на последующем занятии. В таком случае у преподавателя есть возможность самому проанализировать ошибки обучающихся по их маршрутным картам и продумать работу по коррекции ошибок.

На наш взгляд, одним из путей развития станционной методики является способ дифференциации заданий на каждой станции. Так, в разработке занятия по методике станционного обучения, приведенной в этой работе, на станциях обучающимся предлагаются для выполнения задания одного уровня сложности. С точки зрения лично ориентированного подхода в обучении английскому языку стоит предусмотреть на каждой станции задания разных уровней сложности, чтобы студент мог выбрать задание по своим силам. В таком случае можно использовать карточки разного цвета. Например, карточка зеленого цвета обозначает задание элементарного уровня, выполнив которое, студент получает «3». Карточка желтого цвета – задание среднего уровня сложности с оценкой «4». А карточка красного цвета – задание повышенной сложности, выполнив которое, ученик получает «5». Студент сам решает, какой уровень сложности ему «покорится». Поначалу все будут браться за задания на «5», но систематическая работа по станционной методике научит подростков реально оценивать свои силы. Кроме того, дифференцированные задания на станциях дадут преподавателю возможность работать на одаренного студента, который опережает товарищей по скорости учебной работы, у этого студента появится возможность изучать предмет глубже, чем это предусмотрено программой.

Методика станционного обучения практически универсальна в использовании, т. е. она может применяться в преподавании любого предмета.

В деле обучения и воспитания студентов идеальных методик не существует. Думается, что использование только одной, пусть даже самой хорошей и современной методики, приводит к однобокости в преподавании любого предмета. И только совокупность разнообразных технологий, приемов и методов может дать необходимый нам результат, а именно глубокие и прочные знания, повышение мотивации, интереса к изучаемому предмету, создание условий для саморазвития и самореализации студента. Поэтому методика станционного обучения наряду с другими современными технологиями имеет право на существование, изучение и применение.

Литература

1. Горелик И. Ф., Степанов Е. Н. Характерные черты лично ориентированного урока // Завуч. 2000. № 6. С. 3.
2. Якиманская И. С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. М., 1996. С. 6.
3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. М., 1998. С. 17.
4. Пименов А. Ю. Личностно ориентированная школа: утопия или реальность? // Завуч. 2001. № 3. С. 8.
5. Там же. С. 5

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сопредседатели: Проходовская Р. Ф., канд. пед. наук, профессор, заведующая кафедрой физического воспитания и спорта (Иркутский государственный университет)

АКИШИН Б. А.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ С УЧЕТОМ ИНТЕРЕСОВ СТУДЕНТОВ

Реформирование системы высшего образования в России по принципам Болонской конференции предполагает формирование новых государственных стандартов, которые начинают вводиться в высшей школе на этапе модернизации. Основной целью преобразований становится повышение качества образования на основе выработанных критериев, доступных для сравнения с общеевропейскими.

Инновационные методы в системе формирования специалистов становятся все более и более важными на всех этапах образования и по всем направлениям. Несомненно, преподавание физической культуры в вузе также будет претерпевать инновационные изменения, соотносясь с политикой в области физической культуры, которая сформировалась в Европе.

На протяжении последних лет главной проблемой в преподавании дисциплины «Физическая культура» становится повышение мотивации к занятиям физической культурой у молодежи на всех этапах развития молодого организма, устойчивое формирование ценностей физической культуры на протяжении всей жизни человека. Такая задача требует от правительства формирования новой системы мер воздействия на общество, которая должна была бы реализовываться непрерывно на протяжении нескольких поколений. Система, сложившаяся при советской власти, к сожалению, в последние годы была нарушена. Это связано с тем, что переход на новые общественные отношения в Рос-

сии привел к противоречию между старой нормативно-стандартной системой преподавания физической культуры и необходимостью учета индивидуальных потребностей личности, при которой студент сам может выбирать свою траекторию физического развития. В ближайшем будущем направленность занятий по физической культуре будет ориентироваться не на передачу собственного опыта преподавателя, а на воспитание индивидуальности и физкультурной компетентности. При этом стремление к физическому совершенствованию переносится на самостоятельный выбор индивидуума.

Принципы свободы выбора формы занятий физической культурой в вузе являются одними из основополагающих организационно-методических принципов реализации инновационных технологий физического воспитания. При этом одной из главных задач кафедр физического воспитания становится поддержка стремлений студентов в занятиях спортом.

Поиск путей сближения физкультуры и спорта в вузе на основе реализации их социальных функций, переноса высоких спортивных технологий в практику физического воспитания и формирования устойчивой жизненной позиции, ориентированной на спорт, является одной из главных проблем современного воспитательного процесса.

Построение учебных занятий на основе избранного студентом вида спорта требует значительных организационных мероприятий, формирования специальных учебных программ, учитывающих требования руководящих документов органов образования и интересов студентов. Понятно, что возможности внедрения такого подхода к занятиям по физической культуре всегда ограничены материальной базой и квалификацией кадров, но эффективность такого подхода подтверждается не одним поколением студентов.

Объединение двух условий – личной заинтересованности и высокой мотивации к занятиям физической культурой при сохранении дидактической составляющей системы физического воспитания является высшим искусством педагога. Тем не менее, если положить в качестве целевой функции образования в области физической культуры развитие физических показателей студентов и формирование устойчивой парадигмы на здоровый образ жизни в будущем, то всегда можно сформировать комплекс мероприятий, реализующих указанную цель в различных видах спорта.

Усиление акцента на самостоятельные занятия и их стимулирование в течение всего учебного времени повышает мотивацию к занятиям физической культурой и вероятность того, что молодые люди под влиянием педагогов смогут сформировать устойчивые навыки к занятиям физкультурой и спортом на будущую взрослую жизнь. Необходимо отметить, что государство целенаправленно осуществляет политику непрерывной поддержки молодежи для занятий физической культурой и спортом от детских садов до вузов.

Однако после окончания обучения в образовательных учреждениях молодежь не всегда сохраняет устойчивый интерес к ценностям здорового образа жизни. На наш взгляд, это связано с тем, что программа дисциплины «Физическая культура» не стимулирует постоянного совершенствования физических показателей студентов, более того, образовательная составляющая программы в значительной степени отстает от учебно-тренировочной. Необходимо считать главным результатом педагогических усилий после многолетних непрерывных занятий физической культурой формирование у молодежи ценностей здорового образа жизни, которое должно сохраняться на протяжении всей дальнейшей жизни современного человека.

В докладе рассматриваются особенности реализации индивидуальной подготовки студентов во время учебных занятий и во внеучебное время по согласованному расписанию студента и преподавателя, ориентированной на спортивную подготовку по избранному виду спорта и физическое воспитание, главной составляющей которого является оздоровительный характер.

Анализируя посещаемость студентов занятия по физической культуре, их физическое развитие в течение трех лет, мотивацию к занятиям физическими упражнениями, было определено, что спортивно-ориентированный подход к организации занятий по физической культуре у студентов в вузах оптимален.

ОПЕРЕЖАЮЩИЙ ПОДХОД В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

По данным литературных источников видно, что специалисты в области педагогики сходятся во внимании о том, чтобы считать младший школьный возраст наиболее благоприятным для решения основных задач школьного физического воспитания. Если в это время у ребенка не происходит полноценного развития основных физических (двигательных) умений и навыков, то самые плодотворные периоды для развития его физического потенциала могут быть безвозвратно упущены (Бальсевич В. К., 1971; Вильчковский Э. С., 1977; Ежовская К. А., 1995; Обухова Н. Б., 2002).

По мнению Н. Б. Обуховой (2002), в младшем школьном возрасте почти все показатели физических качеств имеют очень высокие темпы прироста. Исключение составляет лишь показатель гибкости, темпы прироста которого в этот период начинают снижаться.

Как показали исследования, возрастной интервал 8–9 лет благоприятен для закладки практически всех физических качеств и координационных способностей, реализуемых в двигательной активности человека. Если такой закладки не произошло, то время формирования физической и физиологической основы будущего кинезиологического потенциала можно считать упущенным, ибо все дальнейшие шаги в этом отношении окажутся неэффективными и противоречащими основным законам развития моторики человека, нарушающими гармонию этого развития (Бальсевич В. К.? 2000; Лях В. И., 2000; Холодов Ж. К., Кузнецов В. С., 2007).

Л. В. Волков (1973) отмечает, что наибольший прирост способностей под влиянием систематической тренировки наблюдается в возрасте 8–9 лет. В этом возрасте преимущество тренирующихся детей перед нетренирующимися было особенно велико. Следовательно, если это время упустить, т. е. не использовать наиболее благоприятные возможности для развития физических качеств, в том числе скоростно-силовых, то в последующие возрастные периоды его нельзя будет ничем компенсировать.

По мнению И. А. Аршавского (1982), именно в этот период происходит завершение анатомо-физиологического созревания систем, обеспечивающих двигательную сферу ребенка. Однако в начале периода эти системы еще далеки от созревания, сам про-

процесс развития моторики еще далек от завершения, хотя и протекает в этом возрасте с высокой степенью интенсивности.

В возрасте 8–9 лет происходит также бурное развитие биодинамики движений ребенка и, прежде всего, их координационного компонента. Способность детей к освоению техники движений настолько велика, что многие новые двигательные умения приобретаются без специального инструктажа. Исследования особенностей обучения детей младшего школьного возраста показали, что они значительно быстрее осваивают элементы техники сложных спортивных упражнений, чем подростки и юноши (Бальсевич В. К., 1996; Лях В. К., 2000).

Начало учебы в школе, как и незавершенный еще процесс формирования двигательного аппарата, обуславливают необходимость проявления осторожности при дозировании физических нагрузок младших школьников. Ограничения касаются применения силовых упражнений, тренировочных нагрузок на выносливость.

В младшем школьном возрасте необходимо воспитывать у ребенка интерес к расширению диапазона физических способностей посредством овладения основами техники спортивных упражнений, приемов и действий. Развитие физических качеств в соответствующие сенситивные периоды – главная направленность физической подготовки детей младшего школьного возраста (Лях В. И., 1987; Фомин Н. А., Вавилов Ю. Н., 1991).

В последние годы в спортивной науке остро обсуждается вопрос о путях максимального использования благоприятного возрастного периода (младший школьный возраст) для развития двигательной функции человека. Однако современный уровень знаний пока не позволяет в полной мере решить эту проблему, что и обуславливает необходимость ее дальнейшего исследования.

Младший школьный возраст (8–9 лет) – наиболее ответственный период в формировании двигательных качеств ребенка. В этом возрасте закладываются основы культуры движений, успешно осваиваются новые, ранее неизвестные упражнения и движения (Филин В. П., 1968; Бальсевич В. К., 2000; Лях В. И., 2000; Маввидис А., Софиадис Н., Мантис К., 2000).

Для теории и практики физического воспитания важное значение имеет познание общих закономерностей возрастного развития основных физических качеств и изучение возможности управления процессом воспитания этих качеств в школьном возрасте. В этой связи особую актуальность приобретает проблема согласования биологического роста детского организма с направ-

ленным воздействием физической нагрузки, так как этап интенсивного развития физического потенциала человека ограничен по времени. На эту важную особенность возрастного развития моторики указывают в своих трудах Фарфель В. С., Филин В. П., Бальсевич В. К., Кузнецова З. И., Карсаевская Т. В., Верхошанский Ю. В., Хрипкова А. Г., Лях В. И., Волков Л. В.

По мнению З. И. Кузнецовой (1967), А. А. Гужаловского (1984), эффект направленных воздействий на физические качества школьников находится в прямой зависимости от того, в какой из периодов они осуществляются. Наибольшие приросты показателей физической подготовленности отмечаются, когда адекватные, соответственно направленные воздействия на те или иные качества (способности) в процессе физического воспитания «совмещаются» с выделенными авторами периодами «максимальных темпов прогресса», с так называемыми сенситивными периодами развития физических (двигательных) качеств. По мнению уважаемых авторов, не реализованные в определенном возрасте двигательные возможности организма в дальнейшем трудно поддаются значительным изменениям, а возмещение ущерба от упущенного благоприятного периода для воздействия на то или иное физическое качество в последующем оказывается проблематичным (Фролов С. В., Фролов С. С., 2009).

В других исследованиях (Гендельсман А. Б., 1970; Волков Л. В., 1986) отмечается, что педагогические воздействия на функциональные системы организма могут быть как положительными, так и отрицательными. Так, перегрузки физическими упражнениями в 7–10-летнем возрасте приводят к деформации суставов нижних конечностей, к ухудшению сна и субъективным расстройствам, снижению функционального состояния всего организма школьников, к нарушению баланса нервных процессов и как следствие этого – к нервозу (Доскин В. А., Куинджи Н. Н., 1989).

В своих исследованиях А. Г. Хрипкова (1976) поясняет, что организм детей в школьный период характеризуется преобладанием ассимиляционных процессов, в результате которых появляется большое количество новых клеток, тканей и органов, в их росте и дифференциации, и это приводит к увеличению массы тела. Даже если двигательная активность школьника в этот период не будет соответствовать физиологической норме, то уровень физической подготовленности, в силу преобладания процессов ассимиляции, все равно будет прогрессивно повышаться. Именно

возрастающая интенсивность процессов ассимиляции обуславливает ускорение функционального развития.

На практике сложилась противоречивая ситуация, связанная с определением содержания педагогического воздействия в сенситивные периоды.

Учитывая возможность этих периодов в онтогенезе, рекомендуют использовать адекватные направленные воздействия на организм с сенситивными периодами. Подобный подход в теории физического воспитания получил название «сенситивные периоды развития двигательных качеств» (Фролов С. В., Фролов С. С., 2009). Именно этот промежуток времени является наиболее благополучным для педагогического воздействия на соответствующие физические качества. Подобный подход в теории стал называться «сенситивным периодом развития физических качеств».

Однако, по мнению С. В. Фролова (2008), при выполнении физических упражнений с большой интенсивностью могут активизироваться процессы диссимиляции, что негативно будет влиять на естественное развитие соответствующего физического качества, а точнее – на естественное развитие именно тех функциональных систем организма школьника, которые это качество определяют.

Понимать в буквальном смысле чувствительный (сенситивный) период естественного развития организма как период развития того или иного физического качества, видимо, надо с поправкой, а именно: при определенных обстоятельствах (и возникают они нередко). Специализированная физическая нагрузка, повышая интенсивность диссимиляции, может вступить в противоречие с естественными процессами развития – ассимиляцией – именно тех функциональных систем, которые обеспечивают проявление физических качеств. Другими словами, специализированная физическая нагрузка может нарушить естественное возрастное соотношение интенсивности процессов ассимиляции и диссимиляции. Возможно, следует говорить о чувствительных периодах роста и развития только морфофункциональных систем организма, а педагогическое воздействие строить только по показателям функциональных систем. Но прямые физиологические и биомеханические периоды контроля в условиях школы пока недостаточны.

В наших исследованиях мы опирались на принцип физической подготовки детей и на сформулированный М. Д. Антроповой принципом «содействия естественному физическому развитию».

Исследователи предложили сместить воздействие адекватных физических упражнений, направленных на физические качества, с сенситивных периодов на ближайшие предшествующие им во времени периоды, когда в организме процессы ассимиляции находятся в начальной стадии, обозначив термином «предсенситивные периоды», а этот методический прием обозначили как опережающий подход в процессе физического развития двигательных качеств школьников (Фролов С. В., 1993; Фролов С. В., Фролов С. С., 2005, 2008).

Необходимо отметить, что по мнению С. В. Фролова, С. С. Фролова (2008), адаптационные изменения являются новообразованиями. Процессуально физическое развитие человека носит изменчивый характер, но структурно, как последовательная цепочка явлений во времени, оно постоянно. Адаптационные изменения происходят в пространстве возможностей человека. Развитие постепенно и последовательно, в строгом соответствии с генетической программой, расширяет это пространство, порождая новые возможности, отсутствующие на его прежних ступенях. Новые возможности возникают не как ответная реакция на воздействие окружающей среды, а в первую очередь как последовательное созревание, управляемое стабильным генетическим кодом, хотя и с учетом факторов окружающей среды. Многие характеристики развития во времени в некотором смысле абсолютно стабильны и предсказуемы, в отличие от адаптации, суть которой – нестабильность.

Таким образом, есть все основания подтвердить справедливость тезиса «Развитие только создает возможности – обучение (воспитание) их реализует». Во времени процесс развития идет впереди процесса физического воспитания (обучения) и диктует ему содержание. Следовательно, есть основание заключить, что эффективность физического воспитания определяется отношением между физическим упражнением и ответной реакцией организма учащихся на него. Завершаться педагогический процесс будет адаптационными изменениями в пределах уже вызревших (развившихся) возможностей ученика. Тем самым мы поддерживаем мнение Ж. Пиаже (1969), который сказал: «Обучение идет в хвосте развития» [4, с. 579].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что опережающий подход реализуется не в ситуации, когда процессы по отношению друг к другу разнесены во времени, а только при условии, что процессы, взаимосвязаны временем, когда ход одного из них

предопределяется причинами другого и зависит от фактора своевременности. И идут эти процессы неразрывно и строго последовательно. Так, заранее зная генетически обусловленную последовательность онтогенеза во времени и качественные особенности его стадий, можно с опережением целенаправленно содействовать его ходу. Такая возможность обуславливается вторым фундаментальным свойством жизни – наследственной изменчивостью.

Опережение как предвосхищающая функция строго определенной последовательности процессов во времени обнаруживается во всех формах природы, общества, мышления. Генетическая программа складывается в живых организмах, опережая процесс онтогенеза. Социальная система отношений формируется прежде социализации личности. В структуре личности отношения к миру и с миром предшествуют возникновению отношений к себе и с самим собой. Нравственные заповеди опережают формирование достойного поведения. Концепция и соответствующие программы предшествуют совершенствованию педагогического процесса. Возникновение потребностей и мотивов опережает действия человека. Сам процесс образования, в сущности, есть опережение, так как, забегая во времени вперед, именно от цели, опережая индивидуальное развитие, заранее готовит учащегося к будущей взрослой жизни.

Отсюда делаем вывод: научное обоснование процесса физического воспитания школьников без такой его фундаментальной характеристики, как опережение, будет неполным. Опережение – фундаментальная закономерная характеристика и биологической, и социальной жизни человека; одно из основных, исходных положений и подходов, определяющих содержание и направленность педагогического процесса, гарантирующих его управляемость и результативность. Реализация опережения как методологического принципа – в практическом смысле опережающий подход – предполагает в процессе физического воспитания не только учитывать текущий уровень физического и моторного развития каждого учащегося, но и, предвидя их ближайшее индивидуальное физическое и моторное развитие, содействовать их развитию на основе учета его относительно стабильной, а значит, и предсказуемой, генетически обусловленной последовательности. Опережение как методологический принцип физического воспитания школьников еще предписывает, что каждый учащийся в школьные годы должен овладеть способностью четко осознавать свое ближайшее и отдаленное будущее в пространстве фи-

зической культуры и с учетом индивидуальной жизненной перспективы учиться самостоятельно выбирать и творчески реализовывать пути, которые приведут его к поставленной цели. А специалисты по физической культуре в ходе планирования и управления учебным процессом должны транслировать индивидуально ориентированные физкультурные знания как основу активности и самостоятельности учащихся, ориентируясь именно на их будущее.

Принцип опережения – пока научно недостаточно разработанное звено в теоретической цепочке педагогической теории и практики. Дальнейшее совершенствование целостного педагогического процесса нуждается в осознании и признании опережения как одного из методологических принципов теории физического воспитания школьников.

Литература

1. Бальсевич В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М. : Теория и практика физкультуры, 2000. – 274 с.
2. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собр. соч. Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – С. 231.
3. Лубышева Л. И. Физическая и спортивная культура: содержание, взаимосвязи и диссоциации // Теория и практика физ. культуры. – 2002. – № 3. – С. 11–14.
4. Пиаже Ж. Логика и психология // Избр. психол. тр. – М., 1969. – С. 579–583.
5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов.энциклопедия, 1984. – 1600 с.
6. Советский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.] – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
7. Фролов С. В. Педагогический контроль за индивидуальной физической подготовленностью учащихся общеобразовательной школы с использованием ЭВМ: дис. ... канд. пед. наук / С. В. Фролов. – М., 1993

ГИЛЕВ Г. А.

К ВОПРОСУ АДАПТАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ ОСВОЕНИЯ СТУДЕНТАМИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Интенсивность учебных нагрузок в современных средней и высшей школах повышает значимость физического воспитания учащихся. Регулярные занятия разнообразными физическими упражнениями и спортом в учебном процессе дают организму дополнительный запас прочности, повышая его устойчивость к самым разнообразным факторам внешней среды. Физическая культура и спорт в учебном процессе используются как средство активного развития индивидуальных и профессионально значимых для школьников и студентов качеств, как средство достиже-

ния ими физического совершенствования, как средство социального становления будущих специалистов.

Для большинства людей, заканчивающих высшее учебное заведение, работа по специальности связана со значительным снижением физической нагрузки и возрастанием роли внимания, точности движений, быстроты реакции. Сочетание физической детренированности и повышения нервно-эмоционального напряжения организма в условиях интенсификации производства и ускоряющегося ритма жизни приводит к преждевременной усталости, ошибкам в производственной деятельности, которые тем серьезнее, чем более сложной техникой управляет человек. Установлена прямая зависимость между успеваемостью студентов и их физическим развитием, и хотя значительная часть людей не находит прямой взаимосвязи учебных оценок и объема физических нагрузок в вузе, она существует. Механизм такой взаимосвязи можно условно сравнить с действием инерционных весов (из-за инерции они не сразу перевешивают в ту или иную сторону). Аналогично при обучении в сочетании с регулярными занятиями физическими упражнениями и спортом и в отсутствии их важно учитывать влияние двух обобщающих факторов: накопления и неизбежности проявления изменений. Эти факторы могут оказывать положительное и отрицательное влияние.

Положительное влияние состоит в том, что при регулярных занятиях физической культурой и спортом формируются волевые качества, устойчивость к стрессам, повышается умственная работоспособность, физиологически обусловленная активизацией энергообмена, увеличением капилляризации и т. п. Все это неизбежно приводит к повышению эффективности обучения в школе и вузе.

Отрицательное влияние заключается в том, что пренебрежение двигательной активностью приводит к накоплению факторов риска, снижению резервных возможностей организма, а это неизбежно рано или поздно проявится в заболеваниях, что, естественно, отражается на умственной и физической работоспособности, затруднениях в учебе.

В работах многих зарубежных и отечественных ученых показано, что физически более развитые студенты выполняли теоретические и практические задания по изучаемым дисциплинам быстрее и лучше, делали меньше ошибок, более продолжительней по времени сохраняли высокую умственную работоспособность, быстрее восстанавливались после напряженного умственного труда.

Актуальным вопросом физического состояния учащихся и студентов является гиподинамия, которой подвержена большая часть современного общества вследствие постепенной ликвидации физической нагрузки как в профессиональном труде, так и в быту.

В борьбе с отрицательным влиянием гиподинамии на организм другой альтернативы, кроме физической активности, не существует. Однако определение оптимальной «дозы» этой активности для каждого конкретного лица представляет собой сложную задачу, связанную с индивидуальными адаптивными возможностями к тренировочным нагрузкам и компенсаторными процессами восстановления. Превышение объема и интенсивности физической нагрузки, как правило, связано с отрицательным влиянием на организм занимающихся. В связи с этим оценка функциональных возможностей и двигательной подготовленности организма – неотъемлемое условие правильного дозирования физических нагрузок в тренировочном процессе.

За последние годы произошли существенные изменения в понимании сущности здоровья, которое стало рассматриваться не только как медицинская, но и как философская и социально-педагогическая категория; как многоаспектный и системный объект исследования.

Общепризнано, что занятия физической культурой и спортом оказывают профилактическое воздействие на организм человека, повышают уровень его здоровья, способствуют увеличению сопротивляемости организма неблагоприятным воздействиям окружающей среды, способствуют отказу от вредных привычек, а повышение уровня двигательных навыков существенно снижает риск травматизма. Известно, что многие предпатологические состояния учащихся и студентов можно предупредить средствами физического воспитания.

Необходимость адаптации студентов, особенно 1-х курсов, к учебной деятельности в условиях вуза давно не вызывает сомнения. Однако исследования по данному вопросу в отечественной и зарубежной литературе крайне скудны. Не разработаны средства и методы повышения адаптационных возможностей студента к обучению. Не изучен феномен дезадаптации выпускников школы при поступлении в вуз. На наш взгляд, разработка простой в обращении информативной системы комплексной оценки статусных характеристик, а также единого подхода сбора, оценки и обработки субъективной и объективной информации статусных психофизиологических, соматических и других показателей

явится действенным средством для методологического обоснования повышения адаптационных возможностей студента к обучению.

Освоение огромной и всевозрастающей информации без учета адаптационных возможностей студента закономерно приводит к тупиковому пути в совершенствовании личности. Неспособность адекватно воспринимать и реагировать на возросший уровень информации, окружающую «атмосферу» в вузе, преподавателей, сокурсников и т. п. связана с большим набором психологических проблем, психосоматических и психических расстройств и неадекватных видов защитного поведения, которые негативно влияют на успешность освоения нового учебного материала. В то же время высокая способность адаптации к новым условиям (вузовским реалиям) служит интеграционным, антропологическим фактором, гарантом успешной учебы студентов.

Физическая культура как учебная дисциплина играет существенно большую роль, чем это ранее представлялось при изучении вопросов адаптации студентов-первокурсников к учебному процессу. Фундаментальные закономерности развития и совершенствования личности под влиянием регулярных занятий физической культурой и спортом позволяют говорить не только о повышении адаптации к физической нагрузке, совершенствованию физических и психологических навыков, способностей и качеств, об укреплении здоровья студентов, но и о повышении их когнитивных способностей и других статусных характеристик личности.

В настоящее время в образовании, медицине и в физическом воспитании используется множество субъективных и объективных методов оценки статусных характеристик личности, ее адаптации. Однако, по существу, отсутствуют подходы, позволяющие с системных, целостных позиций рассматривать, оценивать и интерпретировать разношерстные данные.

На практике существует множество методик, учитывающих уровень адаптации личности, основанных на психологических (субъективных) и физических (объективных) признаках. Однако следует заметить, что все эти методики, несмотря на свою высокую надежность, существуют отдельно, независимо друг от друга, т. е. уровень адаптации личности оценивается либо по методикам, основанным на психологических параметрах, либо по методам, основу которых составляют физиологические или физические признаки.

Следовательно, можно предположить, что наиболее эффективное решение этой проблемы возможно в случае большего уче-

та психических, физиологических, физических и других показателей одновременно. Другими словами, надежность интеграционной антропологии, основанной на психофизиологической диагностике в плане ее прогностичности, в большой степени зависит от полноты «охвата» оценки субъекта.

Встает вопрос о надежном инструментарии, который позволял бы выявлять сильные и слабые стороны личности и учитывать их в развитии, обрабатывать объем диагностической информации, формируя дифференцированные результаты в табличном и графическом видах.

В этой связи нами разработана модель, которая позволяет установить соответствие между психическими, физиологическими и физическими состояниями в процессе адаптации и определять зоны особого внимания в структуре личности, приводящие к субъективному состоянию, обозначенному нами как «предсрыв».

Диагностика оценки уровня адаптации и развития личности в нашей модели «Эксперт-Антистресс» включает в себя два основных раздела:

- 1) фоновую диагностику и 2) контрольную диагностику.

Фоновая диагностика осуществляется в фоновой ситуации для выявления типологических свойств обследуемого.

Все перечисленные параметры снимаются с помощью инструментальных методик на приборе «Активациометр» и заносятся в компьютерную программу «Паспорт здоровья студента», включающую оценочно-аналитический блок, по обработке, классификации, анализу, синтезу, формализации (графики и таблицы) всей собранной информации.

Оценка соответствия тестируемых способностей (возможностей) предъявляемым требованиям проводится в балльной системе. Пятибалльная система оценок определяет общую, ориентировочную тенденцию претендента по предлагаемым параметрам адаптации и развития. Она помогает узнать уровень сильных и/или слабых сторон его личности, проявляющихся как в каждодневной деятельности, так и, что особенно важно, в сложных, экстремальных обстоятельствах.

В соответствии с уровнем статусных характеристик нами были выделены три группы испытуемых: студенты с хорошо развитыми адаптивными способностями, студенты, склонные к «пассивному» восприятию учебного материала, и неадаптированные к успешному освоению последнего. Оказалось, что студенты, имеющие высокий и сбалансированный уровень статус-

ных характеристик и, прежде всего, функциональную и физическую подготовленность, показали высокий уровень адаптивных способностей и не встречали значительных трудностей в освоении учебного материала. Не адаптированные к учебному процессу студенты, как правило, имели повышенный уровень тревожности и депрессивности и, как следствие, формировали неадекватные механизмы психологической защиты, имели низкий уровень физической подготовки, отклонения в состоянии здоровья, сопровождаемые существенными дисбалансами в статусных характеристиках.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что со студентами, особенно на начальных курсах обучения, целесообразно проведение комплексной психолого-педагогической подготовки, в которой значение и роль физической культуры, учитывая ее высокую эффективность в деле повышения когнитивных способностей, должны быть существенно усилены.

МАЛИНАУСКАС Р. К.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Постановка и обоснование проблемы. Психологические особенности социального и морального сознания изучались Ж. Пиаже, А. Блази, В. С. Мухиной, Е. В. Субботским, С. Г. Якобсоном и др. Вместе с тем эта проблематика разработана недостаточно полно, и до сих пор неизвестно значение социально-психологической компетенции будущих специалистов в области физической культуры и спорта в условиях модернизации высшего образования. Социально-психологическая компетентность – это способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений. В состав социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия [2–4]. Научная проблема исследования особенностей социально-психологической компетенции будущих кадров в области физической культуры и спорта состоит в том, что в научной литературе нет единого мнения

относительно существования различий между социально-психологической компетенцией тренеров и учителей физической культуры.

В рамках исследования будущих специалистов в области физической культуры и спорта у нас возник вопрос: какие существуют особенности социально-психологической компетенции у будущих тренеров и учителей физической культуры? Таким образом, мы решили определить особенности социально-психологической компетенции у будущих тренеров и учителей физической культуры, делая акцент на такие категории, как чувствительность (утешить, помочь), прощение (не оскорблять, не мстить) и ответственность (исполнить обещание, нести ответственность за свои действия).

Актуальность нашей работы состоит в том, что исследований, посвященных анализу социально-психологической компетенции кадров в области физической культуры и спорта в условиях модернизации высшего профессионального образования, еще явно недостаточно и в том, что в современном обществе не уделяется достаточное внимание гармоничному развитию личности [5].

По мнению Г. Ложкина и В. Ласьковой [1], спортивные занятия могут помочь научиться общаться, сотрудничать, обмениваться социальными ролями. Во время спортивных тренировок и уроков физической культуры можно создать благоприятные условия для формирования социально-психологической компетенции личности, поэтому специалисты в области физической культуры и спорта должны обладать высоким уровнем социально-психологической компетенции.

Методика и организация исследования. Для решения поставленных задач был использован следующий метод исследования: анкетный опрос (вопросник Ш. Шнираса [6] для оценки социальных навыков как индикаторов социально-психологической компетенции, математическая статистика – критерий χ^2). Вопросник Ш. Шнираса был применен для оценки уровня следующих социально-психологических способностей специалистов в области физической культуры и спорта: утешить, помочь, не оскорблять, не мстить, исполнить обещание, нести ответственность за свои действия. Отбор испытуемых в выборочную совокупность был осуществлен методом гнездовой выборки. Она предполагает отбор в качестве единиц исследования не отдельных респондентов, а студенческих групп из педагогических вузов физической

культуры (в Литве есть два таких вуза – Литовская академия физической культуры и Вильнюсский педагогический университет) с последующим сплошным опросом в отобранных группах. В нашу выборку мы отобрали 6 групп студентов 4-го курса (по 3 группы из каждого педвуза). Выборка студентов включала 216 чел.

Результаты. Результаты опроса будущих специалистов в области физической культуры и спорта дали возможность выявить уровень социальных навыков респондентов. По данным исследования, обнаружены статистически значимые ($p < 0,05$) различия тренеров и учителей физической культуры при оценке уровня навыков чувствительности (умения утешить, умения помочь): учителя физической культуры имеют более высокий уровень (табл.).

Оказалось, что будущие учителя физической культуры также имеют более высокий уровень по умению не оскорблять (табл.) и демонстрируют более высокие показатели по этому параметру ($\chi^2(2) = 6,06; p < 0,05$). Причем не было выявлено существенной разницы в уровне ответственности (исполнить обещание, нести ответственность за свои действия) будущих учителей физической культуры и тренеров.

Обсуждение. Полученные нами данные мало отличаются от данных, выявленных нами ранее [3; 4]: будущие тренеры и учителя физической культуры имеют во многом схожие социальные черты. Однако в нашем исследовании установлено, что будущие учителя физической культуры более способны к чувствительности (умение утешить, умение помочь) по сравнению с будущими тренерами. Социально-психологическая подготовка эффективна только в том случае, когда в результате взаимодействия с другими (коллегами, преподавателями) студент вуза физической культуры и спорта меняет не только восприятие уровня своей социально-психологической компетентности, но и свое поведение [5]. Поэтому можно утверждать, что в тех вузах, в которых социально-психологической подготовке уделяется большее внимание, вероятно, следует ожидать более высокого уровня социально-психологической компетентности студентов.

Оценка уровня социальных навыков будущих тренеров
и учителей физической культуры

Социальные навыки	Группа	Уровень социальных навыков						$\chi^2(2);$ p
		Низкий		Средний		Высокий		
		n	%	n	%	n	%	
Утешить	Тренеры	23	22,1	45	43,3	36	34,6	6,18 $p < 0,05$
	Учителя	12	10,7	48	42,9	52	46,4	
Помочь	Тренеры	17	16,3	48	46,2	39	37,5	6,17 $p < 0,05$
	Учителя	7	6,3	52	46,4	53	47,3	
Не притворяться	Тренеры	6	5,8	56	53,8	42	40,4	1,32 $p > 0,05$
	Учителя	3	2,7	61	54,5	48	42,9	
Не обманывать	Тренеры	14	13,5	54	51,9	36	34,6	0,93 $p > 0,05$
	Учителя	17	15,2	63	56,3	32	28,6	
Не оскорблять	Тренеры	8	7,7	68	65,4	28	26,9	6,06 $p < 0,05$
	Учителя	3	2,7	64	57,1	45	40,2	
Исполнить обещание	Тренеры	12	11,5	53	51,0	39	37,5	0,50 $p > 0,05$
	Учителя	13	1,6	62	55,4	37	33,0	
Нести ответственность за свои действия	Тренеры	15	14,4	49	47,1	40	38,5	0,97 $p > 0,05$
	Учителя	17	15,2	59	52,7	36	32,1	

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги проделанной работы, которые могли бы рассматриваться нами в качестве перспективы как для дальнейших исследований, так и для практической работы со студентами. В других исследованиях [4] были установлены достоверные различия между юношами и девушками по уровню коммуникативной компетентности: было выявлено, что коммуникативная компетентность девушек выше коммуникативной компетентности юношей. Поэтому сравнение социально-психологической компетентности студентов вузов физической культуры и спорта по полу могло бы стать объектом дальнейших исследований.

Практическое значение нашего исследования в том, что было показано уровень социально-психологической компетенции тренеров и учителей физической культуры. Мы предполагаем, что также стоит продолжать исследование, расширяя контингент исследования, включая в него не только студентов, но и уже работающих специалистов в области физической культуры и спорта.

Выводы. Уровень навыков чувствительности (умения утешить, умения помочь) у будущих учителей физической культуры выше, чем у тренеров. Будущие учителя физической культуры имеют более высокий уровень по умению не оскорблять.

Литература

1. Ложкин Г. Межперсональные конфликты футболистов в командах олимпийского резерва / Г. Ложкин, В. Ласькова // Наука в олимпийском спорте. – 2000. – № 4. – С. 117–123.
2. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л. В. Мардахаев. – М. : Академия, 2002. – 368 с.
3. Малинаускас Р. К. Особенности характера студентов – легкоатлетов и баскетболистов // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 5. – С. 23–25.
4. Малинаускас Р. К. Динамика социально-психологической компетентности студентов педагогических вузов / Р. К. Малинаускас, В. П. Гудонис, Ш. А. Шнирас // Психол. журн. – 2007. – Т. 28, № 4. – С. 45–51.
5. Покровская С. Е. Психологическое здоровье, его социальная и индивидуальная ценность / С. Е. Покровская, Н. А. Баркан // Психологическое здоровье в контексте развития личности : материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. – Брест, 2005. – С. 227–228.
6. Sniras S. Moral skills of schoolchildren / S. Sniras, R. Malinauskas // Social Behavior and Personality. – 2005. – Vol. 33, N 4. – P. 383–389.

НИЦИНА О. А.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ТЕНДЕНЦИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Тема физической активности рассматривалась во все времена, а сейчас она является особенно актуальной. Система физического воспитания молодежи в современных условиях, которые являются достаточно противоречивыми практически во всех аспектах общества (социальном, экономическом, морально-этическом и др.), требует основательных изменений. Основа успешного развития человека заключается не только в гармоничном функционировании интеллектуальной или моральной сферы личности, но и физической. Физическая культура и спорт – это одна из частей формирования здорового образа жизни как человека, так и общества в целом. Это социальные феномены, которые занимают особое место среди основных сфер жизнедеятельности общества [2]. Ведь здоровье – это залог процветания, к здоровью люди должны относиться одинаково внимательно независимо от возраста. Но что представляет собой человек XXI в.? И какие условия ставят для него прогресс и модернизация, зани-

230

мающие одно из главных мест в развитии социума? Если раньше большинство людей были заняты физическим трудом, то сейчас достаточно большая часть населения занимается трудом умственным, который в большинстве своем предполагает пониженную двигательную активность. Огромное количество стрессовых ситуаций, напряженная интеллектуальная деятельность, малоподвижный образ жизни – все это создает неблагоприятную атмосферу для человека. И если в молодом возрасте, когда функциональные возможности и в целом ресурсы организма людей достаточно сильны, индивидуумы не задумываются о собственном здоровье, то в более зрелом возрасте, когда начинаются различные проблемы с самочувствием, бывает уже поздно. И система медицинского обеспечения граждан в нашей стране, к сожалению, далеко не всегда бывает результативной. А то, что можно было бы предотвратить, становится уже необратимым. И, как следствие, проблемы со здоровьем влекут за собой проблемы жизненного плана: на работе, в семье и т. п. Но хорошая физическая форма в Российской Федерации, к сожалению, не считается непреложной ценностью [1]. А молодежь является той категорией, которая должна особенно следить за ритмом жизни ввиду больших учебных нагрузок и элементам двигательной активности уделять особое внимание. И очень важно, чтобы молодые люди, независимо от их социального статуса и положения, понимали значимость здорового образа жизни.

Физическая активность при этом, как уже известно, занимает одну из главных позиций, важность которой нельзя недооценивать. Но современная молодежь зачастую не понимает этого: физической культуре отводится незначительная часть времени или этот аспект отсутствует вовсе [1]. С чем это связано? Почему раньше студенческий спорт был базой для спорта высших достижений, а сейчас он практически утратил свое значение? Почему раньше знак «ГТО» был символом успешной и сильной личности, а сейчас звание мастера спорта является повседневностью? Эти и многие другие вопросы раздаются лишь в кругах спортивной общественности, в то время как уже давно забить тревогу должен весь социальный мир. Да, государство уделяет внимание развитию физической культуры и спорта. Но насколько эффективна эта политика? Выделяемые средства очень часто не доходят собственно до самих адресатов, остается лишь догадываться, кому конкретно это финансирование предоставляется. Условия для занятий спортом оставляют желать лучшего: большое число объ-

ектов, которые были построены во времена Советского Союза, уже давно утратили свое первоначальное предназначение или не пригодны для занятий. А новые спортивно-оздоровительные комплексы должны компенсировать собственное строительство, поэтому цены на предоставляемые ими услуги достаточно высоки [1]. Это и многое другое говорит о наличии проблемного поля в системе физической культуры и спорта нашей страны. Но, прежде всего, особое внимание этой теме должны уделять региональные и муниципальные образования. Они должны быть активно включены в процесс развития физического воспитания молодежи. Но, зачастую должность спортивных чиновников занимают люди, далекие от спорта, в связи с этим развитие рассматриваемой области идет очень медленными темпами. И в первую очередь, необходимо обращать внимание на тех людей, которые принимают решения относительно развития физической культуры и спорта, людей, занимающих руководящие должности в данной области. Это, на мой взгляд, является одним из важных критериев на пути к успешному функционированию системы физического воспитания и спорта.

В целом при реформировании данной области хотелось бы выделить следующие важные моменты:

1) решение проблем кадровой политики в области физической культуры и спорта (лица, работающие в данной сфере, во многом коммерческий фактор ставят выше оздоровительного, используя данную область как средство удовлетворения материальных потребностей; уровень профессионализма зачастую также оказывается недостаточным для эффективного развития сферы физического воспитания). Таким образом, стоит начать путь изменения именно «сверху», так как грамотный руководитель – один из факторов успешного функционирования любой системы. «Случайных» людей в спорте быть не должно;

2) развитие материально-технической базы для занятий физической культурой и спортом (причем строительство и открытие физкультурно-оздоровительных центров с доступной ценовой политикой, а не только элитных клубов, которые могут себе позволить посещать люди лишь с достаточно высоким уровнем доходов). Акцент должен быть сделан именно на «спорт для всех»;

3) изменение системы проведения учебных занятий по физической культуре и спорту (современное общество постоянно модернизируется, появляются новые программы, направления, в том числе в области физического воспитания, поэтому должны

быть учтены различные факторы, в том числе актуальность тех методик преподавания, которые существуют на сегодняшний день);

4) разработка системы поощрения (заработная плата преподавателей, тренеров является низкой, поэтому система поощрения будет одним из стимулов для их дальнейшего развития и совершенствования, что в целом благоприятно отразится на системе физического воспитания);

5) разработка и проведение мероприятий, направленных на формирование физической и духовной культуры личности (более широкое использование возможностей СМИ для пропаганды здорового образа жизни и физической активности, акцент на регулярности акций и мероприятий физкультурно-оздоровительного характера и многое др.).

Таким образом, система физической культуры и спорта является важным элементом современного общества и требует модернизации.

Литература

1. База данных ФОМ [Электронный ресурс]: Культура тела: физическая форма, спорт, красота. Опрос населения. – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072026>.

2. Физическая культура – часть культуры человека и общества [Электронный ресурс]: Спорт. Социокультурные характеристики спорта в современном обществе. Тема 7. – URL: <http://sport.pu.ru/t7.htm> (2010).

**ПАМПУРА Н. А.
МАЛЬЧЕНКО А. Д.
СОФЬИНА Е. А.**

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОК ОСНОВНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ

Здоровье молодежи является социально-значимой ценностью общества, важнейшим условием успешной реализации профессиональных знаний, творческой активности и работоспособности будущих специалистов [1].

Одной из важных проблем является определение оценки психического состояния организма, его адаптационных резервов, которая представляет важную информацию о приспособительных возможностях студенток, выполняющих разные виды нагрузок.

Целью исследования является:

1. Изучить психическое состояние студенток основного медицинского отделения до и после ОФП.

2. Изучить психическое состояние студенток основного медицинского отделения до и после нагрузки на выносливость (кросс).

В настоящей работе проводились исследования по методике определения показателей психического состояния (проф. Курганский Н. А., 1990). В исследовании принимали участие студентки МГУДТ основной медицинской группы до и после занятий ОФП и кросса (табл. 1). Данная методика представляет собой анкету, отражающую 5 психических состояний [2].

В научной литературе исследования психического состояния с использованием методики Л. Н. Курганского представлены единичными работами [3; 4]. Работ по влиянию разных видов физической нагрузки на студенток основного медицинского отделения не обнаружено.

Таблица 1

Девушки, основная группа (занятия ОФП)

Оценка состояния	Время	Min, (мин)	Max, (мин)	Mcp, (мин)	Кол-во студ. ниже сред. величин (человек)	Кол-во студ. выше сред. величин (человек)	Степень выраженности психологического состояния		
							Высокая	Средняя	Низкая
Оценка психической активности	До	4	18	11,87	8	8	5	4	7
	После	8	21	13,75	7	9	2	8	6
Оценка интереса	До	5	13	8,56	9	7	5	11	-
	После	6	14	9,93	11	5	8	8	-
Оценка эмоционального тонуса	До	4	13	9,12	11	5	9	7	-
	После	4	14	7,81	8	8	-	12	4
Оценка напряжения	До	8	12	9,68	8	8	-	12	4
	После	7	12	9,75	6	10	-	12	4
Оценка комфорта-ности	До	6	16	9,12	10	6	7	7	2
	После	3	15	9,0	9	7	9	7	-

Из табл. 1 видно, что минимальный показатель оценки психической активности у студенток основного медицинского отделения до занятий ОФП равен 4 усл. ед., максимальный – 18 усл. ед., средний – 11,87 усл. ед.

До занятий ОФП находилось 8 студенток с показателями ниже средних величин, такое же количество студенток имели показатель выше средних величин.

По степени выраженности оценка психической активности до занятий ОФП у 5 студенток – высокая, у 4 студенток – средняя и у 7 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки психической активности у студенток основного медицинского отделения после занятий ОФП равен 8 усл. ед., максимальный – 21 усл. ед., средний – 13,75 усл. ед. После занятий находилось 7 студенток с показателями ниже средних величин, выше средних – у 9 студенток. По степени выраженности оценка психической активности после занятий ОФП у 2 студенток – высокая, у 8 студенток – средняя и у 6 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки интереса у студенток до занятий ОФП равен 5 усл. ед., максимальный – 13 усл. ед., средний – 8,56 усл. ед. До занятий ОФП находилось 9 студенток с показателями ниже средних величин, у 7 студенток показатели выше средних величин.

По степени выраженности оценка интереса до занятий ОФП распределилась соответственно: у 5 студенток – высокая, у 11 студенток – средняя, низкая – не наблюдалась.

Минимальный показатель оценки интереса у студенток после занятий равен 6 усл. ед., максимальный – 14 усл. ед., средний – 9,93 усл. ед. После занятий ОФП находилось 11 студенток с показателями ниже средних величин и у 5 студенток показатели выше средних величин.

По степени выраженности оценка интереса после занятий ОФП у 8 студенток высокая, и такое же количество студенток имели среднюю степень выраженности. Низкая степень выраженности не обнаружена.

Минимальный показатель оценки эмоционального тонуса у студенток до занятий равен 4 усл. ед., максимальный – 13 усл. ед., средний – 9,12 усл. ед. До занятий ОФП находилось у 11 студенток с показателями ниже средних величин, у 5 студенток показатели выше средних величин.

По степени выраженности оценка эмоционального тонуса до занятий ОФП у 9 студенток – высокая, у 7 студенток – средняя, низкая степень выраженности не обнаружено.

Минимальный показатель оценки эмоционального тонуса у студенток после занятий ОФП равен 4 усл. ед., максимальный – 14 усл. ед., средний – 7,81 усл. ед. После занятий ОФП находилось 8 студенток с показателями ниже средних величин и такое же количество студенток имели показатели выше средних величин.

По степени выраженности оценки эмоционального тонуса после занятий ОФП – высокая степень не обнаружена, у 12 студенток – средняя, у 4 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки напряжения у студенток до занятий ОФП равен 8 усл. ед., максимальный – 12 усл. ед., средний – 9,68 усл. ед. До занятий ОФП находилось 8 студенток с показателями ниже средних величин и такое же количество студенток имели показатели выше средних величин.

По степени выраженности оценок напряжения до занятий показатель высокой степени не обнаружен, средний показатель степени выраженности находился у 12 студенток и низкий – у 4 студенток.

Минимальный показатель оценки напряжения у студенток после занятий равен 7 усл. ед., максимальный – 12 усл. ед., средний – 9,75 усл. ед. После занятий находилось 6 студенток с показателями ниже средних величин и у 10 студенток показатель выше средних величин.

По степени выраженности оценки напряжения после занятий показатель высокой степени не обнаружен, средний показатель находится у 12 студенток и у 4 студенток – низкий.

Минимальный показатель оценки комфортности у студенток до занятий ОФП равен 6 усл. ед., максимальный – 16 усл. ед., средний – 9,12 усл. ед. До занятий находилось 10 студенток с показателями ниже средних величин и у 6 студенток показатели выше средних величин.

Степень выраженности оценки комфортности до занятий показатель: высокой степени находился у 7 студенток, средняя степень – у 7 студенток и у 2 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки комфортности у студенток после занятий ОФП равен 3 усл. ед., максимальный – 15 усл. ед., средний – 9 усл. ед. После занятий находилось 9 студенток с показателями ниже средних и у 7 студенток показатель выше средних величин.

По степени выраженности оценки напряжения после занятий ОФП – высокая степень у 9 студенток, средняя – у 7 студенток.

Из табл. 2 видно, что минимальный показатель психической активности у студенток основного медицинского отделения до выполнения норматива на выносливость (2000 м) равен 4 усл. ед., максимальный – 20 усл. ед., средний – 11,47 усл. ед. До выполнения норматива на выносливость находилось 10 студенток с показателями ниже средних величин, у 9 студенток показатели выше средних величин.

Таблица 2

Девушки, основная группа (кросс 2000 м)

Оценка состояния	Время	Min, усл. ед.	Max, усл. ед.	Mcp, усл. ед.	Кол-во студ. ниже сред. величин	Кол-во студ. выше сред. величин	Степень выраженности		
							Высокая	Средняя	Низкая
Оценка психической активности	До	4	20	11,47	10	9	5	12	2
	После	7	21	15,1	9	10	2	7	10
Оценка интереса	До	4	18	9,63	11	8	8	10	1
	После	5	17	1,68	7	12	6	11	2
Оценка эмоционального тонуса	До	4	16	8,26	10	9	10	8	1
	После	3	14	9,31	10	9	8	11	-
Оценка напряжения	До	5	12	8,52	9	10	-	10	9
	После	3	13	8,00	8	11	-	8	11
Оценка ком-фортности	До	4	14	8,63	10	9	10	8	1
	После	3	15	7,10	12	7	14	5	-

Постепенно выраженность оценки психической активности до выполнения норматива на выносливость у 5 студенток – высокая, у 12 студенток – средняя и у 2 студенток – низкая.

Минимальный показатель психической активности у студенток после выполнения норматива на выносливость равен 7 усл. ед., максимальный – 21 усл. ед., средний – 15,1 усл. ед. После выполнения норматива на выносливость находилось у 9 студенток показатели были ниже средних величин, у 10 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка психической активности после выполнения норматива на выносливость у 2 студенток высокая, у 7 студенток – средняя, у 10 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки интереса у студенток до выполнения норматива на выносливость равен 4 усл. ед., максимальный – 18 усл. ед., средний – 9,63 усл. ед. До выполнения норматива на выносливость у 11 студенток показатели были ниже средних величин, у 8 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка интереса до выполнения норматива на выносливость у 8 студенток – высокая, у 10 студенток – средняя и у 1 студентки – низкая.

Минимальный показатель оценки интереса у студенток после выполнения нормативов на выносливость равен 5 усл. ед., максимальный – 17 усл. ед., средний – 10,68 усл. ед. После выпол-

нения норматива на выносливость у 7 студенток показатели были ниже средних величин, у 12 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка интереса после выполнения норматива на выносливость у 6 студенток высокая, у 11 студенток – средняя, у 2 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки эмоционального тонуса у студенток до выполнения норматива на выносливость равен 4 усл. ед., максимальный – 16 усл. ед., средний – 8,26 усл. ед. До выполнения норматива у 10 студенток показатели были ниже средних величин, у 9 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка эмоционального тонуса до выполнения норматива у 10 студенток высокая, у 8 студенток – средняя, у 1 студентки – низкая.

Минимальный показатель оценки эмоционального тонуса у студенток после выполнения равен 3 усл. ед., максимальный – 14 усл. ед., средний – 9,31 усл. ед. После выполнения норматива у 10 студенток показатели были ниже средних величин, у 9 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка эмоционального тонуса после выполнения норматива на выносливость у 8 студенток – высокая, у 11 студенток – средняя, студенток с низкой степенью выраженности не обнаружено.

Минимальный показатель оценки напряжения у студенток до выполнения норматива равен 5 усл. ед., максимальный – 12 усл. ед., средний – 8,52 усл. ед. До выполнения норматива находилось у 9 студенток показатели ниже средних величин, у 10 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка напряжения до выполнения норматива на выносливость студенток с высокой степенью не обнаружена, у 10 студенток – средняя, у 9 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки напряжения у студенток после выполнения норматива равен 3 усл. ед., максимальный – 13 усл. ед., средний – 8 усл. ед. После выполнения норматива у 8 студенток показатели были ниже средних величин, у 11 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка напряжения после выполнения норматива на выносливость у студенток с высокой степенью не обнаружено, у 8 студенток – средняя, у 11 студенток – низкая.

Минимальный показатель оценки комфортности у студенток до выполнения норматива равен 4 усл. ед., максимальный – 14 усл. ед., средний – 8,63 усл. ед. До выполнения норматива на-

ходилось у 10 студенток показатели были ниже средних величин, у 9 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка комфортности до выполнения норматива на выносливость у 10 студенток высокая, у 8 студенток – средняя, у 1 студентки – низкая.

Минимальный показатель оценки комфортности у студенток после выполнения норматива равен 3 усл. ед., максимальный – 15 усл. ед., средний – 7.10 усл. ед. После выполнения норматива находилось у 12 студенток показатели ниже средних величин, у 7 студенток – выше средних величин.

По степени выраженности оценка комфортности после выполнения норматива у 14 студенток высокая, у 5 студенток средняя, низкой степени не обнаружено.

По результатам исследований были сделаны следующие выводы:

1. У студенток основного медицинского отделения до занятий ОФП оценка психической активности по степени: высокая – 31,2 %, средняя – 25 %, низкая – 43,7 %.

После занятий ОФП высокая степень выраженности уменьшилась на 18,75 %, средняя увеличилась на 50 %, низкая уменьшилась на 6,15 %.

2. Оценка интереса до занятия ОФП по степени выраженности: высокая – 31,2 %, средняя – 68,7 %, низкой степени выраженности не обнаружено. После занятия ОФП высокая степень выраженности увеличилась на 18,75 %, средняя уменьшилась на 18,75 %, низкая степень выраженности не обнаружена.

3. Оценка эмоционального тонуса до занятий ОФП по степени выраженности: высокая – 56,2 %, средняя – 43,75 %, низкая не обнаружена.

После занятия ОФП высокая степень выраженности не обнаружена, средняя увеличилась на 31,25 %, низкая увеличилась на 25 %.

4. Оценка напряжения до и после занятий ОФП: высокая степень выраженности не обнаружена.

5. Оценка комфортности после занятий ОФП по степени выраженности не обнаружена.

6. У студенток основного медицинского отделения до кросса (на выносливость) оценка психической активности по степени выраженности: высокая – 26,31 %, средняя – 63,15 %, низкая – 10,5 %. После кросса степень выраженности: высокая уменьшилась на 15,8 %, средняя уменьшилась на 26,31 %, низкая увеличилась на 52,6 %.

Оценка напряжения как до так и после кросса высокая степень выраженности не обнаружена.

Оценка комфортности после кросса по степени выраженности: высокая увеличилась на 21 %, средняя уменьшилась на 15,8 %, низкая степень выраженности не обнаружена.

Литература

1. Гилев Г. А. Реабилитация студентов специальной медицинской группы / Г. А. Гилев, Т. А. Бабина, А. П. Попков // Проблема совершенствования физической культуры студентов : сб. науч. тр. XV Моск. межвуз. науч.-метод. конф. – М., 2009. – С. 59
2. Практикум по общей экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. Крылова С. А. Маничева. – СПб. : Питер, 2000.
3. Психодиагностика: коллекция лучших тестов / О. Н. Истратова, Т. В. Эксакусто. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 375 с.
4. Влияние занятий общей физической подготовки на психическое состояние студенток с заболеваниями (вегето-сосудистая дистония, сколиоз, миопия) / Д. М. Рамендик, Н. А. Пампура, Ю. А. Володина, В. М. Кириенкова, Е. И. Садова // Проблемы совершенствования физической культуры студентов : сб. науч. тр. XV Моск. межвуз. науч.-метод. конф. – М., 2009. С. 57–58

**ПЛОТНИКОВА И. И.
ШИВИТ-ХУУРАК И. К.
ГАЛИМОВ Г. Я.**

ПЕРИОДЫ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

Одной из важнейших проблем теории и методики физического воспитания учащихся младших классов общеобразовательных школ являются педагогически аргументированные возможности построения процесса развития физических качеств (Бальсевич В. К., 2006; Демидова Е. В., 2004; Лях В. И., 1994; Наварецки Д., 1997). Данные о периодах возрастного развития детей 7–10 лет, наиболее благоприятных для организации педагогических воздействий и акцентированного формирования физического статуса учащихся, имеют огромное влияние на качество учебно-воспитательного процесса (Гужаловский А. А., 1984; Левушкин С. П., 2006).

В. А. Баландин (2001), Л. И. Лубышева (2002), Т. А. Банникова (2006), С. В. Фролов (2010) сходятся во мнении о том, что, несмотря на значительное количество публикаций по данной тематике, имеется необходимость более углубленного изучения имеющихся факторов, подтверждающих сенситивный характер того или иного возрастного периода онтогенеза детей начальной школы в контексте развития физических качеств.

В процессе проведенных нами исследований был использован комплекс тестов, определяющих сенситивные различия возрастных периодов младших школьников, которые дали возможность получить достоверные данные. Они выражались в следующем:

1. Наблюдение осуществлялось за физическими качествами в течение учебного г.

2. Различия абсолютных значений, выявленных показателей у детей смежных возрастов в начале и в конце учебного года, определялись по t-критерию Стьюдента.

3. Для выявления темпов прироста ($T_{пр.}$) двигательных способностей за учебный год использовали методику Б. Х. Ланда (2005).

4. Определялись достоверность различий показателей $T_{пр.}$ между детьми смежных возрастов.

Полученные экспериментальные данные интегральных показателей физической подготовленности детей 7-10 лет в учебном году дали возможность получить следующие результаты:

1. Большинство интегральных показателей физической подготовленности изменились на достоверную величину.

2. Абсолютные среднегрупповые значения показателей на первом этапе (начало учебного года) были выше, чем во втором (окончание учебного года).

3. Наблюдалось отсутствие положительной динамики в показателях гибкости как общей тенденции в развитии этого физического качества, которое играет важную роль в реализации двигательного потенциала человека на этапах онтогенеза. Выявленные нами данные согласуются с показателями С. В. Фролова (2009), А. В. Перкова (2010).

Достоверность различий абсолютных значений интегральных показателей физической подготовленности между учащимися смежных возрастов в начале и по окончании учебного года дают возможность сделать следующее заключение:

1. В начале учебного года наблюдались существенные различия между детьми из смежных возрастов: скоростно-силовой подготовленности ($p < 0,01$), координации ($p < 0,01$), силы ($p < 0,01$). Девочки 7-8 лет при высоком уровне достоверности различий ($p < 0,01$) имеют преимущества по интегральным показателям гибкости перед более старшими. Высокий уровень достоверности различий по интегральным показателям силы, быстроты, выносливости, координации (за исключением параметров гибкости) наблюдаются у учащихся 9-10 лет что, по-видимому, обу-

словлено развитием детей в ходе онтогенетического взросления и усилиями обучения и воспитания в общеобразовательной школе.

2. В конце учебного года были выявлены следующие данные:

- произошло увеличение количества интегральных показателей различий, по которым установлены преимущества более младших школьников по сравнению с началом учебного года: силы ($p < 0,05$) – 7–8 лет мальчиков; $p < 0,01$ – 8–9 лет в группах девочек; выносливости 8–9 ($p < 0,01$ – девочки; $p < 0,01$ – мальчики 9–10 лет);

- тенденция преимуществ по интегральным показателям гибкости сохраняется у мальчиков и девочек младших возрастов.

Однако общей тенденцией все-таки является значительный прирост абсолютных значений интегративных показателей всех физических качеств (кроме гибкости) от начала до конца учебного года.

Проведенные исследования дали возможность установить следующие тенденции разнонаправленного изменения вектора темпа прироста ($T_{пр.}$). Скоростно-силовая подготовленность в группе мальчиков постоянно снижается по мере их взросления, наблюдается гетерохронность изменений в сторону как уменьшения, так и увеличения параметров $T_{пр.}$ силы, выносливости, быстроты, координации в группах девочек, силы и быстроты в группах мальчиков; выявлены отрицательные значения и снижение $T_{пр.}$ показателей гибкости во всех половозрастных группах в течение годового учебного цикла.

Происходит увеличение $T_{пр.}$ по сравнению с параметрами предыдущего возраста таких характеристик как скоростно-силовая подготовленность, сила и координация движения детей 9–10 лет.

При изучении суммарных усредненных параметров $T_{пр.}$ интегральных показателей физической подготовленности младших школьников было выявлено следующее:

1. Общий суммарный показатель $T_{пр.}$ в физической подготовленности учащихся начальной школы проявляется с большей выраженностью в группах мальчиков.

2. Значения $T_{пр.}$ интегральных показателей физической подготовленности мальчиков в 8-летнем, а девочек – 7, 9 и 10 лет имеют большую выраженность достоверности.

Наблюдаются более лучшие показатели $T_{пр.}$ 9-летних учащихся обоего пола по сравнению с 10-летними. $T_{пр.}$ изучаемых характеристик у детей смежных возрастов дали следующие заключения:

- отсутствие достоверных различий в показателях $T_{пр.}$ у мальчиков параметров скоростно-силовой подготовленности в возраст-

те 7–8 лет, гибкости в возрасте 8–9 лет; силовой выносливости у девочек 8–10 лет;

- преимущество $T_{пр}$ более младших детей в абсолютном большинстве изученных случаев;

- учащиеся 9–10 лет превзошли по $T_{пр}$ более младших школьников по следующим показателям: скоростно-силовой подготовленности, силы и гибкости (девочки 8–9 лет), силы (мальчики 8–9 и 9–10 лет), выносливости (девочки 9–10 лет) и координации (мальчики и девочки 9–10 лет).

В результате проведенного эксперимента были определены возрастные периоды, наиболее благоприятные для развития физических качеств младших школьников.

Полученные экспериментальные данные, по нашему мнению, дают возможность эффективно строить процесс физического воспитания учащихся начальной школы. Необходимо отметить, что эксперимент проводился в школах Республики Бурятия. Полученные данные не в полной мере согласуются с исследованиями С. В. Фролова (2008) из г. Липецка.

Литература

1. Бальсевич В. К. Здоровьеформирующая функция в Российской Федерации (материалы к разработке национального проекта оздоровления подрастающего поколения России период 2006–2026 гг. // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2006. – № 5. – С. 2–6.

2. Лубышева Л. И. Физическая и спортивная культура: содержание, взаимосвязь и диссоциации / Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 3. – С. 11–14.

3. Лях В. И. Концепция физического воспитания детей и подростков // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 1996. – № 1. – С. 5–10.

4. Перков А. В. Возрастные периоды интенсивного развития основных физических качеств учащихся младших классов общеобразовательных школ // Ученые записки университета им П. Ф. Лесгафта. – 2010. – № 6 (64). – С. 55–59.

5. Фролов С. В. Об опережающем подходе в процессе физического воспитания школьников / С. В. Фролов, С. С. Фролов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2008. – № 4. – С. 2–6.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ

Здоровье является сложной междисциплинарной научной проблемой, изучение которой входит в компетенцию различных дисциплин – естественнонаучных (медицины, биологии, антропологии, физиологии и др.) и общественных (социологии, педагогики, философии, экономики и др.).

В настоящее время проблема здоровья приобретает особое значение. Среди прочих факторов, влияющих на производительность труда, фактор здоровья является одним из самых важных. Его значимость особенно возрастает в условиях ускорения темпа жизни, увеличения объема информации, усложнения процесса производства. Ускорение темпа жизни резко повышает психоэмоциональные нагрузки и приводит к нарушению филогенетически сложившихся биоритмов, а также к усложнению социальных отношений. Одним из существенных неблагоприятных *факторов* научно-технического прогресса является малоподвижный образ жизни современного человека – гипокинезия. Развитию эмоционального напряжения способствует дефицит времени, отведенного для решения ответственных задач на фоне заинтересованности человека в достижении поставленной цели. В связи с этим возрастает актуальность научной разработки проблемы здоровья во всех ее аспектах и создания различных социальных институтов охраны и укрепления здоровья; необходима переориентация внимания медицины к состоянию «практически здорового» человека.

Важнейшей задачей, возникающей при изучении проблемы здоровья, является разработка и дальнейшее углубление самой концепции здоровья, которая должна включать общие представления о его сущности и различных аспектах (биологических, социальных), о факторах, определяющих состояние здоровья на различных возрастных этапах и др.

В отечественной науке вопросы сохранения и укрепления здоровья чаще всего соотносятся с направлением, выделившимся в самостоятельную дисциплину, именуемую валеологией, которая в научных публикациях часто определяется как «наука о здоровье», «диагностика здоровья», «учение о здоровом образе жизни», «оздоровительно-профилактические основы медицины».

Такое многообразие представлений об основных понятиях валеологии во многом зависит от недостатков в определении сущности здоровья и методологии его анализа. Заслуга И. И. Брехмана, который по праву считается основоположником этой науки, заключается не только во введении термина «валеология», но, в первую очередь, в том, что он высказал идею необходимости изучения индивидуального здоровья, индивидуальных особенностей многих аспектов здорового образа жизни «практически здоровых» людей.

Первая попытка сформулировать положение о механизмах здоровья и способах воздействия на них была сделана в 60-х гг. Было обосновано научное направление, получившее впоследствии название «санология». Это было учение о противодействии организма болезни, в основе которого лежит динамический комплекс защитно-приспособительных механизмов, возникающих при воздействии чрезвычайного раздражителя и развивающихся на протяжении всего болезненного процесса до выздоровления. Эта концепция, несомненно, являлась прогрессивной, хотя в качестве основных критериев при этом выделялись такие категории, как «предболезнь» и «выздоровление».

По мнению И. И. Брехмана, основное различие между санологией и валеологией заключается в том, что «санология – учение не о здоровье как таковом, а о косвенном пути к здоровью, о выздоровлении, тогда как валеология – хотя и близкая к медицине, но все же самостоятельная наука о прямом пути к здоровью». Кроме того, валеология не ограничивается только профилактическими мероприятиями и охраной общественного здоровья путем ограничения и устранения вредных факторов.

В конце 80-х гг. появился ряд статей, в которых утверждалось, что фундаментом здоровья служит «образ жизни». Утверждение о том, что валеология является наукой о здоровом образе жизни, – одно из самых распространенных заблуждений. Образ жизни – категория социальная; влияние образа жизни на здоровье человека – предмет исследования социальной гигиены. Образ жизни – это не только наличие или отсутствие вредных привычек, но и уровень производства, благосостояния, культуры, образования, медицины и т. д. Вместе с тем валеология включает в себя знания о роли социально-гигиенических факторов в сохранении и укреплении здоровья.

Валеология, как и любая другая наука, имеет свой *предмет* научного познания (индивидуальное здоровье человека, его ме-

ханизмы), *объект* (индивиды, находящиеся во всем диапазоне здоровья от снижения уровня здоровья, формирования предболезни и до начальных форм заболевания), *цели и задачи* (оценка уровня здоровья «практически здорового» человека, построение диагностических моделей и методов оценки, формирование «психологии» здоровья и мотивации на поддержание здоровья, реализация индивидуальных оздоровительных программ) и *методы* (диагностика уровня здоровья).

Зародившись в рамках медицины, валеология быстро перешагнула границы медицинской науки, сформировав несколько научных направлений со своими предметами исследования. Произошло выделение медицинской, педагогической валеологии, валеологии школьной и дошкольной, психовалеологии. Такое деление следует принимать как условное, потому что, как правило, такая узкая специализация имеет бессистемный характер. В основе всех этих новых областей науки должна быть общая валеология, представляющая собой совокупность научных знаний о закономерностях и механизмах формирования, сохранения, укрепления и воспроизводства здоровья человека.

Общая валеология принципиально отличается от всех дисциплин медико-биологического профиля. Валеологию нужно рассматривать «как научно-педагогическую дисциплину о формировании резервов биологической и социальной адаптации человека». Отсюда следуют актуальность преподавания основ валеологии во всех учреждениях высшего и среднего образования и необходимость подготовки специальных кадров для преподавания данного предмета.

В 1996 г. был утвержден Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 040700 – «Валеология» (квалификация – валеолог-преподаватель и педагог-валеолог). В ряде вузов страны открылись кафедры валеологии, вводились спецкурсы по валеологии; с 1996 г. выходит специализированный журнал «Валеология», издаются учебные пособия и монографии.

Однако в последние годы появились статьи, в которых обосновывается позиция о том, что «валеология – пока еще не наука» и «не удовлетворяет критериям, позволяющим отнести ее к науке».

Как научное направление, валеология находится еще на первых этапах развития и формирования, и, безусловно, при этом допускаются ошибки. Так, многие положения научной валеологии вульгаризируются, что вызывает обоснованное недоверие.

Кроме того, поставив в центр своих научных интересов в рамках валеологии индивидуальное здоровье, некоторые авторы отождествляют это понятие с такими категориями, как «счастье», «любовь», «красота». Отсутствие удовлетворительных определений и критериев здоровья дало возможность авторам использовать различные показатели, характеризующие, с их точки зрения, здоровье. Это – «благополучие», «оптимальное функционирование организма», «полноправное существование человека». Все это, безусловно, является существенным препятствием на пути становления нового научного направления. Но оно не может являться причиной его запрета.

Формирование валеологии как научного направления и практической дисциплины требует современных методологических подходов, которые не укладываются в существующую систему медицинской профилактики. Необходимо признать в качестве основных задач валеологии анализ индивидуальных резервов человека на разных этапах онтогенетического развития, разработку интегральных методов определения здоровья, проведение валеологического мониторинга и разработку методов коррекции функционального состояния организма в целях обеспечения или восстановления его здоровья.

Традиционно медицина развивается вокруг болезни и больного человека. И поэтому в методологической литературе в большей степени отражены различные аспекты болезни, тогда как вопросы здоровья рассматриваются значительно реже. Общепринятым в нашей стране является определение понятия «здоровье», предложенное Всемирной организацией здравоохранения в 1968 г.: «Здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не отсутствие болезней или физических дефектов». Медики из этого определения взяли только одно положение – отсутствие болезни и физического дефекта, что положено в основу профилактических осмотров. При **этом** внимание акцентируется на болезни, и происходит недооценка различных влияний в формировании здоровья. Здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно – состояние, которое позволяет человеку вести естественную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции, прежде всего трудовые, вести здоровый образ жизни, т. е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДУХОВНОЙ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Физическая культура и спорт как многоплановое общественное явление выполняет социальные, экономические и политические функции, что является частью общей культуры общества.

Чтобы правильно определить место и значение физической культуры в обществе, необходимо иметь представление об общей культуре человечества.

В общеупотребительном понимании понятие «культура» – это определенные черты личности (аккуратность, образованность и т. п.), формы поведения человека (вежливость, самообладание и пр.), формы общественной, профессиональной и производственной деятельности (культура исполнения, торговли, производства). В этом понимании в содержание культуры включаются не только, скажем, выдающиеся произведения искусства, но и обыденные, рядовые явления (культура быта, культура досуга). В научном смысле понятие «культура» включает все формы общественной жизни, способы деятельности людей; это, с одной стороны, процесс материальной и духовной деятельности людей; с другой – результаты, продукты этой деятельности.

В содержание культуры в широком смысле входят, например, философия, наука, идеология, мораль, искусство, спорт, право.

В развитии культуры отражаются сложнейшие процессы материальной и духовной жизни. Культура не дана людям от природы. Она – результат общественного и индивидуального творчества людей.

Физическая культура способствует выполнению функций других видов культуры (материально-производственной, социально-политической, духовной, художественной и др.); выполняет в культуре только ей присущую функцию совершенства. В то же время каждый из компонентов физической культуры (физическое воспитание, спорт, физическая рекреация и двигательная реабилитация) способствует выполнению ее функций: физической культуры в целом (функции физического совершенствования), других видов физической культуры (образовательная, спортивная (созидательная, рекреативная и реабилитационная функция и др.), имеет свою специфическую функцию. Физическое воспитание выполняет функцию «освоения», спорт – функцию «совершенствования», физическая рекреация – функцию

«поддержания», а двигательная реабилитация – функцию «восстановления» физических и духовных способностей человека. Каждая из них может быть рассмотрена на уровне частных функций. Например, функция «освоения» (образовательная) – это функции: физического образования, физического развития, физического состояния, оздоровительная, воспитательная и т. п.; функция «совершенствования» (спортивная) – это функции: расширения двигательных и духовных возможностей человека, созидательная, соревновательная, зрелищная и т. п.; функция «поддержания» (рекреативная) – компенсаторно-приспособительная, рекреативно-развлекательная, регулирующие-стимулирующая, оздоровительно-профилактическая и т. п.; функция «восстановления» (реабилитационная) – оздоровительная, реабилитационная и др. Уровень их раскрытия и систематизации различен.

Такой подход дает возможность раскрыть многообразие функций физической культуры, направленных, прежде всего, на человека (а через него и на социум) и связанных с удовлетворением широкого спектра его потребностей (как материальных, так и духовных), показать, что они являются интегрированным результатом функционирования образующих ее компонентов и осуществляются в рамках присущей ей структуры. При этом специфические функции физической культуры не являются изолированными друг от друга, а взаимодействуют (когда на первый план выходит та или иная функция, но затрагиваются функции других компонентов) для выполнения ими основополагающей, специфической функции – физического совершенства. Это обусловлено взаимопроникающей структурой компонентов физической культуры (процессы координации, согласование функций по горизонтали). В то же время наблюдаются тенденции, когда функции компонентов физической культуры более низкого уровня (физической рекреации, двигательной реабилитации, физического воспитания) охватываются компонентами более высокого уровня (спортом). Субординация функций показывает, что система физической культуры, интегрируя функции своих компонентов, сама активно участвует в выполнении общекультурных функций в системе культуры.

Теоретико-методологический анализ функций физической культуры показывает, что ее необходимо рассматривать как сложное многофункциональное явление, имеющее систему функций разного уровня, что необходимо учитывать при работе с различным контингентом занимающихся. Функции физиче-

ской культуры, являясь отражением ее сущности, затрагивают не только двигательную сферу человека, а все уровни его организма: анатомо-физиологический, психодинамический, психологический, личностный, социально-психологический. Только в этом случае физическая культура приобретает черты истинно культурного явления, где устраняется противоречие между интеллектуальными и двигательными компонентами, духовным и физическим развитием занимающихся, существенно возрастает роль во всестороннем и гармоничном развитии личности.

В современный период физическая культура, по мнению ряда ученых является самостоятельным видом культуры, существующим наряду с материальной и духовной, что подтверждается анализом ее социальных функций. Важно учитывать в решении вопроса тенденцию прогрессивного развития общества, связанную со сближением культуры и жизни масс, сопровождающимися возрастающей интеграцией материальных и духовных сторон культуры. В связи с этим на их стыке возникают сегодня явления, которые нельзя механически отнести только к материальной или духовной культуре, появился ряд промежуточных форм культуры, носящих ярко выраженный бифункциональный характер.

Деятельность в сфере физической культуры выступает как материально, так и в духовно преобразующих формах, которым присуще материально-духовное или духовно-материальное качество, что позволяет рассматривать физическую культуру как равноправный вид общей культуры человека и общества. В настоящее время значимым вопросом в рамках культуры (для воспитания человека) является выяснение взаимодействия между различными ее видами (как одной из закономерностей ее развития), связанными с возрастанием их гармонического единства. Это подтверждается функцией культуры, связанной с «повышением уровня взаимопомощи всех механизмов культуры во имя улучшения работы каждого и укрепления всех систем как единого целого».

Физическая культура направлена, прежде всего, на формирование целостного человека. Она, как вид общей культуры, отражает все ее характерные черты и особенности (в мировоззренческом, интеллектуальном, нравственном, эстетическом и т. п. плане). Воздействуя на биологическую сферу комплексом средств и методов, физическая культура неизбежно оказывает влияние на интеллектуальную, эмоциональную, духовную сферы личности, так как материальные и духовные начала в человеке едины и взаимно обусловлены. Физическая культура выступает как базовый,

фундаментальный строй, интегрирующее звено культуры, содержащее большой потенциал воспроизводства личности как целостности. Развивая физические и духовные способности человека, она создает предпосылки для более эффективной и разнообразной практической деятельности его сферы, как материальной, так и духовной. Это обуславливает увеличивающееся влияние физической культуры на формирование всесторонне и гармонично развитой личности. Отсюда и вытекает равноправное место физической культуры в общей культуре человека и общества, где все ее виды (материальная, духовная, физическая и др.) взаимообуславливают и взаимоподдерживают друг друга.

Таким образом, физическая культура имеет широкий спектр социальных функций разного уровня и взаимодействует с различными видами культуры, а, следовательно, многообразен и ее ценностный аспект.

Литература

1. Александров С. Э. Социальные функции физической культуры как составные части общечеловеческой культуры // Теория и практика физ. культуры. – 1990. – № 11. – С. 51–54.
2. Лубышева Л. И. Современный ценностный потенциал физической культуры и спорта и пути его освоения обществом и личностью // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 6. – С. 10–15.
3. Николаев Ю. М. Теоретико-методологические основы физической культуры в преддверии XXI века : монография / Ю. М. Николаев. – СПбГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 1998.

СТРУГАНОВ С. М.

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевой направленностью социальной политики на современном этапе развития общества провозглашено воспитание гармонично развитой личности. Убедительным подтверждением данной проблемы является пристальное внимание аппарата Президента РФ и Правительства РФ к практической реализации федеральных проектов, в числе которых одно из ведущих и значимых мест занимают программы «Здоровье населения» и «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы». Вышеперечисленные нормативно-правовые акты, а также Закон РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», вышедший еще в 1999 г., свидетельствуют о

необходимости решения проблем, возникших в обществе в течение последних 15–20 лет, результатом которых стали те обстоятельства, которые фактически ставят под угрозу само существование физически развитого поколения, рожденного и воспитанного в современных социально-экономических условиях. Косвенным подтверждением сказанного являются письма министра внутренних дел Российской Федерации, рассылающиеся в течение последних трех лет по образовательным учреждениям МВД России и региональным военно-врачебным комиссиям, осуществляющим отбор абитуриентов, поступающих в вузы, и фактически корректирующие требования приказа МВД России от 14 июля 2004 г. и санкционирующие возможность допуска на службу в органы МВД лиц с определенными физическими недостатками.

Более того, по данным различных социальных опросов, до 30 % школьников имеют справки, которые освобождают их от занятий по физическому воспитанию. Наличие такой справки нередко трактуется в соответствующей социальной среде как признак принадлежности к «имиджевой» прослойке, свидетельствующей о высоком уровне материального и интеллектуального развития. Следует отметить, что в Советском Союзе широко популяризировалась физическая культура, которая была направлена на оздоровление людей, приобщение их к регулярным физическим занятиям и спортом. Создавались физкультурно-оздоровительные комплексы, строились плавательные бассейны. Физическая культура была внедрена во все учебные заведения, а также присутствовала в виде производственной гимнастики на предприятиях. На стадионах и спортивных комплексах создавались группы (секции) для проведения занятий по различным видам спорта, а также привлекались к занятиям люди пожилого возраста. Широко было распространено спортивно-массовое движение среди гражданского населения по сдаче норм ГТО «Готов к труду и обороне», а в Советской Армии и силовых структурах – «Воин-спортсмен».

Делая выводы из вышеизложенного, можно совершенно определенно говорить о сложившемся кризисе физического развития и недостаточности физического воспитания в социальной среде современного поколения.

Видя сложившуюся ситуацию, наше правительство в последнее время постоянно разрабатывает множество федеральных проектов по воспитанию гармонически развитой личности и развитию физической подготовки молодого подрастающего поколения. Между тем реализация данных проектов сталкивается с ря-

дом обстоятельств, вызывающих объективные затруднения для посещения спортивных секций и кружков:

- малочисленность групп;
- труднодоступность некоторых спортивных объектов;
- отсутствие объективной информации;
- высокая стоимость занятий.

Поэтому в настоящее время уделяется большое внимание агитации самостоятельных занятий по физической культуре в рамках здорового образа жизни. Конечно, самостоятельные занятия не могут гарантировать успехов в некоторых популярных прикладных видах спорта, таких как боевые искусства, восточные единоборства и т. д., но вполне способны помочь человеку обрести пропорциональную фигуру, получить необходимые умения и навыки, которые способствуют адаптации организма к регулярным физическим нагрузкам и здоровому образу жизни.

Само по себе выражение «Здоровый образ жизни» включает в себя такие условия, как:

- регулярные занятия физической культурой (подготовкой);
- отказ от вредных привычек и пристрастий;
- сбалансированную диету;
- соблюдения режима дня;
- рациональное сочетание физических нагрузок с интеллектуальной работой;
- проведение занятий в экологически чистых районах (лес, парк, берег реки и т. д.).

Говоря другими словами, физическое воспитание не гарантирует положительных результатов, если не будет соблюдаться какое-либо из данных условий. Только соблюдение комплексного подхода к выполнению всех принципов здорового образа жизни влечет за собой обретение морального и физического комфорта.

Немаловажным фактором здорового образа жизни является выполнение и соблюдение медицинских рекомендаций при различных заболеваниях. Тотальное отрицание достижений современной медицины и увлечение так называемыми «народными средствами», большинство из которых оказываются всего лишь продуктом шарлатанства или плодом большого воображения, способны нанести организму непоправимый вред.

Современная концепция ВОЗ гласит: «Здоровье человека – это состояние его физического, душевного и социального ком-

форта». Таким образом, физическое воспитание является лишь одной из сторон процесса воспитания гармонично развитой личности, которое должно занимать довольно значительную часть в распорядке режима дня современного человека.

В наше времена эта проблема стала более актуальной, так как возросло число «офисных» работников, которые ведут малоподвижный образ жизни. Эти люди на протяжении целого дня находятся в душном помещении и замкнутом пространстве, часто находятся в состоянии высокой стрессовой нагрузки, а также передвигаются на личном или служебном автотранспорте – все это способствует развитию гиподинамии и хронической гипоксии в сочетании с нестабильностью артериального давления и высокой лабильностью нервной системы. Даже увлечение занятиями фитнесом и тренажерными залами после окончания рабочего дня на фоне профессионального утомления не снимает остроты проблемы – подобные несистематизированные нагрузки лишь усугубляют синдром хронической усталости, который ведет к негативному эффекту.

Физическое воспитание (культура) и спорт являются одними из главных областей удовлетворения жизненно необходимых потребностей человека в двигательной деятельности, обеспечивая гармоническое становление личности.

Понятие «Здоровый образ жизни» и физическое воспитание (культура) органически едины в своей гуманистической направленности и ориентированы на физическое развитие и физическую подготовленность конкретной личности. Физическая культура создает необходимые предпосылки и условия для поддержания здорового образа жизни человека, существенным компонентом которого является организация двигательной активности. Поддержание организма в постоянном тонусе способствует повышению трудоспособности, творческой активности, физическому совершенствованию, сохранению здоровья и долголетию. Здоровый образ жизни подразумевает соблюдение личной и общественной гигиены, рациональное питание, закаливание, отказ от вредных привычек, выполнение оптимального двигательного режима и т. д.

Основными задачами **гигиены** являются:

- изучение влияния внешней среды на состояние здоровья и работоспособность людей;
- устранение вредно действующих на здоровье факторов в целях улучшения состояния здоровья, физического развития и повышения работоспособности.

Роль гигиены в системе физического воспитания не должна исчерпываться одними лишь физическими упражнениями в каком-либо виде спорта, подвижных играх, а должна включать как общественную, так и личную гигиену труда и быта, использование естественных сил природы, правильный режим труда и отдыха и т. д.

Личная гигиена неотъемлема от физической культуры и спорта. Она составляет элемент здорового образа жизни и включает в себя широкий круг вопросов, связанных с уходом за телом, рациональным суточным режимом, отказом от вредных привычек, разрушающих здоровье человека и снижающих адаптацию и тренированность организма. Выполнение требований личной гигиены имеет не только индивидуальное, но и социальное значение, снижая заболеваемость в коллективе.

Рациональный суточный режим базируется на законах естественного физиологического состояния организма и представляет собой осознанное регулирование режимов труда и отдыха, сна и бодрствования, мышечной нагрузки и периодов релаксации.

Высокие по объему и интенсивности занятия по физическому воспитанию и спорту предъявляют повышенные требования к организму. Большое значение для восстановления энергии, роста и развития организма в режиме дня имеет рациональное питание. Рациональным считается питание, при котором суточная калорийность пищи соответствует суточному расходу энергии, а в качественном отношении пища должна содержать все вещества, необходимые для построения тканей, органов и нормального протекания физиологических процессов.

При соблюдении режима питания для поддержания высокой работоспособности важно соблюдать и питьевой режим. Суммарное количество воды в рационе питания, включая чай, кофе, жидкие блюда, должно составлять 2–2,5 л в день.

Под **закаливанием** понимают систему гигиенических мероприятий, сущность которых заключается в тренировке терморегуляторного аппарата, в развитии защитных реакций, снижающих чувствительность организма, в постепенном приспособлении организма к воздействию неблагоприятных метеорологических факторов внешней среды или иных раздражителей. В результате закаливания повышается устойчивость организма к неблагоприятным воздействиям погодных факторов (низкая температура, жара, сырость и др.), которые снижают работоспособность и могут вызвать различные заболевания.

Все виды закаливания сопровождаются общим благоприятным влиянием на организм, улучшают деятельность различных систем и органов. Ведущая роль в процессе закаливания принадлежит центральной нервной системе (ЦНС), которая контролирует все жизненно важные функции организма. Закаливание, укрепляя нервную систему, улучшает деятельность сердца, легких, печени, почек и других органов организма, усиливает обмен веществ.

Процесс физического воспитания немислим без закаливания, оно усиливает устойчивость организма к простудным заболеваниям, содействует повышению общей работоспособности и выносливости, ускоряет процессы акклиматизации.

Отказ от вредных привычек – необходимый фактор сохранения здоровья. Какие бы формы они ни принимали (курение, алкоголь и пр.), в их основе лежит единый механизм – сознательное хроническое отравление собственного организма, которое приводит к нарушению нормального функционирования организма и его систем.

При выполнении **оптимального двигательного режима** необходимо обратить внимание на формы физического воспитания и конкретные виды физических упражнений, которые можно и необходимо использовать самостоятельно.

Имеется 4 основные формы физического воспитания:

1) профессиональная физическая подготовка к конкретному виду деятельности (профессионально-прикладная физическая подготовка);

2) восстановление здоровья или утраченных сил средствами физической культуры – реабилитация;

3) занятия физическими упражнениями в целях отдыха (рекреация);

4) спорт высших достижений.

Система физического воспитания имеет ряд отличительных черт, которые проявляются в стремлении внедрять физическую культуру в быт народа, в демократическом характере физкультурных организаций, в широком использовании народных игр как средства оздоровления и закаливания.

Теоретико-методические основы физического воспитания заключаются в использовании научных достижений общественных и естественных наук, которые находят свое отражение в системе физического воспитания, непрерывно расширяются и углубляются во всех направлениях исследований, в том числе по совершенствованию самой системы физического воспитания.

Таким образом, физическая культура посредством физических упражнений готовит людей к жизни и труду, используя естественные силы природы и весь комплекс факторов (режим труда, быт, отдых, гигиена и т. д.), определяющих состояние здоровья человека и уровень его общей и специальной физической подготовленности.

Цель физического воспитания конкретизируется в его задачах, состоящих в оздоровлении, воспитании и образовании занимающихся.

Оздоровительная задача состоит в гармоническом развитии форм и функций организма, направленном на укрепление здоровья, повышение устойчивой сопротивляемости к заболеваниям организма и его закалывание.

Воспитательной задачей является развитие двигательных качеств человека (сила, быстрота, выносливость и др.), а также волевых качеств и умения противостоять физическому утомлению.

Образовательная задача складывается из формирования жизненно важных двигательных умений, навыков и знаний, которые формируются исходя из социальных потребностей индивидуума, таких как:

- стремление улучшить или изменить показатели своего физического состояния, развития, здоровья (телосложения);
- достичь высоких личных результатов в спорте;
- желание провести активный досуг;
- переключение с умственной деятельности на двигательную активность.

Понятие «двигательная активность» подразумевает основные формы физических занятий, способствующих развитию и укреплению здоровья человека.

Самым простым и доступным средством физиологического воздействия на все системы организма является бег. Поэтому этот вид циклических упражнений пользуется большой популярностью среди народных масс. По самым скромным подсчетам, бег в качестве оздоровительного средства используют более 100 млн человек среднего и пожилого возраста. Он является лучшим природным транквилизатором – более действенным, чем лекарственные препараты.

Из других видов физической нагрузки в последнее время приобретают популярность занятия атлетической гимнастикой с применением различных тренажеров, которые также являются прекрасной формой физической активности. Данные занятия

дают возможность целенаправленно воздействовать с помощью специализированных тренировок на определенные группы мышц и добиваться гармонического развития фигуры (телосложения). Также занятия силовыми упражнениями позволяют за минимально короткое время дать максимум мышечного напряжения, которое быстрее других снимает умственную усталость и нервно-психическое напряжение.

Большой интерес вызывают игровые виды спорта, такие как баскетбол, волейбол, футбол и др., где происходит выплеск негативной энергии человека, накопившейся в процессе его трудовой деятельности.

Благодаря многим федеральным проектам большое распространение в последнее время стали получать многие традиционные и нетрадиционные виды спорта. Стремление людей к физическому совершенствованию привело к поиску новых путей, средств и методов достижения этой цели. Физическое воспитание стало выглядеть как естественная потребность человека, стремящегося к гармоничному развитию личности, являющееся необходимым и важным условием его здорового образа жизни.

Литература

1. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» : постановление Правительства РФ от 11 января 2006 г. № 7 // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 13 янв. 1999 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. Бальсевич В. К. Физическая культура для всех и для каждого / В. К. Бальсевич. – М., 1998.
4. Лаптев А. П. Гигиена массового спорта / А. П. Лаптев. – М., 2000.
5. Массовая физическая культура в вузе : учеб. пособие / И. Г. Бердников [и др.] ; под ред.: В. А. Маслякова, В. С. Матяжева. – М. : Высш. шк., 2003г. – 240 с.: ил.
6. Пономарев Н. И. Социальные функции физической культуры / Н. И. Пономарев. – М., 2001.
7. Столяров В. И. Актуальные проблемы истории и философско-социологической теории физической культуры и спорта / В. И. Столяров. – М., 2002.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЧАСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Сегодня образование рассматривается мировым сообществом как один из важнейших факторов стабильности экономики, движущей силой устойчивого развития и повышения конкурентоспособности государства.

Происходящие на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане, социальные изменения, формирование демократического общества и его интеграция в мировое и европейское культурно-образовательное пространство привели к активному росту инноваций в педагогической теории и практике, одним из которых выступает частное образование.

В числе приоритетных направлений развития государства – образование, наука и благоприятная среда для их развития. Чтобы страна могла добиться высоких результатов в своем развитии, необходимо привести в действие не только экономические рычаги, но и социальные, культурные и духовные факторы, а также создать условия для творческой реализации личности.

Для достижения этой цели выделены приоритетные направления государственной политики. Важнейшее из них – развитие человеческого капитала как основы инновационного развития. Поэтому главная задача системы образования – повышение качества обучения и воспитания учащейся молодежи на всех уровнях.

Создан механизм реализации этой задачи – принятие государственных программ развития соответствующих уровней образования. Программы предусматривают совершенствование содержания образования, улучшение материально-технического и финансового обеспечения, обновление учебно-лабораторного и научного оборудования учреждений образования, повышение квалификации и переподготовку кадров и др.

Проводимые в национальной системе образования качественные преобразования в целом соответствуют структуре и тенденциям развития образования в мире и Европе. В сфере высшей школы наиболее быстро развивается сектор частного образования. За последние 20 лет его доля в мире значительно возросла. В Центральной и Восточной Европе, начиная с 1990 г., он существенно вырос. Сегодня значительный рост наблюдается и в Западной Европе [1].

Есть ряд всемирно известных университетов, закончить которые считается очень престижным и для дальнейшей профессиональной деятельности эффективным: Сорбонна, Оксфорд, Гарвард, Итон. И все эти вузы – платные. Платное образование существует практически во всех странах мира.

Например, в Китае в 2002 г. насчитывалось 1 396 государственных и 1 202 частных университета. В Пекине на этот период работал 91 частный вуз, в Шанхае – 177 [2].

Открытие частных вузов в Чехии стало возможным после принятия закона о высших учебных заведениях от 1.11.1998. Это расширило возможности получения высшего образования, позволило вузам конкурировать между собой и открыло возможности для привлечения негосударственных средств в сектор высшего образования. В Чехии на сегодняшний день действует больше частных (47) вузов, чем государственных (25) [3].

В Японии насчитывается около 600 университетов, включая 425 частных и 175 государственных, в которых обучается около 2,5 млн студентов. Самые престижные – государственные университеты в Токио, Киото и Осаке. Из частных наиболее известны университеты Тюо, Нихон, Васэда, Мэйдзи, Токай и Кансай. В зависимости от престижности вуза и востребованности специальности стоимость обучения варьируется от 100 тыс. долларов за степень бакалавра (четыре года обучения) до 5 тыс. – за бакалавра искусств в муниципальном вузе. В японских вузах оплачивается не только обучение, но и вступительные экзамены [3].

По оценке экспертов Ассоциации негосударственных образовательных учреждений регионов России (АсНОУРР), примерно каждый десятый житель России учится в частном институте, а в Москве – почти каждый пятый [4]. Эти показатели достаточно хорошо иллюстрируют возрастающее значение негосударственного образования.

Не вызывает сомнений тот факт, что за последнее десятилетие негосударственный сектор стал неотъемлемой частью системы образования в России, заняв четко определенную нишу.

По мнению директора АсНОУРР Александра Моисеева, заслуживает внимания опыт Китая. Здесь из 12-летнего школьного курса бесплатными являются только первые девять лет, а высшее образование полностью платное. Однако стоимость обучения невысока, так как государство активно помогает учебным заведениям прямым финансированием и предоставлением существенных льгот, прежде всего налоговых.

Казахстан тоже сейчас активно идет по пути развития частного образования. Министерство образования и науки Республики Казахстан ставит своей целью вывести казахстанские вузы на уровень европейских. Одним из приоритетов является присоединение Казахстана к Болонскому процессу – европейскому объединению вузов на основе общих стандартов образования. Казахстан включился в процесс создания конкурентной системы образования. Принят ряд соответствующих программных и нормативных документов. Главой государства концептуально обозначен курс на создание высокоэффективной системы подготовки кадров, ускоренной интеграции в мировое образовательное пространство. С внесением в Конституцию Казахстана нормы, позволяющей открывать частные учебные заведения, в том числе и в высшем образовании, определены перспективы для развития нового сектора этой сферы. Первыми частными университетами стали «Туран», «Кайнар», КИПМО.

Активным проводником новых образовательных технологий в республике на основе Болонской декларации, особенно кредитной, является ряд частных вузов, таких как частный университет «Мирас» и др.

Открыты КИМЭП, КБТУ, МКТУ им. А. Яссави, Казахстанско-Российский университеты. Во многих вузах созданы условия для совместной подготовки специалистов с европейскими, южноазиатскими, китайскими университетами. Ежегодно более трех тыс. человек выезжает для обучения за рубежом по программе «Болашак». Около десяти вузов страны подписали Болонскую хартию. Принято решение о создании в Астане и Алматы новых университетов, отвечающих самым высоким требованиям современности.

Наибольшее количество вузов расположено в г. Астана, Алматы, в ЮКО, ВКО, в Карагандинской области.

За годы своего становления и развития частное образование много достигло. В 2006/2007 учебном году в республике насчитывалось 176 высших учебных заведений с охватом 768,4 тыс. человек. В негосударственных вузах обучалось 46 % от всего контингента студентов [4].

Как отметил доктор экономических наук, профессор, ректор университета «Туран», президент Ассоциации вузов Казахстана Р. Алшанов, в 2006/2007 учебном году впервые в Казахстане осуществлена попытка определения 60 ведущих вузов страны, а также генерального рейтинга по направлениям подготовки. В рейтинге многопрофильных университетов такие частные вузы, как

Инновационный евразийский университет и университет «Туран» вышли на шестую позицию, Казахстанско-Американский свободный университет – на седьмую, университет имени Сулеймана Демиреля – на восьмую позицию.

Примечательно, что в числе ведущих вузов страны каждый пятый вуз – негосударственный. В их числе – КИМЭП, КазГЮУ, КЭУ имени Т. Рыскулова, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Алматинский технологический университет, Инновационный евразийский университет, университет «Туран», Университет международного бизнеса, Евразийский гуманитарный университет, университет имени Сулеймана Демиреля и др. [5].

Рейтинговые показатели убедительно свидетельствуют о повышении авторитета частного высшего образования в стране. Многие из вузов этого сектора образования, несмотря на жесткую конкуренцию, неравные стартовые условия, не только выжили, но и состоялись как известные учебные заведения.

Но следует отметить, что пока только два казахстанских высших учебных заведения вошли в мировой рейтинг вузов (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева занял 462-е место, Казахский государственный национальный университет им. Аль-Фараби – 521-е место), 8 вузов Казахстана получили международную аккредитацию и участвуют в международных академических рейтингах университетов.

В Послании народу Казахстана 2011 г. Президент Н. Назарбаев заявил о необходимости рывка в развитии высшего образования. По его словам, к 2020 г. 30 % отечественных вузов пройдут независимую аккредитацию. «Не менее двух высших учебных заведений будут отмечены в рейтинге лучших мировых университетов», – отметил глава государства [6].

Следуя мировым тенденциям, мы взяли курс на переход от старой конструкции «образование на всю жизнь» к новой – «образование на протяжении всей жизни». Свое практическое воплощение эта идея нашла в системе непрерывного образования, охватывающей все уровни – от дошкольного до высшего и последиplomного.

Неоднозначность и противоречивость имиджа негосударственных вузов как институтов современного образования порождает множество проблем, отражающихся на деятельности самих вузов. Зачастую в обществе формируется предубеждение и сте-

реотип – образ негосударственного вуза как организации, целью которой является сбор денег со студентов и их родителей.

В недавнем прошлом многие высказывали мнение, что при выборе высшего учебного заведения нужно отдавать предпочтение исключительно государственным вузам. Но это мнение основано на косности и консерватизме – наследии былых советских времен.

Действительно, во времена перестройки так оно и было: отсутствие стабильности в экономическом и социальном плане сказывалось на системе образования. Если в начале 90-х гг. в частных вузах преподавали, в основном, совместители, работающие в государственных вузах, то сейчас ситуация кардинально изменилась. Теперь можно привести многочисленные примеры вузов негосударственного сектора с уже сформировавшимися кафедрами, во главе которых стоят известные ученые-профессора, доценты и т. д. Все крупные частные вузы имеют свой штатный состав ППС, остепененность которого достаточно велика и не только отвечает требованиям высшей школы, но зачастую и превышает необходимые показатели.

Говорить о том, что и качество обучения, и уровень профессорско-преподавательского состава высоки только в государственных вузах – значит не замечать изменений, произошедших в отечественной высшей школе за последние 10–15 лет.

Сегодня в Казахстане негосударственный сектор занял достойное место в общей системе образовательных услуг. В последнее время частные вузы расширили перечень специальностей подготовки кадров. Многие из них предлагают выпускникам образовательные услуги не только по программам бакалавриата, но и магистратуры и даже докторантуры PhD. Негосударственные вузы имеют лицензии на ведение образовательной деятельности, получение которых связано с предоставлением большого количества документов, начиная с обоснования необходимости открытия специальности (или вуза) в данном регионе и заканчивая списком имеющейся литературы и перечнем дисциплин учебного плана. Перечень документов одинаков для государственных и частных вузов. Учебные планы составляются на основании государственных стандартов, единых и обязательных для вузов любой формы собственности.

В структуре высшего образования Казахстана сегодня преобладают частные вузы (89 из 144 или 62 % от общей численности высших учебных заведений). Поэтому мы с уверенностью можем

констатировать, что их роль в образовательной жизни страны весьма существенна [7].

Результаты исследования данной проблемы свидетельствуют о том, что негосударственные вузы не просто «настают на пятки» государственным, но зачастую и опережают их по многим позициям. И это закономерно. В частных вузах, предлагающих действительно качественное образование, программы и методы обучения более передовые, более современные, чем в государственных. А что касается кадрового состава, именно в частные вузы уходят самые смелые, инициативные и творчески работающие педагоги из государственных вузов, ведь многие из них зачастую не находят содействия со стороны администрации своим начинаниям, их давят устаревшие рамки программ и методик. Кроме того, материальный фактор также играет не последнюю роль. Не является секретом, что заработная плата в государственных вузах зачастую ниже, чем в частных. Поэтому многие заслуженные педагоги, видные ученые переходят на работу в коммерческие вузы. Так что, мнение о некачественном преподавании в частных высших школах не является обоснованным.

Весьма острым является вопрос о необходимости поддержки частных вузов со стороны государства, как это делается во всем мире. Так, особым вниманием государства окружен негосударственный сектор образования в Австралии, Корее и Сингапуре, которые получают определенные суммы финансовых средств для своего развития. На этом фоне достаточно резко контрастирует ситуация в странах постсоветского пространства и в Республике Казахстан. Ни один из частных вузов не получает дотации от государства.

По закону государственные и негосударственные вузы равны: лицензию, аккредитацию и аттестацию они получают на одинаковых условиях. Единственное значительное различие государственных и негосударственных вузов – это их учредитель: у одних – государство, у других – общество или его члены. Соответственно, государственные вузы получают заказ на обучение студентов и осуществление образовательной деятельности за счет средств государственного бюджета, негосударственные вузы – за счет средств собственного бюджета. Частные вузы финансируют свою деятельность из средств, поступаемых от студентов в виде оплаты за обучение. В большинстве случаев частные вузы позволяют оплачивать учебу в рассрочку, что является мощным фактором поддержки малообеспеченных семей в условиях экономического кризиса.

Частные вузы Казахстана пока не имеют реальной поддержки ни в форме допуска к госзаказу, ни в поддержке развития материальной базы, ни в поддержке общежитий и других сторон социальной жизни студентов, которые учатся на свои деньги.

Видение решения данной проблемы заключается в том, что, по нашему мнению, финансирование должны получать все учебные заведения, имеющие государственную лицензию на ведение образовательной деятельности, а студенты частных вузов должны иметь возможность получать стипендию из государственного бюджета.

Отношение к негосударственным высшим учебным заведениям сказывается также и на результатах конкурса «Лучший преподаватель», проводимого ежегодно Министерством образования и науки Республики Казахстан. В числе победителей оказывается ничтожно малое число преподавателей частных вузов, а зачастую от представителей частных вузов документы вообще не принимаются. Дискриминация негосударственного сектора – это дискриминация части талантливых казахстанских педагогов и молодежи. А ведь именно государство должно позаботиться о хорошем образовании, а значит, об образовании для всех.

Негосударственным вузам приходится решать и еще одну не менее острую проблему – бороться за каждого студента. Чтобы решать эту проблему, частные вузы прикладывают максимум усилий для работы со школьниками, разрабатывают эффективные механизмы проведения имиджевых мероприятий по повышению статуса вуза. Еще несколько лет назад выбор абитуриентов и их родителей делался исключительно в пользу государственного учреждения. А понятие «негосударственный вуз» настояжало. Считалось, что частные вузы не могут дать качественное образование. Государственным вузам больше оказывают доверие абитуриенты, их родители и работодатели. Многие работодатели охотней берут специалистов, окончивших государственные высшие учебные заведения.

Есть еще одна проблема, которую хочется обозначить. Суть ее заключается в том, что частным вузам, в силу сложившегося к ним не всегда положительного отношения, из-за нехватки абитуриентов приходится обучать не самых сильных по уровню подготовки выпускников школ, что приводит к тому, что показатели успеваемости в частных вузах бывают несколько ниже, чем в государственных.

Если раньше можно было говорить о том, что материально-техническая база лучше в государственных вузах, чем в негосударственных, то сейчас эта грань все больше и больше стирается. То же самое можно сказать о профессорско-преподавательском составе, развитии структуры кафедр. Многие негосударственные учебные заведения настроены на плодотворную долгосрочную работу, а потому стремятся зарекомендовать себя только с лучшей стороны, расширить количество специальностей, повысить качество обучения.

Среди плюсов негосударственных вузов можно также отметить быстрое реагирование на изменения на рынке образовательных услуг и рынке труда, направленность на спрос рынка труда, достойное материально-техническое оснащение, возможность вуза работать по различным направлениям и специальностям и др.

Одновременно с этим можно отметить различного рода «полюбки» по отношению к государственным вузам со стороны государства. Например, чиновники из Министерства «закрывают глаза» на имеющие место случаи малочисленности академических групп в государственных вузах, превышение приведенного контингента студентов заочной формы обучения к дневной, недостаточную острепенность ППС по ряду специальностей (иностранный язык, физическая культура и др.) и др. Десятки государственных вузов имеют много мелких специальностей и малочисленных групп. Очевидно, что вуз в этой ситуации не может эффективно вести подготовку специалистов в группе, насчитывающей 3–5 человек. Как показывает практика, зачастую это педагогические, инженерные специальности, не пользующиеся популярностью у выпускников школ.

Абитуриенты не хотят обучаться на платной основе на педагогических специальностях, поступают на более престижные, так как платный прием на соответствующие направления не оправдывает себя. И объяснение этому дает простая арифметика. Средние расходы на подготовку одного студента по государственному заказу по направлению «Образование» в национальных вузах составляют 371,3 тыс. тенге, в других вузах – 192,8 тыс. тенге и продолжает расти с каждым годом [8]. Стоимость же обучения на наиболее востребованных факультетах государственных вузов оказывается многим просто не по карману.

В ближайшем будущем Министерство планирует рассмотреть вопрос о пересмотре размера гранта по педагогическим специальностям в сторону его увеличения. Если сейчас один год

обучения в вузе на педагогических специальностях обходится студенту примерно в 200–250 тыс. тенге, то за четыре года обучения он должен оплатить от 800 тыс. тенге до миллиона, а если родители студента взяли кредит в банке на обучение, то прибавьте к этой сумме еще и проценты банка. Получается кругленькая сумма. Для сравнения – воспитатель детского сада, окончивший вуз, работая на одну ставку, зарабатывает около 30 тыс. тенге. Это означает, что более трех лет бедный воспитатель не должен питаться, одеваться, оплачивать коммунальные услуги, посещать культурные мероприятия, рожать детей (это тоже очень затратная часть нашей жизни) и т. д.

Предпочтения в сложившейся ситуации абитуриенты отдают частным вузам, в том числе из-за ценового фактора. Правильное ведение хозяйства позволяет снизить цену за обучение. Но у государственных вузов есть одно преимущество – у них есть материальная база, которая ими не наработана. Этот фундамент позволяет им сегодня значительные средства вкладывать в методологическое, техническое оснащение, но зачастую и этого не происходит. Деньги тратятся на увеличение зарплаты, на другие непервостепенные и неоправданные нужды.

Анализируя ситуацию в современном образовании, надо отметить, что в целом Министерство образования и науки РК принимает меры по повышению качества образования в вузах, в том числе в негосударственных. Это делается через процедуры аттестации и аккредитации. Лицензия выдается негосударственным вузам на пять лет, и по истечении этого срока их деятельность полностью проверяется. Требования высокие – уровень знаний студентов, состояние кадровой базы, материальное обеспечение, наполнение библиотек и многие другие критерии.

Оказать давление на частные вузы в данной ситуации очень легко – нужно только дать конкретную установку комитету по контролю в сфере образования и науки, который работает в рамках Министерства. И подход к проверке частного вуза будет достаточно жестким, в связи с этим сложно будет выдержать квалификационные требования.

Безусловно, большинство частных учебных учреждений в Казахстане выживет и без активной финансовой и организационной помощи со стороны государства. Опыт последнего десятилетия подтверждает, что они состоялись и востребованы. А некоторые выступления в прессе и на совещаниях различного уровня свидетельствуют о том, что необходимо обратить внимание на

данную проблему, чтобы не только по закону, но и на практике доказать: частные образовательные заведения имеют равные права на существование и выполняют не менее важные функции, чем государственные.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что частное высшее образование – необходимая и значительная реалья нашего времени, которая имеет право на существование и обеспечивает альтернативу государственному образованию.

Примечания

1. Фрид Й., Гласс А. Частное высшее образование в Европе // Высшее образование сегодня. 2007. № 2. С. 26–30.
2. Юань Ш. Частное высшее образование в Китае: эволюция, особенности и проблемы // Университ. управление: практика и анализ. 2004. № 3(31). С. 77–80
3. Высшее образование по странам. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Национальный доклад о состоянии и развитии образования. Краткая версия. 2008 г. URL: file:///C:/Users/1/Desktop/gos_tipo1-2_rus.php.htm#
5. Алшанов Р. Частное образование в Казахстане: становление и современные вызовы // Казахст. правда. 2007. 2 нояб. С. 24.
6. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 28.01.2011 г. «Построим будущее вместе»
7. Высшее образование в Казахстане: состояние в 2010 г. [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/1/Desktop/education.html>
8. Выступление Министра образования и науки Республики Казахстан Б. Т. Жумагулова на встрече с ректорами вузов, осуществляющими подготовку педагогических кадров. Алматы, 12 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tarmpi.kz/index.php>

**ШИВИТ-ХУУРАК И. К.
ПЛОТНИКОВА И. И.
ГАЛИМОВ Г. Я.**

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНЕШНЕГО ДЫХАНИЯ УЧАЩИХСЯ 8–9 ЛЕТ

Дыхание – необходимый для жизни процесс постоянного обмена газами между организмом и окружающей средой. Дыхание обеспечивает постоянное поступление в организм кислорода, который необходим для осуществления окислительных процессов. При окислительных процессах образуется углекислый газ, который необходимо удалять из организма (Хрипкова А. Г., 1990).

В зависимости от уровня физического развития, физической подготовленности человека функциональная деятельность дыхательной системы будет протекать на различном уровне.

Для оценки функциональных возможностей дыхания и ее связи с уровнем физической подготовленности были проведены исследования учащихся младших классов в сентябре и в мае.

Для изучения состояния системы дыхания в лабораторных условиях использовали спирометабалограф Т-35 венгерского производства, представляющего замкнутую дыхательную систему. Предварительно испытуемые обучались дыханию через загубник и привыкали к обстановке обследования. Полученные данные были приведены к стандартным условиям (STPD), показатели объема легких – к условиям среды (BTPS). Для оценки состояния дыхания в условиях относительного мышечного покоя в положении сидя определялись показатели:

- потребление кислорода (PO_2);
- минутный объем дыхания (МОД);
- жизненная емкость легких (ЖЕЛ);
- максимальная вентиляция легких (МВЛ);
- коэффициент использования кислорода (KiO_2);
- дыхательный объем (ДО);
- частота дыхания (ЧД);
- резерв дыхания (РД);
- задержка дыхания на вдохе и выдохе, которая отражала запрос и усвоение тканями кислорода, интенсивность обменных реакций в организме.

Анализ экспериментальных данных внешнего дыхания у мальчиков и девочек 8–9 лет дал возможность выявить прямую зависимость между развитием системы дыхания и высоким уровнем двигательной подготовленности испытуемых.

Сравнительный анализ показаний системы дыхания в учащихся экспериментальной (ЭГ) и контрольной группы (КГ) позволил установить существенные изменения за время одногодичного педагогического эксперимента, что, по всей вероятности, явилось следствием использования средств направленного воздействия на развитие двигательных качеств. Среди них широкое применение нашли компоненты физической подготовки, такие как упражнения утренней гимнастики, выполнение домашних заданий, а также использование методики обучения технике игры в футбол, обоснованной на теории учебной деятельности (Давыдов В. В., 1996). Необходимо отметить, что КГ занималась, согласно учебной программе, а ЭГ – по предложенной нами методике (табл. 1, 2).

Таблица 1

Динамика показателей функции внешнего дыхания мальчиков 8–9 лет экспериментальной и контрольной групп в начале и конце эксперимента

Показатели внешнего дыхания	В начале эксперимента				В конце эксперимента			
	ЭГ	КГ	<i>t</i>	<i>p</i>	ЭГ	КГ	<i>t</i>	<i>p</i>
ПО ₂ , мл	294,7 ±20,23	293,4 ±12,16	0,05	>0,05	399,64 ±15,9	294,0 ±16,5	4,46	<0,001
МОД, л	5,54 ±0,27	5,57 ±0,42	0,5	>0,05	6,8 ±0,4	5,63 ±0,3	3,4	<0,01
ЖЕЛ, мл	1584,70 ±46,65	1579,0 ±37,17	0,09	>0,05	1710,0 ±94,5	1586,6 ±87,6	13,1	<0,001
МВЛ, л/мин	31,04 ±2,12	32,11 ±1,6	0,4	>0,05	43,08 ±1,8	32,29 ±1,6	4,2	<0,001
КиО ₂ , мл	45,19 ±2,27	46,11 ±2,7	0,26	>0,05	59,8 ±2,6	47,4 ±2,6	3,18	<0,01
ДО, см ³	262,94 ±12,17	262,17 ±10,11	0,04	>0,05	304,81 ±9,4	263,47 ±9,2	3,14	<0,01
ЧД, мин	22,47 ±0,53	22,59 ±0,71	0,96	>0,05	20,41 ±0,2	21,84 ±0,3	2,86	<0,05
Проба Штанге, с	30,08 ±1,41	32,54 ±1,53	1,2	>0,05	33,9 ±0,3	32,67 ±0,3	2,92	<0,05
Проба Генчи, с	7,46 ±0,58	7,53 ±0,77	0,11	>0,05	9,17 ±0,4	8,09 ±0,4	2,85	<0,05

Таблица 2

Динамика показателей функции внешнего дыхания девочек 8–9 лет экспериментальной и контрольной групп в начале и конце эксперимента

Показатели внешнего дыхания	В начале эксперимента				В конце эксперимента			
	ЭГ	КГ	<i>t</i>	<i>p</i>	ЭГ	КГ	<i>t</i>	<i>p</i>
ПО ₂ , мл	292,7 ±13,8	292,3 ±12,1	0,02	>0,05	348,7 ±0,4	293,2 ±0,3	4,15	<0,001
МОД, л	5,47 ±0,3	5,93 ±0,2	0,5	>0,05	6,14 ±0,04	5,97 ±0,05	2,8	<0,05
ЖЕЛ, мл	1511, 64 ±44,6	1574, 8 ±42,8	1,04	>0,05	1720, 4 ±13,8	1599, 4 ±12,7	6,4	<0,001
МВЛ, л/мин	30,91 ±2,4	30,47 ±1,9	0,18	>0,05	43,44 ±2,4	32,06 ±2,2	3,3	<0,01
КиО ₂ , мл	44,13 ±2,4	45,11 ±2,7	0,27	>0,05	40,6 ±1,2	46,3 ±1,4	3,09	<0,01
ДОбъем, см ³	263,8 ±9,7	264,7 ±8,8	0,06	>0,05	366,4 ±16,9	265,8 ±15,8	4,2	<0,001
ЧД, мин	22,17 ±0,4	21,44 ±2,2	1,3	>0,05	19,58 ±0,5	21,0 ±0,4	2,22	<0,05
Проба Штанге, с	31,44 ±0,3	32,46 ±0,2	1,83	>0,05	34,6 ±0,4	32,12 ±0,5	3,2	<0,01
Проба Генчи, с	8,14 ±1,2	8,57 ±1,3	0,36	>0,05	11,17 ±0,3	9,64 ±0,2	3,25	<0,01

Как видно из полученных данных, PO_2 в конце педагогического эксперимента в ЭГ мальчиков и девочек составило 399,64 и 384,7 мл, в начале было, соответственно, 294,7 и 292,7 мл. Этот факт можно объяснить воздействием технологии направленного развития двигательных способностей учащихся 8–9 лет. Подобный прием позволил активизировать функцию внешнего дыхания, обеспечив таким образом получение результатов высокого уровня во всех показателях (МОД, ЖЕЛ, МВЛ, КиO_2 , ДО, ЧД, пробы Штанге и Генчи). Показатели испытуемых КГ мальчиков и девочек также увеличились, но не так значительно ($p > 0,05$). Эффективность предложенной технологии опережающего подхода, которая в своем содержании учитывает принцип сначала развивать, а потом обучать, в физическом воспитании школьников начальных классов оказывает благоприятное воздействие на дыхательную систему организма человека. Данные исследования показывают, что планирование учебного процесса в модульном варианте будет более эффективным по сравнению с традиционными приемами физического воспитания.

Подобная картина наблюдается и в других показателях внешнего дыхания. На основе изучения функции внешнего дыхания предоставляется возможность выделить основную тенденцию в динамике уровня физической подготовленности школьников ЭГ. Она характеризуется возрастающим темпом прироста функциональных показателей внешнего дыхания с четко выраженным увеличением их связи с повышенным уровнем физической подготовленности.

Особый интерес в данном исследовании представляет изучение степени взаимосвязи отдельных параметров внешнего дыхания при направленных физических нагрузках, когда организм нацелен на развитие двигательных способностей и овладение техникой футбола. В основу исследования взаимосвязи параметров внешнего дыхания положена величина коэффициентов корреляции. Анализ парной корреляции позволяет сделать заключение о существовании тесной взаимосвязи показателей МОД, ЧД, PO_2 , МВЛ, ЖЕЛ, пробы Штанге и пробы Генчи в процессе занятий физическими упражнениями ($r = 0,8–0,9$). Меньшая связь наблюдается между показателями МОД, КиO_2 , ДО, РД ($r = 0,5–0,7$). Однако высокая степень зависимости выявлена не у всех школьников ЭГ и КГ. Показатель PO_2 тесно коррелируется с КиO_2 , ЧСС, МВЛ, ДО. Эти связи у испытуемых также неоднородны и во многом зависят от общего уровня физической подготовленности испытуемых.

Тесная корреляционная связь между показателями внешнего дыхания наблюдается у испытуемого ЭГ К. Михаила, который обладал высоким уровнем физической подготовленности (рис. 1).

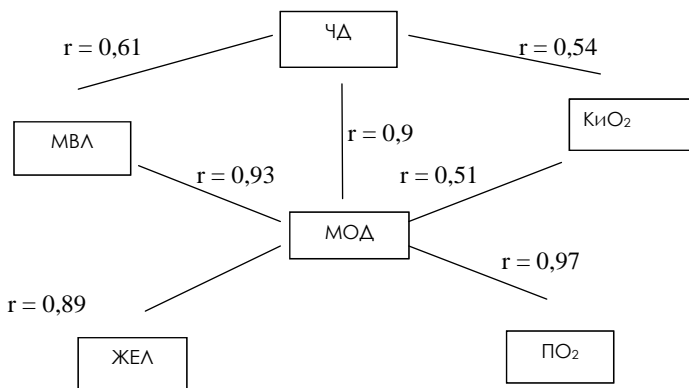

Рис. 1. Коэффициенты корреляции показателей функции внешнего дыхания у испытуемого с высоким уровнем физической подготовленности

Менее тесная связь и даже отсутствие корреляции между отдельными параметрами дыхания обнаружены у А. Владимира (КГ), который имел низкий уровень физической подготовленности (рис. 2).

Как видно из рис. 2, у испытуемого наблюдались низкие коэффициенты корреляции между показателями МОД, ЧД (r = 0,24) и КиО₂ (r = 0,29).

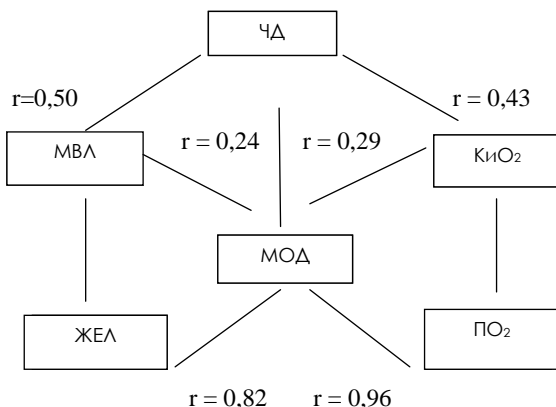

Рис. 2. Коэффициенты корреляции показателей внешнего дыхания у испытуемого с низким уровнем физической подготовленности

Представляет интерес изменение коэффициента регрессии в конце экспериментальной работы, который определяли между теми же параметрами внешнего дыхания. Известно, что при увеличении МОД изменяются показатели PO_2 , ДО, ЧД, РД, проба Штанге и проба Генчи. Однако величина и направленность коэффициентов регрессии показателей внешнего дыхания у школьников ЭГ и КГ различные.

Например, коэффициент регрессии показателей МОД и ЧД у испытуемого Г. Василия, обладающего низкой физической подготовленностью, – отрицательный ($r = -35$). Следовательно, в первом случае увеличение МОД происходило за счет его углубления. С увеличением показателя МОД происходило увеличение PO_2 . Однако величина PO_2 на 1 л/мин объема дыхания у испытуемого Г. Василия, обладавшего низкой физической подготовленностью, тоже была в несколько раз меньше, чем у К. Ивана с высоким уровнем физической подготовленности. Эти факты могут служить подтверждением более экономичной функции дыхания у школьников ЭГ (рис. 3).

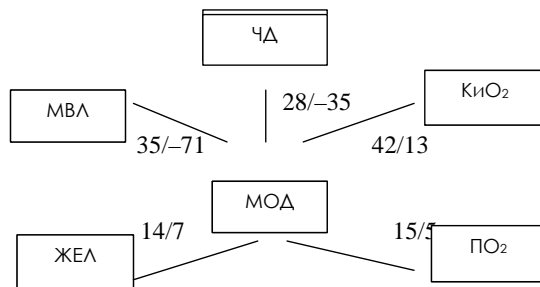

Рис. 3. Коэффициенты регрессии показателей внешнего дыхания у испытуемых с высокой и низкой физической подготовленностью
 Примечание: в числителе – высокий уровень физической подготовленности;
 в знаменателе – низкий уровень физической подготовленности

Результаты исследования функции внешнего дыхания позволили выявить тот факт, что с увеличением уровня физической подготовленности школьников связь между параметрами дыхания у испытуемых ЭГ возросла, а в КГ, наоборот, уменьшилась. Тесная связь показателей МОД, ЧД и PO_2 во всех случаях очень высокая и по мере увеличения физической подготовленности учащихся возрастает.

Специальные наблюдения за функцией внешнего дыхания показали, что направленное развитие физических качеств обеспечивает глубокие функциональные изменения в организме и более существенные сдвиги в уровне физической подготовленности школьников ЭГ. При традиционном обучении учащихся начальной школы КГ физическое воспитание вызывает лишь кратковременные функциональные реакции, которые не обеспечивают условий к развитию долговременных адаптационных перестроек в организме. Традиционная система обучения вначале дает некоторое повышение функционального уровня внешнего дыхания, но затем, в связи с быстрой адаптацией организма, утрачивает свой тренирующий потенциал.

Таким образом, легко заметить, что предлагаемая технология вызывает существенные сдвиги в системе организма школьника и активизирует процесс его приспособления к специфическим условиям. В нашем деле целевое выражение «подготовка» на данном этапе физического воспитания связывается с обеспечением необходимой функциональной готовности организма для совершенствования технико-тактического и планомерного повышения скорости выполнения упражнений. У школьников ЭГ увеличиваются резервные возможности дыхания, отчетливо возрастают ЖЕЛ и МВЛ, большее количество кислорода используется из литра вентилируемого воздуха, совершенствуются механизмы тканевого дыхания, возрастает способность школьников к выполнению больших объемов физических нагрузок в выраженных гипоксических и гиперкапнических состояниях с образованием кислородного долга.

Увеличение МВЛ у школьников ЭГ осуществляется при относительно незначительном уменьшении ДО, т. е. более рациональным путем, чем у учащихся КГ. Критерием адаптации к специальным физическим нагрузкам, влияющим на силу дыхательных мышц, растяжимость грудной клетки – легкие и проходимость дыхательных путей, является увеличение ЖЕЛ за счет как ДО, так и резервных объемов вдоха и выдоха.

Большая ценность гипоксической пробы с задержкой дыхания на вдохе (проба Штанге) и на выдохе (проба Генчи) определяется возможностью в короткий отрезок времени создать затруднение функции дыхания и кровообращения и использовать эти сдвиги для характеристики устойчивости этих систем.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВОВЕДЕНИЕ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Букина О. Н.</i> Политические связи ссыльных большевиков Тобольской губернии (1905–1917 гг.)	3
<i>Минина Е. В.</i> Научно-технический музей как образовательная среда	9
<i>Тархова О. И.</i> Модели паровой техники в экспозиции «Из истории освоения тепловой энергии» Политехнического музея ...	14

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИАНГАРЬЕ

<i>Багаева К. А.</i> Взаимоотношения буддийской церкви и общества на современном этапе	20
<i>Гордеева О. Б.</i> Старообрядцы Забайкалья в годы Великой Отечественной войны	24
<i>Иваненко С. И.</i> Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений в качестве перспективной формы усиления роли религиозных организаций в воспитании толерантности и противодействии экстремистской деятельности	31
<i>Попов П. С.</i> Спецпереселение литовских крестьян в Иркутскую область: к вопросу о послевоенных депортациях (1940–1950-е гг.)	42
<i>Смолина И. В.</i> Ответ христианских церквей на тоталитарные вызовы в России и Германии	48
<i>Чечет Б. Ф.</i> В поисках веры не потерять разума	53

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Абрамова М. А.</i> Влияние телевидения на социализацию и инкультурацию личности	59
<i>Багаева О. Н.</i> Человек в системе массовых коммуникаций: конструктивные и деконструктивные процессы	65
<i>Бушев А. Б.</i> Как учиться интерпретировать глобальные медиа?	70
<i>Галанова С. Л.</i> Институционализация связей с общественностью как социальной функции: историческая ретроспекция	74
<i>Кузьмичева Е. В.</i> Некоторые аспекты межкультурной коммуникации в международном образовательном сотрудничестве	89

ШЕСТЬЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

<i>Андреева Е. В.</i> Культурное наследие как фактор сохранения культурной идентичности	94
<i>Брындин Е. Г.</i> К всеобщему миру через становление гармоничного поликультурного общества гармонизацией жизнедеятельности человека	99
<i>Быкова Т. В.</i> «Танатоидицея» или последнее грехопадение человека разумного	104
<i>Жаргалсайхан Ж.</i> Инновации в кочевничестве в формирующемся современном монгольском правовом обществе	112
<i>Кополёв Н. С.</i> Нация как продукт цивилизации: может ли она воссоединиться с культурой? К постановке вопроса	117
<i>Куроленко А. М.</i> Проблема маргинальности в социологической теории	124
<i>Омельчук Р. К.</i> Трансформация ценностей в философии и образовании в контексте рационализма нового времени	129
<i>Филатова М. И.</i> Перспективность диалога между гносеологическими традициями русской религиозной философии и современной эпистемологии	134

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕТОДИКЕ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Башкатова Т. Б.</i> К вопросу об использовании презентаций Power Point на занятиях по иностранному языку	141
<i>Бельдинская В. П.</i> Использование модульной технологии при изучении английского языка в неязыковом вузе	144
<i>Владимирцева А. Г.</i> Еще раз о фразовых глаголах	150
<i>Герасимова Т. Г., Лебедева Л. А.</i> К вопросу о возможности алгоритмизации усвоения лексики	157
<i>Егорова М. А.</i> Когнитивный субъект, когнитивная личность, наблюдатель	161
<i>Ершова И. В., Миронова Е. И.</i> Обучение переводу так называемых «незначимых» слов (из опыта работы)	164
<i>Зими́на Л. П.</i> Возможные пути пополнения фразеологического состава немецкого языка	167
<i>Игнатьева Е. П.</i> Концепции имен собственных	173
<i>Кулакова О. К.</i> Орки в произведениях жанра фэнтези: мифология, мифотворчество и развитие прецедентного феномена	180
<i>Лашина Е. Б.</i> Реальное окружение объекта как фактор использования терминов в художественном тексте	185

Лемешко Ю. Р. Направления исследования перформанса в современной гуманитаристике	188
Малова Н. С. Содержательный интегрированный подход к обучению иностранным языкам в свете европейской языковой политики	193
Петрова Н. В. Интерпретация сказок как вторичный текст	198
Серебрякова-Елисафенко А. В. Методика «обучения по станциям» как один из методов преподавания иностранного языка в рамках личностно-ориентированного подхода	205

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Акишин Б. А. Опыт организации физического воспитания в вузе с учетом интересов студентов	212
Галимов Г. Я., Плотникова И. И., Шивит-Хуурак И. К. Опережающий подход в физическом воспитании школьников	215
Гилев Г. А. К вопросу адаптационных механизмов освоения студентами учебного материала	221
Малинаукас Р. К. Особенности социально-психологической компетенции будущих специалистов в области физической культуры и спорта	226
Ницина О. А. Современная система физической культуры и спорта: тенденции и необходимость модернизации	230
Пампура Н. А., Мальченко А. Д., Софьина Е. А. Влияние различных видов физической нагрузки на психическое состояние студенток основной медицинской группы	233
Плотникова И. И., Шивит-Хуурак И. К., Галимов Г. Я. Периоды интенсивного развития физических качеств учащихся младших классов общеобразовательных школ	240
Проходовская Р. Ф. Методологический подход к сохранению и укреплению здоровья	244
Проходовский Р. Я. Физическая культура как составляющая духовной личности человека	248
Струганов С. М. К вопросу о повышении роли физической культуры и спорта в Российской Федерации	251
Храпченкова Н. И. О некоторых проблемах частного образования в Республике Казахстан	259
Шивит-Хуурак И. К., Плотникова И. И., Галимов Г. Я. Функциональная деятельность внешнего дыхания учащихся 8–9 лет	268

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Мария Алексеевна – д-р пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований, Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск), e-mail: marika24@yandex.ru

Акишин Борис Алексеевич – канд. техн. наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева-КАИ (г. Казань)

Андреева Екатерина Викторовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальные технологии гуманитарного факультета Ростовский государственный университет путей сообщения (г. Ростов-на-Дону).

Багаева Ксения Анатольевна – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ), e-mail: багаevaksenija@rambler.ru

Багаева Ольга Николаевна – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (г. Новосибирск), e-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Башкатова Татьяна Борисовна – канд. социол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Бельдинская Валентина Петровна – преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Брындин Евгений Григорьевич – общественно движение «Нравственная Россия» (г. Новосибирск), e-mail: bryndin@ngs.ru

Букина Ольга Николаевна – соискатель кафедры истории и методики преподавания истории, Тобольская государственная социально-педагогическая академия (г. Омск), e-mail: bukina-o.n@yandex.ru

Бушев Александр Борисович – д-р филол. наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (филиал в г. Твери), e-mail: alex.bouchev@list.ru

Быкова Татьяна Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки психологического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Владимирцева Алла Григорьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Галанова Светлана Львовна – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: sv_gals@inbox.ru

Галимов Геннадий Яковлевич – д-р пед. наук, профессор факультета физической культуры, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ), e-mail: kfv@admin.isu.ru

Герасимова Татьяна Георгиевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Гилев Геннадий Андреевич – д-р пед. наук, профессор кафедры физического воспитания, Московский государственный индустриальный университет (г. Москва)

Гордеева Оксана Бенедиктовна – аспирант кафедры философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: gordeeva@irgups.ru

Егорова Мария Алексеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный технический университет (г. Иркутск)

Жамбалдоржийн Жаргалсайхан – аспирант кафедры философии методологии науки психологического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: buynaa915@mail.ru

Зими́на Людмила Пантелеевна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой немецкого и французского языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Иваненко Сергей Игоревич – д-р филос. наук, российский религиовед.

Игнатъева Елена Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный технический университет (г. Иркутск)

Коновалова Светлана Васильевна – начальник отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, e-mail: natz@govirk.ru

Коноплёв Николай Сергеевич – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и методологии науки психологического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: konoplev@home.isu.ru

Кужьмичева Елена Вячеславовна – начальник отдела по работе с иностранными учащимися, управление международного сотрудничества и внешнеэкономических связей, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина (г. Саратов), e-mail: international@sstu.ru

Кулакова Ольга Константиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Куроленко Анастасия Михайловна – аспирант кафедры социологии и социальной работы, Иркутский государственный технический университет (г. Иркутск), e-mail: kurolenko.anastasya@yandex.ru

Лашина Елена Борисовна – преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Лебедева Лариса Аркадьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Лемешко Юлия Римовна – преподаватель кафедры иностранных языков, факультет сервиса и рекламы, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Малинаускас Ромуальдас Казимерович – д-р пед. наук, профессор кафедры физического и социального воспитания, Литовская академия физической культуры (г. Каунас, Литва), e-mail: r.malinauskas@lkka.lt

Малова Наталья Стефановна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: natalia_malova@mail.ru

Минина Екатерина Валерьевна – директор по культурно-образовательной деятельности, Политехнический музей (г. Москва), e-mail: mininaPM@yandex.ru

Миронова Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Ницина Ольга Александровна – преподаватель, кафедра физического воспитания и спорта, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: kfv@admin.isu.ru

Омельчук Роман Константинович – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: psb04@mail.ru

Пампура Николай Александрович – доцент кафедры физического воспитания, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва)

Петрова Наталья Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Плотникова Ирина Ивановна – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Иркутский государственный университета (г. Иркутск), e-mail: kfv@admin.isu.ru

Попов Павел Сергеевич – аспирант кафедры философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: poroff_84@mail.ru

Проходовская Раиса Федоровна – канд. пед. наук, профессор, зав. кафедры физического воспитания и спорта, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: kfv@admin.isu.ru

Проходовский Руслан Ярославович – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедры физического воспитания и спорта, Иркутский государственный медицинский университет (г. Иркутск), e-mail: kfv@admin.isu.ru

Серебрякова-Елисафенко Александра Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков, Иркутский государственный университет (г. Иркутск)

Смолина Ирина Владимировна – канд. ист. наук, отделение религиоведение психологического университета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: ismolina10@yandex.ru

Софьина Екатерина Александровна – зав. лабораторией кафедры ТППМ и ИК, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва)

Струганов Сергей Михайлович – канд. пед. наук, доцент кафедры физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД РФ (г. Иркутск), e-mail: irkvshm@irq.mvd.ru, sergej_05@mail.ru

Тархова Ольга Ильинична – старший научный сотрудник, Политехнический музей (г. Москва), e-mail: mininaPM@yandex.ru

Филатова Мария Игоревна – аспирант кафедры философии, Курский государственный университет (г. Курск), e-mail: m.philatova@yandex.ru

Харченко Любовь Николаевна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории, Иркутский государственный университет путей сообщения, e-mail: kharchenko_ln@irgups.ru

Храпченкова Надежда Ивановна – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии, Карагандинский университет «Болашак» (г. Караганда, Казахстан), e-mail: chrapi@mail.ru

Чечет Борис Федорович – канд. филос. наук, доцент кафедры общественных наук, Ангарская государственная техническая академия (г. Ангарск), e-mail: bchechet_54@mail.ru

Шивит-Хуурак Илья Кимович – канд. пед. наук, старший преподаватель, Тывинский государственный университет, заслуженный тренер России по боксу

Научное издание

ШЕСТЬЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В 3 томах
Том 2

ISBN 978-5-9624-0633-6
ISBN (т. 2)

Редактор *Г. А. Борисова*

Темплан 2012. Поз. 89

Подписано в печать 10.11.2012 г. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 15,3. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 120 экз. Заказ 143

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел. (3952) 24-14-36